

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Черникова Наталья Александровна

**Русская проза 1950-х – 2020-х годов в восприятии
болгарской русистики: основные аспекты изучения**

Специальность 5.9.1. — Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научные руководители:

Зыкова Галина Владимировна,
доктор филологических наук, доцент

Шешкен Алла Геннадьевна,
доктор филологических наук, доцент

Зубарева Елена Юрьевна,
кандидат филологических наук, доцент

Москва – 2024

Содержание

Введение	2
Глава 1. Болгарская литературоведческая русистика. Основные этапы развития..	12
1.1. Становление болгарской русистики (1846-1946).....	12
1.2. Литературоведческая русистика в Народной республике Болгария (1946-1989)	20
1.3. Болгарское литературоведение 1990-х – 2020-х гг. о русской литературе.....	31
Глава 2. Рецепция русской «деревенской прозы» в Болгарии.....	41
2.1. Обсуждение тематики и проблематики русской «деревенской прозы» в болгарской русистике	41
2.2. Значение творчества В.Г. Распутина и В.М. Шукшина для болгарской культуры и переводы их произведений	69
Глава 3. Особенности восприятия „военной“, „городской“ прозы и творчества А.И. Солженицына.....	80
3.1. Русская проза о Великой Отечественной войне в Болгарии.....	80
3.2. «Болгарский период» в жизни Ю.В. Трифонова	92
3.2. А.И. Солженицын в болгарской социокультурной среде.....	103
Глава 4. Русский постмодернизм и «новейшая» русская проза: взгляд из Болгарии	115
4.1. Болгарские исследователи о постмодернизме и других явлениях русской прозы последних десятилетий	115
4.2. Переводы и издательская практика (1990-е – 2020-е).....	129
Заключение.....	141
Библиография	147

Введение

Русская проза 1950-2020-х гг. представляет собой яркое, динамично развивающееся и многоплановое явление. «Литература второй половины века, — отмечает российский ученый М.М. Голубков, — тоже выстраивает несколько ценностных центров в идеологическом кругозоре эпохи. В этот период формируются своего рода „литературные галактики“, связанные с важнейшими сторонами русского национально-исторического опыта, а литература оказывается важнейшей, если не единственной, сферой его осмысления» [Голубков 2019:83]. Эти «галактики» включают «деревенскую прозу», «городскую» прозу, осмысление Великой Отечественной войны, воплощение трагической темы ГУЛАГА. На рубеже 1960-х –1970-х гг. начал зарождаться постмодернизм, приобретающий новые формы бытования в 1990-е–2000-е гг.

Художественные открытия отечественной прозы осмыслялись как отечественной, так и зарубежной наукой. Российские ученые продолжают исследовать творчество вышеназванных авторов, раскрывая их значимость и место в национальной литературе, ценность художественных открытий и роль в современном литературном процессе. Важный вклад в исследование прозы 1950-2020-х гг. внесли также болгарские ученые, работы многих из них известны в нашей стране.

В Болгарии интерес к русской литературе имеет глубокие традиции. Он опирается на родство языков и культур, наследие основоположников славянской письменности и просветителей Св. Кирилла и Мефодия, православную христианскую традицию, а также роль России в исторической судьбе болгарского народа, его освобождении от многовекового османского владычества. Высокие достижения русской литературы и тесные связи между болгарскими писателями и русской литературной средой также сыграли важную роль в формировании болгарской литературы и критики XIX в. Современные бол-

гарские исследователи отмечают, что «бытование русской литературы в Болгарии имеет традиции полутора веков: почти столько же, сколько долгая история самой болгарской литературы» [Кирова 2009]. Произведения русских писателей были важнейшим звеном национального литературного процесса на разных его этапах, а «вторая половина двадцатого века является кульминационной точкой этого „присутствия“» [Кирова 2009]. Этим объясняется и успешное развитие литературоведческой русистики, которая именно во второй половине XX в. превратилась в развитую научную дисциплину и продемонстрировала серьезные достижения. Многоплановые исследования русской классической и современной литературы велись в разных университетских и научных центрах Болгарии.

Большое значение произведений русских писателей второй половины XX–XXI вв. для болгарской литературы подтверждается растущим интересом к их переводу и изучению, разнообразием и обогащением творческих связей между литературами и литераторами. Произведения авторов, с которыми связаны высокие достижения русской прозы, в том числе писателей последних десятилетий, в Болгарии регулярно переводились, издавались большими тиражами, получали отклик в критике и неизменно становились объектом научного анализа.

В XXI веке русская литература «продолжает занимать свое место среди ведущих иностранных литератур в нашей стране как по количеству переведенных книг, так и по качеству предлагаемых заглавий» [Николов 2009:199]. Болгары с интересом знакомятся с литературными новинками, следят за премиями («Большая книга», «Русский Букер», «Национальный бестселлер»...). М. Кирова в 2009 году писала, что в первое десятилетие XXI века «русская литература продолжает присутствовать на болгарском книжном рынке, с большим разнообразием — историческим, жанровым и тематическим». Через десять лет М. Костова-Панайотова приходит к выводу, что русская классическая литература продолжает оставаться основой формирования мировоззрения читателей в болгарской культурной среде: «Среди того, что помогает

нам понять самих себя, без сомнения, — это классические русские произведения» [Костова-Панайотова 2018: 600]. При этом М. Горчева утверждает, что за последнее десятилетие интерес у аудитории вызывает именно литература XX–XXI веков: «За исключением отсылок к Ф.М. Достоевскому, в основном цитируют авторов XX, а не XIX в.» [Горчева 2014: 222].

Болгарская литературоведческая русистика была и остается неотъемлемой частью межкультурного и межлитературного диалога, а многие исследователи популяризируют русскую литературу и как переводчики Владова [2017а: 69]. На протяжении 1950-х–2020-х гг. широко издаются монографии болгарских ученых о русской литературе и русско-болгарских литературных связях, где освещаются переводы, типологически родственные явления и вопросы творческого взаимодействия между литературами. Важно подчеркнуть, что зародившийся во второй половине 1950-х гг. интерес болгарской науки к русской «деревенской прозе», произведениям Ю. Трифонова, литературе о Великой Отечественной войне определяет темы исследований вплоть до настоящего времени, хотя и с разной динамикой и интенсивностью, зависящими от изменений в общественно-политической жизни в наших странах и переоценкой многого. В то же время исследуются и новые явления русской литературы.

Таким образом, **актуальность** предлагаемой работы определяется тем, что русская литература второй половины XX–XXI веков продолжает вызывать интерес болгарского читателя, что отражается и в русистике, представляющей собой одну из форм восприятия русской культуры болгарским народом. Что касается **степени научной разработанности вопроса**, отметим: хотя есть работы, рассматривающие бытование произведений отдельных писателей в Болгарии, однако комплексного анализа болгарской русистики, посвященной авторам и направлениям русской литературы XX–XXI веков, не существует. Между тем содержание научных трудов, созданных болгарскими учеными, разнообразие поставленных в них проблем, точность ряда

наблюдений, специфика оценок не позволяют игнорировать их. Работы болгарских русистов помогают понять некоторые особенности бытования русской литературы и ее традиций в современном мире, расширяют возможности найти новые подходы, дают представление о социокультурном, общечеловеческом потенциале и национальной специфике русской литературы, увиденной через призму другой культуры, близкой, но все-таки не тождественной.

Основные цели исследования:

- 1) обозначить узловые проблемы, связанные с изучением русской прозы второй половины XX–первых десятилетий XXI веков в Болгарии;
- 2) в контексте истории болгарской литературоведческой русистики систематизировать основные концепции изучения творчества представителей русской прозы второй половины XX – первых десятилетий XXI веков;
- 3) выявить специфику переводной рецепции русской прозы второй половины XX–первых десятилетий XXI веков;
- 4) определить значение трудов болгарских ученых, посвященных русской прозе, для русско-болгарских литературных отношений второй половины XX — первых десятилетий XXI вв.

Основные задачи, решение которых необходимо для достижения целей:

- 1) составить представление о формировании литературоведческой русистики Болгарии как научной дисциплины, об основных этапах ее развития и их характере;
- 2) отобрать и проанализировать репрезентативные научные и критические тексты болгарских русистов, посвященные русской прозе второй половины XX – первых десятилетий XXI вв.;
- 3) сопоставить интерпретации русской прозы, предложенные болгарскими учеными, с подходами их отечественных коллег;

4) собрать данные о переводах русской прозы на болгарский язык, практике издания этих переводов, динамике интересов болгарского читателя.

Объектом исследования являются труды болгарских ученых, писателей и публицистов о русской литературе второй половины XX – XXI веков; к анализу привлекаются также работы русских филологов, с которыми сопоставляются высказывания болгарских русистов, некоторые произведения и интервью русских писателей, свидетельствующие об их интересе и любви к болгарской культуре.

Предметом исследования являются особенности восприятия русской литературы второй половины XX–XXI веков в Болгарии, ее научный и критический анализ, а также переводы. Российские и болгарские ученые писали об общих проблемах русской литературы и взаимодействии русской и болгарской литератур (П. Троев, Г. Гачев, М. Каназирская, В.Д. Андреев, Н.Н. Пономарева, Д.Ф. Марков, В.Г. Злыднев, Л.И. Захариева и др.), о «деревенской прозе» (Р. Русев, И. Петров, Г. Гырдев, Д. Цветкова, Р. Евтимова), прозе о Великой Отечественной войне (А. Цонева, К. Топчиева, Г. Пенчев, Н. Вылчев, Т.Н. Федь), о прозе, изображающей сталинские лагеря и, в частности, о Солженицыне (В. Донеv, Н. Христова, М. Наков, Н.Р. Казански), постмодернизме (Р. Божанкова, М. Кирова, М. Костова-Панайотова, А.Н. Манчев).

Степень научной разработанности темы. Российская наука много и плодотворно изучала русско-болгарские литературные связи на разных этапах историко-литературного процесса. В трудах Д.Ф. Маркова ([Марков 1973]), В.И. Злыднева ([Злыднев 2001]), В.Д. Андреева ([Андреев 1987]), Н.Н. Пономаревой ([Пономарева 2001]), З.И. Карцевой ([Карцева 1982]) и других рассматривалось бытование произведений отдельных писателей в Болгарии, накоплено много конкретных сведений, касающихся перевода и оценки болгарскими учеными произведений русской прозы, в том числе авторов XX в. О переводах и популярности в Болгарии творчества Шукшина

писал Н.А. Стопченко [Стопченко 2014], некоторые аспекты рецепции прозы о Великой Отечественной войне отражены в статьях Т.Н. Федь ([Федь 2022]), значимые факты издания переводов русской прозы, в том числе новейшей, приводят Н.А. Лунькова и А.Н. Манчев ([Лунькова 2016], [Манчев 2019b]). Новые работы болгарских ученых отрецензированы Н.В. Барковской ([Барковская 2015]) и Е.Ф. Трущенко ([Трущенко 1999]). Библиография монографий о русской литературе, в том числе исследуемого периода, опубликована М.М. Громовой ([Громова 2022]). Болгарская литературоведческая русистика начала изучаться сравнительно недавно: отметим здесь, например, статью болгарского исследователя Д. Лесневской о становлении болгарской русистики ([Лесневска 2017]).

Теоретическую и методологическую основу исследования составляют работы А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунского, Н.И. Конрада, Д. Дюришина, Ю.М. Лотмана, Ю. Кристевой, В.Е. Хализева, Г.Д. Гачева, В.И. Злыднева, В.Д. Андреева, Н.Н. Пономаревой, З.И. Карцевой.

Комплексный системный подход к обозначенной проблеме базировался на применении **историко-литературного, описательно-аналитического, сравнительно-исторического и культурологического научных методов.**

Научная новизна исследования состоит в том, что в диссертации впервые в отечественном литературоведении предпринята попытка обобщить и систематизировать работы болгарских ученых о русской прозе второй половины XX — первых десятилетий XXI вв. в контексте литературоведческой русистики Болгарии. Определены как общественные, так и внутрилитературные факторы, оказавшие влияние на трактовку произведений русской литературы. Выделены основные проблемы, которые оказываются для болгарских русистов ключевыми при трактовке русской прозы. Специфика восприятия произведений русской прозы определялась нами с учетом особенностей литературного процесса Болгарии.

Достоверность и научная обоснованность результатов исследования определяется системным подходом к анализу значимого числа репрезентативных текстов, представляющих болгарскую русистику, и использованием апробированных историко-литературных методов и методов сопоставительного литературоведения.

Теоретическая значимость диссертации связана с тем, что она демонстрирует связь научных подходов к инокультурной литературе с потребностями и особенностями той национальной культуры, к которой принадлежит ученый, а также обращается к проблемам взаимодействия литератур, созданных народами, близкими в языковом, конфессиональном и общекультурном отношении.

Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы диссертации могут использоваться при чтении общих и специальных вузовских курсов по современной русской литературе, русско-славянским литературным связям, зарубежной литературоведческой русистике, а также могут оказаться полезными для дальнейшего изучения прозы второй половины XX – начала XXI вв. как явления мировой литературы.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Русская литература как в XIX веке, так и в советское время и позднее оказывала влияние на литературные и социокультурные процессы, происходящие в Болгарии. Влияние русской литературы на болгарскую прослеживается и отражается в литературе как предшествующих эпох, так и во второй половине XX – первых десятилетиях XXI вв.
2. Научные интересы болгарских ученых формировались в контексте потребностей и особенностей болгарской литературы.
3. Определенные аспекты творчества некоторых авторов второй половины XX – первых десятилетий XXI вв. (например, В.Г. Распутина, В.М. Шукшина, А.И. Солженицына) болгарские ученые изучают в контексте

русской классической литературы, что во многом связано с культурно-историческими связями и этапами проникновения русской литературы в Болгарию, а также с попытками понять национальную специфику русской литературы.

4. Русская «деревенская проза» (в большей степени творчество В.Г. Распутина, В.М. Шукшина), творчество А.И. Солженицына, а также новейшая проза (в том числе и массовая литература) изучены болгарскими исследователями достаточно полно; к такому явлению, как, например, проза о Великой Отечественной войне, болгарские ученые проявляли интерес, но работ, посвященных таким произведениям, значительно меньше.

5. Несмотря на непростые взаимоотношения двух государств в различные периоды истории, многие русские писатели воспринимали культуру Болгарии страны как братскую и активно взаимодействовали с болгарскими деятелями культуры, популяризируя русскую литературу.

6. Литература постмодернизма определяет вектор изучения русской литературы в Болгарии как в 2000-е годы, так и в настоящее время.

Работа **прошла апробацию** на кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова при предзащите диссертации. Основные результаты были апробированы в докладах на конференциях:

1) «Особенности поэтики “деревенской прозы” в восприятии болгарской русистики 1980–2000-х гг.» — Научная конференция «Зарубежная русистика: восприятие и оценка новейшей русской литературы», Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 25 октября 2018 г.;

2) «Рецепция и интерпретация русской “деревенской прозы” в болгарской русистике 1980-2000-х гг.» — Третий международный филологический форум «Поля сотрудничества» София (Болгария), Софийский университет имени св. Климента Охридского, 15-17 ноября 2018 г.;

3) «Проблематика русской “деревенской прозы”: взгляд из Болгарии (1980-е- 2000-е гг.)» — VI Международная научная конференция «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)», Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 18-19 декабря 2018 г.,

4) «Болгарская русистика на пути к А.И. Солженицыну» — «Русский язык и литература в славянском мире: история и современность» (Международная научно-практическая конференция), Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 25 мая 2020 г.;

5) «А.И. Солженицын в Болгарии: творчество и социокультурная ситуация (1960–1990 гг.)» — «Русская литература XX–XXI веков в современном мире: авторские стратегии» (Международная научная конференция), Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 10-11 ноября 2020 г.;

6) «Проблемы русской литературы на страницах журнала “Болгарская русистика”» (2000–2020-е гг.) — VIII Соколовские научные чтения «Русская литература в периодических изданиях» (Международная научная конференция), Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 23-24 ноября 2023 г.

Опубликованы статьи:

1) Русская «деревенская проза» второй половины XX в. в зеркале болгарской русистики // Ученые записки Орловского государственного университета. № 1 (90), 2021. С. 93-96. ИФ РИНЦ – 0,07.

2) Болгария в жизни и творчестве Ю.В. Трифонова // Litera, № 9, 2022. С. 83-89. ИФ РИНЦ – 0,397.

3) Солженицын в болгарской социокультурной среде // Вестник МГПУ «Филология. Теория языка. Языковое образование», №1(49), 2023. С. 163-171. ИФ РИНЦ – 0,968.

4) The ways of presenting Russian literature in the XXI century Bulgaria // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, № 4, 2023. С. 185-193. ИФ РИНЦ – 0,318.

Структура и объем диссертации

Поставленные задачи определяют структуру работы, которая состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии. Библиография включает в себя 314 наименований.

Глава 1. Болгарская литературоведческая русистика.

Основные этапы развития

Современные болгарские исследователи русской литературы опираются на собственную богатую традицию изучения русской литературы и, учитывая результаты российской науки, решают задачи, актуальные для национальной литературы и культуры, проявляют интерес к новым именам и произведениям русской литературы, следят за меняющимся общественно-историческим контекстом их оценки у себя на родине и в России. Сочетание этих факторов придает работам болгарских ученых оригинальность и значимость, позволяет выявить их специфический болгарский взгляд на явления русской литературы. Чтобы понять, в чем состоит специфика восприятия и оценки русской литературы 1950-2010-х гг. болгарским литературоведением и критикой, представить динамику и смену акцентов при их интерпретации на протяжении этого длительного этапа, обратимся к истории формирования и развития русистики этой страны.

1.1. Становление болгарской русистики (1846-1946)

Современный исследователь Д.С. Лесневска обращается к истории формирования болгарской русистики и очерчивает хронологические рамки ее становления. Этот процесс продолжался сто лет. Исследовательница выделяет три основных его этапа: 1846-1877 гг., 1878-1920 гг., 1921-1946 гг. ([Лесневска 2017: 17]). При этом учитываются важнейшие исторические события, повлиявшие на судьбу Болгарии и ее культуры, и факты, непосредственно связанные с распространением русского языка и изучением русской литературы, переводом и воспитанием научных кадров. В частности, Д.С. Лесневска отмечает, что формирование русистики следует отнести к началу преподавания в 1846 г. русского языка в Болгарии. Результатом же длительного и непростого для судьбы Болгарии этапа стало открытие

в 1946 г. кафедры русского языка и литературы в Софийском университете. Это произошло уже в социалистической Болгарии, когда возникли самые благоприятные условия для культурного и научного взаимодействия с нашей страной.

Как отмечает Лесневска, «зачатки» болгарской русистики были сформированы в эпоху болгарского национального Возрождения¹, в период с 1846 по 1877 гг.: «Переводческая деятельность возрожденских книжников дала толчок к развитию болгарской литературной критики, в частности критическому анализу переводной русской литературы. <...> В течение указанного временного периода в недрах литературной переводной рецепции зарождается болгарская литературная критика, ознаменовавшая начало сравнительного литературоведения» ([Лесневска 2017: 20]). Эта точка зрения была близка и отечественным ученым. Например, известный российский исследователь болгарской литературы, болгарин по происхождению, Г.Д. Гачев, много внимания уделивший изучению болгарской литературы XIX в. (см., напр.: [Гачев 1964]), обращает внимание на ее тесные связи с русской литературой. Он пишет, что одна из первых попыток познакомить болгарское общество с русской литературой произошла в 1848 году. В газете «Цариградский вестник» (№ 13 от 27 марта) была опубликована статья о русской литературе; автором, как предполагает Г. Гачев, был Иван Богоров (1818-1891), известный энциклопедист (медик, географ, лингвист) эпохи Национального болгарского возрождения. В статье содержались сведения об истории становления русской культуры, упоминалось «Слово о полку Игореве», были названы Ломоносов, Карамзин, Крылов (по непонятным причинам не упоминаются уже известные в Болгарии к тому времени Жуковский, Грибоедов, Пушкин, переводы которых начали появляться

---

¹ Болгарское национальное возрождение — период в истории Болгарии (XVIII—XIX вв.), связанный со становлением национального самосознания болгар и борьбой за культурную и политическую независимость от Османской империи. См. об этом подробнее, например: [Андреев 1987].

в 1840-х гг.). При этом в статье, как отмечает Г. Гачев, допущены фактические ошибки (к примеру, Боян из «Слова о полку Игореве» назван Бегии и др.). Статья интересна как ранняя попытка познакомить болгарских читателей с русской литературой ([Гачев 1978]).

Современные болгарские исследователи (И.М. Владова и др.) приходят к выводу, что «начальный этап переводной рецепции несет характеристики самого Возрождения. <...> Переводятся преимущественно произведения И.А. Крылова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.С. Никитина, А.Н. Плещеева, А.В.Кольцова» ([Владова 2017а: 67]). Был популярен и Карамзин, в частности, его «Бедная Лиза», переведенная И. Груевым как «Сирота Цветанка» (1858). В 1865 г. в Бухаресте был издан болгарский перевод в прозе поэмы «Душенька» И.Ф. Богдановича.

Конкретные наблюдения над взаимодействием русской и болгарской литератур в период до Освобождения Болгарии от османского ига показывают, что болгарская литература воспринимала те импульсы русской литературы, которые были актуальны для нее самой. И.М. Владова вслед за крупным болгарским исследователем русской литературы Г. Германовым ([Германов 1981]) отмечает, что болгарская литература «заимствует» из русской те направления, которые уже «исчерпали» себя в русской культуре. Это было связано в первую очередь с тем, что болгарская культура, как и болгарское общество в целом, на протяжении долгого времени находились под властью Османской империи, и это тормозило их развитие. «Запоздалое развитие Болгарии из-за пятивекового османского ига, низкий уровень эстетической зрелости являются причиной выбора для перевода произведений таких литературных направлений, которые давно отошли на задний план как в русской, так и в европейских литературах». Именно поэтому «в 50-е и 60-е годы XIX столетия болгарская литература обращается к сентиментализму <...>, в то время как русский читатель проявляет к этим произведениям только литературно-исторический интерес, поскольку сама

исходная литература уже выработала новые, более сложные приемы изображения человека, его внутреннего мира» ([Владова 2017а: 68]).

Второй этап становления изучения русской литературы в Болгарии — это время после Освобождения страны в результате победы русского оружия в Русско-турецкой войне (1878-1879 гг.). Он охватывает 1878 – 1920 гг. В 1878 г. начался новый период в исторической судьбе Болгарии и в восприятии русской литературы, когда была сформирована национальная система образования. В это время уже можно говорить о начале формирования «болгарской академической русистики, что в первую очередь связано с открытием Софийского университета «Св. Климент Охридски» (основан в 1888 г.). Особенно велика была роль профессора И. Шишманова (1862 – 1928), который заложил основы академических литературоведческих исследований в Болгарии, в том числе исследований русской литературы («Наченки на руското влияние в българската книжнина» / «Зачатки русского влияния в болгарской литературе». (София, 1899) (подробнее см.: [Лесневска 2017])).

В этот период стали появляться труды в области «сравнительного и сопоставительного литературоведения, теории русской этнографии и русского фольклора» ([Лесневска 2017:22]). Происходит активное развитие болгарской культуры в целом и широкое взаимодействие двух национальных литератур: «последние два десятилетия XIX века характеризуются отчетливо выраженным эстетическим критерием подбора художественных текстов для перевода из русской литературы. Внимание переводчиков обращено к самым ярким представителям русской литературы XIX столетия, таким как Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, А.П. Чехов, Л.Н. Толстой» ([Лесневска 2017: 69]).

К концу XIX столетия русские писатели уже были представлены большими тиражами в книжных магазинах по всей Болгарии: в Софии, в Пловдиве, в Казанлыке, в Велико Тырнове, в Хаскове и других. Отмечается интерес издателей и читателей к произведениям определенных авторов:

Тургенева, Толстого, Гоголя; именно они «составляют основную часть переводной русской литературы, продаваемой в Болгарии. До конца XIX в. в торговой сети находится больше произведений авторов эпохи Пушкина-Толстого — Достоевского» ([Николова М.С. 2007: 14]). В начале XX века болгарские театры начинают активно ставить классиков русской литературы: «Особое влияние на театр оказывает русская художественная литература. Усиленно развивается самодеятельность, театральные труппы вырастают в профессиональные. И уже в 1904 г. в Болгарии есть Народный театр <...>. Ему необходим серьезный репертуар. Возникает острая необходимость издания переводов иностранных драматургических произведений, в частности русских» ([Николова В.В. 2020: 26]).

В начале XX века, как отмечают болгарские ученые, происходит влияние новых тенденций: «В начале XX века переводная рецепция русской литературы устанавливает синхронный ритм с литературным процессом Болгарии. Приобщаясь к ускоренным темпам развития русской и западноевропейской литератур, болгарская художественная мысль обращается к современным модернистским направлениям, установившимся как на Западе, так и в России» ([Владова 2017а: 69]). Продолжают переводиться как классики русской литературы XIX века, так и произведения модернистов (Андрея Белого, К. Бальмонта, В. Брюсова, А. Блока и др.).

Третий этап становления русистики охватывает четверть века (1921–1946 гг.) и связывается Д.С. Лесневской с «научной и учебной деятельностью русской эмиграции первой волны в Болгарии (послереволюционной “белой” эмиграции)» ([Лесневска 2017: 22]). По окончании Гражданской войны в России за ее границы хлынул огромный поток русских беженцев, в том числе в Болгарию. Русские эмигранты внесли весомый вклад в болгарскую культуру² и науку, многие из них трудились в Софийском университете,

---

² Большой вклад в развитие театра в Болгарии внес русский актер и режиссер Н.О. Массалитинов (1880 - 1961), ученик К.С. Станиславского. С 1925-1944 г. Массалитинов являлся режиссером Национального театра Ивана Вазова в Софии. Режиссер активно ставил

преподавали русскую и европейскую литературу и воспитали многочисленных учеников. Большое значение, в частности, имела деятельность Петра Михайловича Бицилли (1879–1953), историка и филолога, почти четверть века преподававшего в Софийском университете, автора трудов о творчестве Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Чехова. Роль русских эмигрантов в болгарской культуре долгое время игнорировалась и болгарской, и отечественной наукой, но в настоящее время она стала серьезно исследоваться. Поддерживая необходимость заполнения «белых пятен» и актуальность этой задачи, мы все-таки считаем важным учитывать и то, что в межвоенные годы интерес к русской литературе, ее изданию и освещению в критике и литературоведении был связан также с активностью левых сил, симпатизирующих революционной России. Накопленный богатый исследовательский материал по этому вопросу нужно учитывать, естественно, принимая во внимание его современную оценку.

Известный российский ученый, автор главы о межвоенной болгарской литературе в академической «Истории западных и южных славян» (2001) В.И. Злыднев подчеркивает, что в этот период русско-болгарские литературные связи принимают иной характер, что в первую очередь связано с идеологической близостью советской и болгарской левой литератур. Особенно явно эта тенденция проявляется в 1920-е годы, когда изменение общественного сознания привело в ряды левых сил многих болгарских писателей: Г. Милева, Х. Ясенова (бывшие символисты); поэта-коммуниста Н. Вапцарова, писателей К. Велкова, Г. Караславова и др.

В 1930-е годы русско-болгарское культурное взаимодействие существенно оживилось, так как были установлены дипломатические отношения Болгарии с СССР (1934). «Стали широко издаваться переводы

произведения русской классической литературы на болгарской сцене («Горе от ума» (1930), «На дне» (1932), «Бесприданница» (1937), «Три сестры» (1953)) и др., а также воспитал несколько поколений болгарских актеров: В. Трандафилов, И. Димов, М. Попова, З. Йорданова, Б. Ганчев, К. Кисимов, С. Савов, Б. Борозанов и др.

произведений советских писателей» [Злыднев 2001: 703]. Хотя цензура и была весьма строгой, но новости о литературной жизни в советской России достигали Болгарии. Например, Первый съезд советских писателей (1934), где социалистический реализм был признан единственно верным методом развития советской литературы, оказал значительное влияние и на понимание задач литературы рядом болгарских писателей: «болгарскими поэтами и прозаиками он <соцреализм — Н.Ч.> воспринимался как литература, призванная утверждать социалистические идеалы» [Злыднев 2001: 703]. В.И. Злыднев отмечает, что в Болгарии по цензурным соображениям это явление называли «художественным, или новым реализмом» [Там же]. Это стало основой как влияния, так и типологически общих процессов («встречных течений» по определению Веселовского) в болгарской и русской советской литературе и обусловило взаимный интерес и творческое воздействие произведений русских и болгарских авторов.

Нужно учитывать также, что в болгарской культурной и литературной жизни 1920-1930-х гг. с начавшим формироваться «новым реализмом» сосуществовали другие течения и направления (символизм, экспрессионизм), и это отразилось на восприятии русской литературы. М. Костова-Панайотова видит в этом проявление открытого «диалогизма»: «Очевидное родство болгарского и русского символизма обнаруживается в мотиве родины, общем для Блока, Белого и Брюсова и — соответственно — в поэзии Стоянова, Лилиева, Дебелянова, Траянова» ([Костова-Панайотова 2020: 205]). Влияние модернизма и авангарда испытал один из известных культурных деятелей эпохи Сирак Скитник (творческий псевдоним Панайота Тодорова Христова) — писатель и художник, который учился живописи в Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге у Леона Бакста: «Русский модернизм оказал определяющее влияние не только на стиль его лирики, вобравший в себя черты символизма и модерна, но и оставил яркий след на его деятельности в рамках движения “Родное искусство” в 1920-е гг.»

([Костова-Панайотова 2020: 205]). Гео Милев, поэт и публицист, крупнейший представитель болгарского экспрессионизма, также «испытал влияние русского модернизма и авангарда <...> перевел и открыл болгарскому читателю русских поэтов того времени — Александра Блока и Владимира Маяковского» ([Костова-Панайотова 2020: 213]). Известно, что самое значительное произведение Г. Милева, поэма «Сентябрь» (1923), посвященная жестоко подавленному Сентябрьскому восстанию (1923), написано им под влиянием поэмы Маяковского «150 000 000». В основанном Г. Милевым литературном журнале «Пламя» («Пламяк», 1924 г.) также печатались переводы с русского. Следует подчеркнуть, что писатели левых течений интересовались и классической русской литературой, в частности, Пушкиным.

Таким образом, в публикациях о русской литературе в межвоенные годы прослеживаются две тенденции: интерес к советской культуре, возникшей после Октябрьской революции, и внимание к нереалистическим течениям рубежа веков. Вместе с тем при активном участии эмиграции, которая принесла в Болгарию опыт академических школ российского литературоведения (в том числе сравнительно-исторической школы), произведения русской литературы получают более глубокую трактовку. И.М. Владова пытается обобщить этот разнонаправленный диалог русской и болгарской культур, подчеркивая, что он «отличается неравномерностью и непоследовательностью в осуществлении рецепции, вызванной социально-политическими причинами» ([Владова 2017а: 70]).

Несмотря на то, что во время Второй мировой войны Болгария была союзником гитлеровской Германии, интерес к русской литературе сохранялся, даже продолжали издаваться книги и учебные пособия. Т.Х. Минчев, например, отмечал, что «с университетской кафедры русская литература читалась как академическая дисциплина и в годы Второй мировой войны, а в самый ее разгар – в 1943 г. – был издан толстый том учебника – „Русская литературная речь“, куда вошли образцы произведений

виднейших русских писателей после Ломоносова, в том числе и русских эмигрантских авторов, и советских писателей» ([Минчев 2017: 11]).

1.2. Литературоведческая русистика в Народной республике Болгария (1946-1989)

В 1946 г. после освобождения Болгарии от фашизма советской армией (сентябрь 1944) и восстания болгарского народа (9 сентября 1944) под руководством Отечественного фронта во главе с коммунистами образовалась Народная республика Болгария. Одной из самых влиятельных личностей этого периода был основатель болгарской компартии, крупный деятель Коминтерна, руководитель Отечественного фронта (1942) Георгий Димитров (1882-1949). Он руководил страной в 1946-1949 гг. Еще во время войны он выступал за всестороннее возобновление русско-болгарских взаимоотношений. После войны он сам активно общался с русскими писателями. О встрече с ним, в частности, писал Борис Полевой³.

Сложившиеся новые общественные условия, родство идеологии и понимания задач литературы и культуры оказали самое благоприятное воздействие на развитие русско-болгарских литературных отношений и придали новый импульс развитию русистики. Это и сегодня в изменившемся геополитическом контексте отмечают болгарские ученые. Так, С.А. Петкова и Р.В. Божанкова пишут, что после Второй мировой войны русский язык был введен в учебные программы болгарских школ как обязательный предмет; была организована комиссия, которая готовила

---

³ Писатель побывал в Болгарии в послевоенные годы в командировке. Он отмечает, что был восхищен общением с Г. Димитровым, который долгие годы был кумиром автора: «Я, разумеется, во все глаза смотрел на хозяина дома, в которого влюбился еще в дни комсомольской юности. <...> Он принял меня в маленьком, скромном домике на одной из нешумных улиц столицы. Принял по-простому, по-домашнему. На нем был свободный, синий фланелевый костюм. Говорили мы с ним не в кабинете, которого, как мне кажется, в этом скромно обставленном домике и нет, а в небольшой столовой» (Полевой 1969: 7).

специалистов, квалифицированных учителей русского языка ([Петкова, Божанкова 2022]). В 1946 г. в Софийском университете имени Святого Климента Охридского была открыта кафедра русского языка и литературы, которую возглавил выдающийся ученый-русист Н.М. Дылевский и создал затем мощную научную и педагогическую школу⁴. Эти меры заложили прочный фундамент для формирования нового поколения специалистов по русскому языку и литературе, что соответствовало потребностям болгарской науки и образования. Начали издаваться монографические исследования о взаимодействии русской литературы XIX и XX вв. с болгарскими писателями (напр., «Л. Каравелов и Н.В. Гоголь. К истории русского литературного влияния в Болгарии» Велчо Велчева (1948), «Маяковский и развитие болгарской литературы» Симеона Русакиева (1949) и др.).

В то же время изучение явлений литературы, в том числе русской, осложнялось существенными ограничениями, которые налагала на болгарских ученых необходимость следовать принципам соцреализма, официально провозглашенного в 1948 г. «единственно правильным методом художественного творчества» ([Пономарева 1995: 47]). Социалистический реализм как эстетическая основа художественного творчества и исследовательского подхода к толкованию явлений литературы с этого времени становится также единственной официально принятой теоретической основой работ по русской литературе. Похожая ситуация была и в нашей стране. В то же время не следует видеть здесь исключительное влияние советской критики и литературоведения. Болгарская марксистская философия тоже внесла свой вклад в утверждение

---

⁴ См.: ([Лесневска 2017: 17]). Николай Михайлович Дылевский (1904-2001) — из семьи русских эмигрантов «первой волны», профессор Софийского университета, лингвист, специалист по русско-болгарским культурным и литературным связям, автор ряда работ о «темных местах» «Слова о полку Игореве». Его выпускники стали основателями кафедр русского языка в университетах Пловдива, Велико Тырново, Шумена, Благоевграда. См. подробнее: [Рупчева 2004].

такого подхода к анализу явлений культуры. Автором «теории отражения», принципиальной важной для теории соцреализма, был крупный болгарский философ-марксист Годор Павлов (1890–1977), который в 1947–1962 гг. был президентом Болгарской академии наук и имел большое влияние. Положения сформулированной им теории оставались актуальными для трактовки художественных явлений вплоть до радикального изменения ситуации в наших странах к концу 1980 – началу 1990-х гг.

Тем не менее либерализация общественной жизни во второй половине 1950-х гг. оказала важнейшее, благоприятное влияние на развитие как русской, так болгарской литературы и критики. Это произошло вследствие изменения общественно-политической обстановки в СССР после XX съезда (1956), осудившего культ личности Сталина, и Апрельского пленума ЦК Болгарской компартии (1956), где тоже выступили с критикой аналогичных явлений в стране. Н.Н. Пономарева отмечает, что «период второй половины 50-х гг. можно охарактеризовать как период подступов к новому литературному этапу, период постепенного утверждения новых художественных тенденций, развитие которых привело в 60-80-е гг. к существенным завоеваниям во всех родах и жанрах болгарской литературы и вывело ее на уровень современных литератур мира» [Пономарева 1995: 64]. Оживление литературной жизни и изменившуюся ситуацию в критике отразило появление новых литературных журналов: «Пламя» («Пламя», с 1957; журнал считал себя наследником журнала Г. Милева, издававшегося под таким же названием) и «Литературная мысль» («Литературна мисъл», с 1957), орган Института литературы Болгарской Академии наук. В начале 1960-х гг. были открыты и новые университеты: Пловдивский имени Паисия Хилендарского (основан в 1961 г.); Великотырновский «Св. Кирилла и Мефодия» (основан в 1963 г.) и другие, где также начинает преподаваться русская литература и которые со временем превратились в важные исследовательские центры русской литературы. Таким образом, образовательная и исследовательская база русистики расширяется,

как и возможности популяризации русской литературы, а также контакты между учеными, писателями и переводчиками. В эти годы все шире используется практика стажировок и обучения в нашей стране студентов и аспирантов, переводчиков и преподавателей из Болгарии.

Знаковым событием стал V Международный съезд славистов, который проходил в Софии с 17 по 23 сентября 1963 года. Академик В.В. Виноградов (руководитель советской делегации) отмечал масштабность события: «По широте представительства этот съезд превзошел все предшествующие: в нем приняло участие около 1500 делегатов, в том числе 900 иностранных ученых из 25 стран мира» ([Виноградов 1964: 84]). Среди членов болгарской делегации были и русисты, которые упрочили международные контакты.

«Потребностям времени отвечало создание новых структур, объединяющих исследователей русского языка и литературы. 5 июля 1967 г. в Софии была основана «Болгарская ассоциация русистов» (за несколько месяцев до создания МАПРЯЛ) по инициативе болгарских ученых Симеона Русакиева и Георгия Германова и при содействии Общественного комитета болгарско-советской дружбы» [Владова 2017b: 5]. С тех пор, как подчеркивает И.М. Владова, Болгарская организация русистов уже 50 лет занимает достойное место в культурно-образовательном пространстве Республики Болгарии.

Эти шаги помогали активизации переводов и издания русской литературной классики и произведений современных русских авторов. Растущую зрелость болгарской науки, потребность обобщения накопленного материала и опыта подтверждает большое количество опубликованных монографий, например, В. Велчева, С. Русакиева и др. Труды этих и ряда других ученых стали фундаментом для дальнейшего развития болгарской литературоведческой русистики в целом. В этот период возрастает интерес к современной русской литературе. Например, роман Г. Николаевой «Битва в пути» (1957; события этого «производственного» романа начинаются

в день прощания со Сталиным в марте 1953 г.) вышел в Болгарии в 1959 г.⁵. Роман отразил новую эпоху послевоенной жизни и вызвал оживленные споры, так же, как и «деревенская проза», нашедшая в Болгарии широкий отклик. Переводились новые произведения о войне (Ю. Бондарева, В. Быкова и др.).

Постоянно углубляются контактные связи, происходит тесное взаимодействие болгарских и российских писателей: многие российские авторы посещают страну, создают свои произведения о Болгарии, ведут переписку с болгарскими деятелями культуры⁶.

---

⁵ Переведен группой переводчиков, в которую входили Стефка Цветкова, Милка Минева, Лиляна Дамянова, Любомир Павлов, Манол Након, Христо Кынев, Донка Станкова.

⁶ Так, очень любил Болгарию К.Г. Паустовский. Он впервые посетил эту страну осенью 1959 г., увидел Пловдив, Казанлык, Велико Тырново. Паустовский лично знал многих болгарских литераторов (Веселин Андреев (1918–1991), Иван Радоев (1927–1994) и др.). К. Момчилов (1939–2021) вспоминал, что 8 ноября 1959 года Паустовский был приглашен на встречу со студентами, где известный писатель Иван Сарандев (1934–2020), тогда еще студент, вел стенографическую запись. Паустовский тогда сказал: «Если бы вы меня спросили, где бы я жил в Болгарии, то я бы ответил — в Созополе или в Несебре. Открытые и мужественные ваши рыбаки» ([Момчилов 2021: 143]).

В очерке «Живописная Болгария» Паустовский писал о своих впечатлениях от знакомства с культурой страны, особенностями быта болгарского народа, а в другом очерке, «Амфора», появляются образы болгарских рыбаков, о которых упоминал Паустовский на встрече со студентами. Сборник произведений Паустовского, куда вошел очерк «Живописная Болгария», был издан в Софии (издательство «Народна култура») в 1963 году в переводе И. Васева (в СССР произведение опубликовано в 1960 году).

Русский писатель вел переписку с болгарскими коллегами, затрагивая в ней вопросы творчества. В письме поэту Славчо Чернышеву (псевдоним Радоя Козарова, 1924–2000) Паустовский вспоминает своих близких друзей из Болгарии: «Хорошо, что Вы начали писать прозу. В поэзии Вам тесно. Нет ничего богаче, свободнее, сильнее, пленительнее и тоньше прозы. Я люблю поэзию до слез, но не променяю на нее прозу. Идеал — полное слияние поэзии и прозы, — так как в некоторых вещах Бунина. Но это бывает редко. Пишите мне на Ялту. Поклонитесь от меня Северняку, Веселину Андрееву, Ангелу Каралийчеву, милому созопольскому художнику Яни Хрисопулосу, шоферу Саше и всем капитанам — Тумбаретову и Каранкову» ([Паустовский 1986: 155]).

В том же письме Паустовский сообщает, что путешествие по Болгарии вдохновило его на создание произведений об этой стране: «Я писал “Живописную Болгарию” для большого журнала и совсем забыл, что еще до отъезда в Болгарию обещал написать о ней для журнала “Новое время”. Пришлось сдержать слово и отдать его этому журналу. Но я буду еще писать о Болгарии» (с. 157). Свои воспоминания о встрече с Чернышевым Паустовский описывает в очерке «Амфора»: «Созополь был похож на эти рисунки. В нем было множество всяческих переходов, поворотов, остатков византийских базилик, домов со вторыми этажами. <...> Там поэт

В 1970-х происходят знаковые события для дальнейшего развития взаимоотношений России и Болгарии, в том числе художественного перевода русской литературы и ее изучения. 5 июня 1974 года образован Союз переводчиков Болгарии, а в 1975 в Софии был открыт Дом советской науки и культуры, предшественник современного Российского культурно-информационного центра, где организуются различные культурные мероприятия, выставки, концерты. Начинают издаваться новые литературные журналы, где печатаются как произведения русской и мировой литературы, так и статьи о русской литературе болгарских и российских ученых: «Съвременник» (1973), «Факел» (1981). Основан журнал «Болгарская русистика» — периодическое издание Болгарии, освещающее проблемы русского языка и литературы. Его появление в 1974 году стало важной вехой в развитии болгарской русистики, свидетельством и подтверждением развития этой области научных исследований. Журнал был создан как главный орган Общества русистов Болгарии. Он выходит до сих пор четыре раза в год (нерегулярно журнал выпускался лишь в 1990-е годы) ([Владова 2017b: 9]). Материалы публикуются на русском, болгарском и других славянских языках, в последние десятилетия и на английском. Главными редакторами в разные годы были Г. Германов, И. Захариева и другие. В настоящее время главный редактор — Илиана Владова, известный переводчик, член президиума МАПРЯЛ, председатель Общества русистов Болгарии, доцент кафедры русского языка факультета славянских языков Софийского университета имени святого Климента Охридского.

Журнал освещает актуальные проблемы изучения русского языка и русской литературы, теории перевода и методики преподавания и включает в себя разные рубрики («Лингвистика», «Литературоведение»,

---

Славчо Чернышев подарил мне греческую амфору. По его словам, амфоре было две с половиной тысячи лет. Созопольские рыбаки вытащили ее сетью с морского дна во время зимнего лова».

«Лингвокультурология», «История изучения русского языка в Болгарии», «Рецензии», «Дебют», «Юбилеи», «Методика преподавания русского языка и литературы»). В 1980-е гг., например, здесь публиковались многочисленные статьи о творчестве Пушкина, Грибоедова, Рылеева, Гончарова, Короленко, а также о Есенине, Ильфе и Петрове, Ю. Бондареве... Отдельное внимание было посвящено русско-болгарским литературным связям (В. Колевский, «Октябрь и развитие болгарской культуры» (1987, № 5)) Пятидесятилетняя годовщина смерти Максима Горького (1868-1936) была отмечена статьями Хр. Дудевского («Максим Горький — живой участник современного литературного процесса Болгарии», № 3, 1986) и И. Захариевой («Буревестник первой русской революции», № 3, 1986), в которых раскрывались «новые аспекты „вхождения“ писателя в национальную культуру Болгарии». Ряд материалов Хр. Дудевского был посвящен творчеству Шолохова, в том числе его кончине (1984) и 80-летнему юбилею (1985), переводам и изучению его произведений в Болгарии (№ 3, 1980; № 6, 1985)⁷.

Многие болгарские ученые, например, И.М. Владова, констатируют, что в 1970-е–1980-е происходит возврат к «общекультурным и эстетическим критериям переводной рецепции <...>, когда в Болгарии начинают издаваться произведения писателей, принадлежавших к разным литературным школам и направлениям» ([Владова 2017а: 71]).

Р. Русев обращает внимание на то, что ситуация еще сильнее начала меняться во второй половине 1980-х гг., во время «перестройки» в СССР (1985-1991). Болгарская публика активно знакомится с «запрещенной» ранее русской литературой: «Последние годы советской эпохи ознаменованы небывалым резонансом, вызванным в Болгарии журналистским взрывом в русской литературе и возвращением т.н. “арестованной” литературы, что произошло еще в 1980-х» [Русев 2019]. Характеризуя литературный процесс

---

⁷ Подробнее см.: ([Шешкен 1988: 110]).

второй половины 1980-х годов, ученый пишет, что в этот период как в России, так и в Болгарии был высок интерес к русской «запрещенной» ранее литературе: «В этом направлении мы могли бы также подчеркнуть тот факт, что в конце 1980-х годов вспыхнул альтернативный интерес к тем русским книгам, которые были запрещены до недавнего времени» ([Там же]).

Одним из таких авторов стал Б.Л. Пастернак, который до конца 1980-х гг. воспринимался в Болгарии не только как художник слова, но и как общественно-политическая фигура, а его роман «Доктор Живаго» подвергся критике. Его творчество стало исследоваться как художественное явление лишь в начале 1990-х гг. ([Димитрова 1994: 195]), хотя Пастернак-поэт был известен в Болгарии еще с 1920-х годов, когда его произведения часто печатались на страницах болгарских журналов и газет «Брод», «Кормило», «Ведрина», «Лик» и других. В 1925 году в журнале «Пламяк» были напечатаны «Новые стихи» Пастернака в переводе Пламена Ценкова, а в журнале «Септември» в том же году — стихотворение «Весна» в переводе известной болгарской поэтессы Елисаветы Белчевой, печатавшейся под псевдонимом Елисавета Багряна (1893-1991). В 1926 году для журнала «Ведрина» Т. Генов переводит статью С. Городецкого «Октябрьская революция в русской художественной литературе», где вместе с Есениным, Мандельштамом, Ахматовой и другими поэтами также упоминается имя Пастернака.

М.Г. Димитрова в монографии «Б.Л. Пастернак. Эстетический взгляд на литературное творчество» (1994) уделяет большое внимание истории его рецепции в Болгарии. Она приводит много конкретных фактов о том, что писали о Пастернаке в болгарской прессе в конце 1950-х – 1960-х гг. в связи с публикацией за рубежом романа «Доктор Живаго» и присуждением писателю Нобелевской премии. Идеологически близкая советской, болгарская печать публиковала материалы из советских газет, где высказывались о писателе и его романе негативно, с резким осуждением

и неприятием⁸. Последовавшие события (письмо писателя Н.С. Хрущеву, исключение Пастернака из Союза писателей и др.) также активно освещались в болгарской прессе, которая и сама начинает крайне резко высказываться о писателе. Так, 20 ноября «Литературный фронт» публикует статью болгарского драматурга, председателя Союза болгарских писателей Г. Джагарова (1925-1995) «Главная тема» соответствующего содержания ([Димитрова 1994: 208]). 2 ноября в журнале «Народна култура» вышла статья публициста Владимира Николова ((1926 – 1998; печатался под псевдонимом Владимир Свинтила), «Жалък памфлет» («Жалкий памфлет»), где голословно утверждается, что в «пресловутом романе изображено презрение к русскому народу, злоба в отношении к русской интеллигенции <...>». М. Димитрова считает, что статья Свинтилы позволяет предположить, что автор не был знаком с текстом романа Пастернака (например, Свинтила пишет, что в романе якобы отсутствует психологический анализ). Сама статья «представляет собой лишь воспроизведение формулировок советской прессы» ([Димитрова 1994: 207]).

С осуждением Пастернака в 1958 году в статье «Литература и живот» («Литература и жизнь») выступал болгарский литературный критик Пенчо Данчев: «Русский декадентский поэт Борис Пастернак, к которому российское общество относилось снисходительно и терпеливо целых сорок лет, <...> написал реакционный роман “Доктор Живаго”, представляющий собой злобную клевету на все то, что дорого каждому прогрессивному человеку <...>» Есть, однако, свидетельства и другой оценки романа. Болгарский диссидент, писатель и публицист Г. Марков (1929-1978) описывал это так: «Над головой Бориса Пастернака назревает такая зловещая

---

⁸ 26 октября 1958 года в журнале «Народна младеж» вышла статья под названием «По пути позора и бесчестия» (по материалам ТАСС), где сообщалось об отказе «Нового мира» печатать роман. В журнале «Отечествен фронт» также со ссылкой на ТАСС выходит статья о том, что «Литературная газета» осуждает награждение Пастернака; 27 октября в газете «Работническо дело» напечатан полный текст статьи Д.И. Заславского «Шумиха реакционной пропаганды вокруг литературного сорняка» (подробнее см.: [Димитрова 1994: 207]).

буря, которую можно сравнить разве что с бурей против Солженицына. Вся духовная нищета и ничтожество советского строя проявляется в этом неопишемом издевательстве над одним из самых светлых писателей русской литературы» ([Марков 1991: 38]). Димитрова подчеркивает, что лишь журнал «Септември» («Сентябрь») не участвовал в антипастернаковской кампании, а в 1968 году⁹, когда уже можно было (но весьма осторожно) публично высказываться о Пастернаке иначе, выпускается номер, где наряду с произведениями Н. Тихонова, М. Цветаевой, Н. Заболоцкого было опубликовано и его стихотворение.

Перевод романа «Доктор Живаго» и объективные, неполитизированные исследования о Пастернаке стали появляться лишь в 1980-е гг. В 1989 году «Доктор Живаго» выходит на болгарском языке в переводе известной поэтессы и переводчицы Софии Бранц (1949-2015), стихотворения из романа были переведены поэтом Кирилом Кадийским. Кадийски переводит также отдельную книгу стихотворений Пастернака (Издательство „Захарий Стоянов“, 2007).

Современные болгарские русисты оценивают творчество Пастернака очень высоко. Вот характерное высказывание Д. Димитровой: «Его называют “последним гениальным поэтом”, “Гамлетом XX века”, “русским Фаустом” <...> придут страшные, трагические десятилетия сталинских репрессий, петля будет постоянно висеть над ним, но он ни словом, ни делом не запятнает своего высокого призвания» ([Димитрова 2020]).

Публиковались и другие авторы. Т.Х. Минчев связывает наступление «звездного часа» журнала «Факел» («он достиг огромного количества подписок в Болгарии — 60 000 тыс.» ([Минчев 2017: 11])) с публикацией русских писателей. «Журнал “Факел”¹⁰ (совместное издание Союза

---

⁹ В 1980 году Ив. Цветков один из первых среди болгарских ученых пишет о Пастернаке как о «классике советской поэзии», о его таланте и значимости для русской культуры.

¹⁰ Журнал просуществовал до 2011 года. Редактор «Факела» болгарский поэт и публицист Георги Борисов напечатал в нем много произведений как классической, так

болгарских писателей и Союза переводчиков Болгарии (1981-2011)) в 1985–1989 гг. активно публикует запрещенных ранее русских авторов. Их произведения печатаются в переводах лучших болгарских переводчиков. В 1989 году была предпринята попытка закрыть журнал из-за публикации «Архипелага ГУЛАГа» А.И. Солженицына» ([Минчев 2017: 11]). Власти Болгарии всячески препятствовали этой публикации, но в конце концов перевод был напечатан благодаря вмешательству российских и болгарских деятелей культуры. Это прибавило популярности журналу. На следующий год в нем появились «Бенефис» Андрея Платонова, «Москва-Петушки» и «Моя маленькая лениниана» Венедикта Ерофеева.

Благодаря журналу болгарская публика познакомилась также с творчеством А.Д. Синявского. Его статья «Диссидентство как личный опыт», опубликованная в парижском «Синтаксисе» в 1985 г., была переведена на болгарский в 1989 г. М. Лилевой; в 1990-м в «Факеле» были также опубликованы отрывки из «Прогулок с Пушкиным» в переводе Л. Любенова, в этом же году Е. Николовым переведена статья Синявского-Терца: «Что такое социалистический реализм?»¹¹ Позднее, в 1990-х – 2000-х гг., в Болгарии появляются исследования о творчестве этого автора, хотя стоит отметить, что, по мнению, К. Даскаловой, оно все же «не изучено в Болгарии основательно, в отличие от его соотечественника Александра Солженицына» ([Даскалова 2015: 54]) (подобное утверждение есть и у Р. Божанковой). Болгарские исследователи творчества Синявского (К. Даскалова, И. Захариева, Р. Божанкова) уделяют внимание, в частности, особенностям организации повествования, теме «двойничества» в его произведениях, написанных от лица Абрама Терца, роли творчества

и современной русской литературы. В настоящее время Борисов продолжает публиковать русскую литературу в издательстве «Факел-экспресс» (создано в 1995 году).

¹¹Подробнее см.: [Божанкова 2001: 421].

Синявского в формировании «малой прозы» как важнейшей жанровой формы XX века¹².

Эти радикальные изменения во второй половине 1980-х гг. в читательских предпочтениях и исследовательском интересе и поиски новых эстетических ориентиров произошли на фоне событий, круто изменивших судьбу самой Болгарии.

1.3. Болгарское литературоведение 1990-х – 2020-х гг. о русской литературе

Крупные общественно-политические события: отставка в 1989 г. генерального секретаря ЦК Болгарской коммунистической партии Тодора Живкова (35 лет находился у власти, с 1954) и смена общественного

---

¹² И. Захариева рассматривает личность литературного двойника, созданного Синявским, как одну из наиболее неординарных в культуре эпохи: «В русской литературе 1950-х–1960-х годов трудно представить себе более еретичного творца, чем прибалтийский Абрам Терц (создание литературоведа и прозаика Андрея Синявского)» ([Захариева 2008: 213]). Ученый подробно останавливается на проблеме «другого сознания» в ранних рассказах Терца и утверждает, что двойничество у Синявского-Терца воплощается на метафизическом уровне: «Стиль Абрама Терца-художника (в повести “Любимов”, в рассказах “Квартиранты”, “Гололедица”, “Пхенц” и др.) вмещал в себя фантастику, гротеск, аллегорию, наследуя традиции Гоголя и Гофмана» ([Захариева 2008: 214]). Обращаясь к композиции рассказа Синявского «Голос из хора», Захариева сравнивает его сюжет с форматом телевизионного «реалити-шоу, затянувшегося на шестилетний срок и переживаемого главным действующим лицом изнутри личностного сознания» ([Захариева 2012: 233]).

Р. Божанкова посвящает творчеству Синявского одну из глав диссертации ([Божанкова 1995]), рассматривая прежде всего поэтику, жанровые особенности его произведений, считая, что Синявский наряду с Розановым и Пришвиным внес существенный вклад в развитие «малой» прозы («Мысли врасплох», 1996; «Голос из хора», 1973). Безусловный интерес представляет мнение Божанковой о том, что «эссеистическая свобода характерна для каждой из книг <Синявского>, но в “Голосе из хора” обилие тематики и стилей, “коллажная” техника заставляют думать о другой, нетождественной жанровой форме» ([Божанкова 1995: 133]). В «Голосе из хора» Синявский обретает оригинальный стиль, тон и форму, создает оригинальный тип малой прозы «self made form» («персональную форму») ([Божанкова 1995: 137]). Исследовательница отмечает высокую степень рефлексивности прозы Синявского.

В своей книге «Становление русской литературной классики. Творческие новации писателей XX века» (София, 2012) Захариева в числе российских писателей-новаторов называет и Синявского: «Воспользовавшись услугами Тамиздата, Синявский как творец намеревался уклониться от цензуры тоталитарного социума и обогатить стилевой регистр отечественной прозы». Исследователь пишет об «энциклопедизме» тематики Синявского, его обращении к экзистенциальным вопросам, состоянию современного русского языка, особенностям творческого процесса и др. Документальность и автобиографичность помогают Синявскому найти творческую свободу в заключении, это своеобразный «словесный документ духовного бытия в неволе» (с. 233).

стройка — отразились на культуре страны¹³. Литература, переводческая деятельность практически лишаются государственной поддержки и всё больше зависят от рынка. Новая эпоха, выбранный Болгарией путь развития оказали влияние на рецепцию и интерпретацию русской литературы. Меняется статус русского языка, русский язык существенно потеснен распространением английского. Уменьшается его присутствие в средней и высшей школе. Болгарская русистика переживает сложные времена. Издательства и журналы (в том числе научные), практически лишившись финансирования, меняли политику, не отказываясь, однако, от публикации переводов и статей, посвященных русской литературе.

Болгарский исследователь истории национальной литературы С. Игов отмечает, что после 1989 года, когда наступила эпоха «открытости» как в русской, так и болгарской культуре, многие журналы изменили названия: «После 1989 года ряд изданий рано или поздно прекратили свое существование, другие сменили названия („Литературный фронт“ стал „Литературным форумом“, „Народная культура“ — „Культурой“, „Сентябрь“ — „Хроникой“» ([Игов 2009]).

Р. Русев считает, что «в последнее десятилетие XX и в начале XXI века, несмотря на развитие интернета, наступил один из, пожалуй, самых “безличных” периодов в истории связей и отношений между двумя литературами. <...>. Объяснение этому можно искать в сложных процессах, происходивших в обществе и в сознании болгар после 1989 г., которые отразились и на отношении к русской культуре и литературе как реакции на их массовое присутствие в Болгарии» ([Русев 2019]). Одна из очевидных причин этого процесса имеет кадровый характер (труд переводчиков перестал иметь престиж и стал слабо оплачиваться), что справедливо тревожит многих авторов. В 2014 году М. Горчева писала: «Несмотря на хорошее состояние переводов с русского, сегодня практически нет

---

¹³См. об этом подробнее, напр.: [Пономарева 2001].

квалифицированных молодых переводчиков, а это в дальнейшем, когда уйдет нынешнее активное поколение переводчиков, может создать серьезные проблемы» ([Горчева 2014: 222]).

И. Владова подчеркивает, что рыночные отношения существенно повлияли на переводы русской литературы. «До 1989 года большое количество переводов появилось в рамках систематической и последовательной государственной политики; они включали в себя как великие и канонические произведения русских классиков, так и многие еще не проверенные временем тексты последних десятилетий» ([Владова 2017а: 74]). М. Кирова представляет подробный обзор российских авторов, которые становятся интересны болгарской публике после 1989 года, во многом ключевого для современного бытования русской литературы в Болгарии. В числе таких авторов называется И.А. Бродский, активная публикация переводов которого на болгарский началась с 1989 года, что обусловлено как политическими причинами, так и особым интересом к творчеству автора после присуждения ему Нобелевской премии (1987)¹⁴.

---

¹⁴ Первое отдельное издание Бродского в Болгарии вышло в 1994 году; оно содержало подборку стихов на русском и на болгарском языках, а также эссе «Путешествие в Стамбул». Один из последних сборников переводов Бродского выполнен Асеном Сираковым (2018). Переводчик замечает, что он предлагает лишь часть наследия Бродского: «Конечно, 39 переводов из почти 800 поэтических произведений — ничтожная часть, но они дали бы читателю — смею сказать — довольно хорошее представление о нобелевском лауреате» (Избрани поетични творби в превод на Асен Сираков. Йосиф Бродски. <https://fakel.bg>. Дата публикации: 23.12.2019). В 2015 году выходит специальный выпуск журнала «Литературен вестник», посвященный Бродскому и приуроченный к 75-летию со дня его рождения и 20-летию со дня смерти.

Д. Димов отмечает, что сейчас в Болгарии популярна не только поэзия, но и эссеистика Бродского, написанная в основном на английском ([Димов 2016]). Более того: если в российском литературоведении большинство работ о творчестве Бродского посвящено поэзии Бродского, то болгарские работы о нем посвящены главным образом эссеистике. В 2016 г. Димов констатировал, что «только одна из пяти изданных на болгарском языке книг Бродского содержит стихи <...>» (после публикации книги переводов Сиракова ситуация несколько изменилась).

Сам Димов пишет именно о прозе Бродского, рассматривая образ города в ней (Ленинграда/ Петербурга, Венеции, Нью-Йорка, Стамбула, Афин и Рима) и выявляя «путь, по которому город Бродского из архитектурного пространства превращается в художественный образ», то, «какие методы были использованы при этой трансформации, какие новые элементы были введены при изображении фактического географического положения и каким образом это соотносится с литературной традицией городского письма» (с. 4). Как одну из особенностей исследователь выделяет то, что Бродский в целом воспринимает Российскую империю как что-то аутентичное и противопоставляет ее абсурду советского государства <...> Бродский возвращает первоначальную идею величия и уникальности города, возникшую во времена ранней Империи,

(Впрочем, впоследствии филологи утверждали, что Бродский «всегда был фаворитом болгарской, особенно гуманитарной, интеллигенции» ([Кирова 2009].)

В 1990-е гг, как отмечает Т.Н. Федь, ценностные ориентиры болгарских читателей смещаются, и на первый план на некоторое время выходит «массовая» литература. Российские ученые в последние годы также фиксируют количественный спад присутствия русской литературы на болгарском книжном рынке и связывают это не только с общественно-политической ситуацией, но и с динамикой рынка как такового (при этом проза печатается активнее, чем поэзия) ([Лунькова 2016: 91]). Это оказывает влияние и на восприятие, к примеру, творчества уже известных авторов:

и связанные с этой идеей архитектурные и метафизические особенности городского пространства, впоследствии подвергшегося метаморфозе в нисходящей градации через дуалистическую природу Медного Всадника Пушкина до глубины мрачных петербургских теней Достоевского» (с. 28, 29).

Венецию у Бродского сближает с Петербургом символика воды и времени как носителей божественного, архитектурные элементы и природные особенности. При этом, однако, именно Венеция с ее конкретными чертами становится для Бродского городом-идеалом. Венеция и Петербург в прозе Бродского образуют две «зеркальные» реальности, сопоставимые по физическим характеристикам и мифической символике, и одновременно противопоставленные, поскольку воплощают для Бродского два полюса — русское и европейское культурное сознание.

Эссе «Путешествие в Стамбул», где воссоздается еще один образ города, с точки зрения Димова, является основополагающим для понимания философии писателя. Стамбул и Афины поняты Бродским как города, связанные с самими основами мировой культуры в ее историческом развитии. Ученый выделяет три основных «вектора», которые лежат в основе философии писателя: «Первый вектор — это проекция дилеммы “религия против разума”, понятой в соответствии с идеями русского религиозного философа Шестова; второй вектор обращен к теме *Восток-Запад*, третий связан с сопоставлением Османской империи с Советским Союзом» (с. 30). В результате взаимодействия этих концепций изображенный Бродским Стамбул объединяет в себе хаос и восточную тиранию; это демоническое место; Рим занимает здесь промежуточное положение, он понят как колыбель классицизма, родина современной цивилизации.

Р. Евтимова обращает внимание на то, что любимое Бродским время года в Венеции — зима; именно в этот сезон Бродский автор улавливает самое существо этого города, зима «обеспечивает простор и спокойствие для уединенного взгляда, потому что город, наконец, освободился от ненасытных потребителей красоты, которые способны с легкостью банально уместить ее на одной фотографии или почтовой открытке» ([Евтимова 2010: 130]).

М. Костова-Панайотова вспоминает, что Бродский называл себя «ретроспективным» человеком. В эссе «Скорбь и разум» (1997) писатель-эмигрант пишет, что, как у лжепророков дантовского «Ада», «его голова всегда поворачивается назад». В своих эссе Бродский, по мнению Костовой-Панайотовой, обращается больше к предшественникам, чем к современникам, «вспоминая Рим Овидия, Флоренцию Данте... Дублин Джойса», осмысляя родство с писателями различных эпох, связывая себя с общим потоком разных культур. Его тексты, оставаясь живыми, становятся «вневременными» ([Костова-Панайотова 2016: 105]).

«В начале 90-х годов в Болгарии происходят политические перемены в социальном строе, печатается только хорошо продаваемое чтение для массового читателя. Многие произведения русских писателей, считавшихся долгое время советскими, перестают печататься. <...> Однако вновь происходит переоценка ценностей и прежде отвергаемое опять появляется в печати» ([Федь 2016: 325]).

В 1990-х–2000-е гг. под влиянием политической ситуации в болгарском литературоведении происходят значительные изменения: «Последние годы XX столетия были временем заметной научной и издательской активности, создавшей в Болгарии новое представление о русской литературе. Пришедшее на эти годы интенсивное воздействие западной культуры на болгарское общество побуждает нас говорить именно об академическом бытовании русской литературы в болгарской культурной среде» ([Божанкова, Димитров 2002: 386]).

Д. Чавдарова также пишет о влиянии на болгарскую русистику западных работ, отмечая, что в 2000-х русистика как наука расширила сферы влияния ввиду того, что болгарские и российские ученые все активнее взаимодействуют с зарубежными коллегами. В болгарской и российской русистике происходят, по мнению исследователя, процессы, обусловленные политическими факторами переходного периода: стремление заполнить «белые пятна» в исследованиях русской литературы. Осуществляется более углубленное изучение «эмигрантской литературы, национальной русской культуры в целом; появляются новые исследования в области рецепции русской литературы, происходит знакомство с новыми писателями, «включение авторов в болгарский культурный контекст» ([Чавдарова 2012: 164, 163]). При этом Чавдарова отмечает стремление преодолеть подчинение идеологемам («братская дружба»).

Усиливается потребность осмыслить вклад русской эмиграции в болгарскую науку и культуру. В этой связи постепенно выясняется глубинная связь, преемственность формирования литературоведческой

русистики между довоенным периодом и наукой социалистической Болгарии, т. к. учителями многих исследователей были русские. Эти факты долгое время замалчивались, но в настоящее время они активно входят в научный обиход. Творчеству русских литераторов, эмигрировавших в Болгарию в 1918–1944 гг., была посвящена отдельная под рубрика в журнале «Болгарская русистика»; как сообщали редакторы журнала, «[з]адача этой под рубрики – популяризировать оригинальное творчество русских авторов-эмигрантов, которые, находясь в Болгарии в указанный период, писали и издавали интересные работы, оставшиеся неизвестными для современной аудитории. Публикуемые работы сопровождаются краткими комментариями о жизни и деятельности авторов»¹⁵.

Журнал публикует статьи об известных русистах, в числе которых была, например, Маргарита Каназирска. Известный болгарский писатель, представитель болгарской «деревенской» прозы Ивайло Петров, в одном из номеров журнала отмечает значимость этого литературоведа для развития русской литературы в Болгарии: «Маргарита Каназирска работает в Великотырновском университете с 1966 года. <...>. Маргарита Каназирска является одним из признанных исследователей русского модернизма» ([Петров 2006: 130]).

Важным событием в академической русистике 2000-х и попыткой систематизации материала в связи формирующимися новыми явлениями (постмодернизм) и концепциями стало издание в 2002 году в издательстве «Хермес» первого академического учебника «Руска литература на XIX и XX век» («Русская литература XIX и XX веков»), который был выпущен под редакцией крупных современных ученых: Румяны Евтимовой, Ренеты Божанковой, Румяны Корсемовой, Людмила Димитрова, Христо Манолакева, Мирослава Дачева и Николая Нейчева¹⁶ (переиздан

---

¹⁵ Сайт журнала «Болгарская русистика»: http://bgrusisty.com/?page_id=23.

¹⁶ См. об этом издании: [Божанкова, Димитров 2002].

в Софии в 2005 г.). Как отмечают авторы, объемы русской литературы XX века не позволяют подробно «охватить» творчество всех авторов, поэтому неизбежны «пропуски имен и фактов», а при выборе писателей авторы учебника во многом придерживались «субъективного» подхода (с. 394). В разделе «Русская проза между классикой и модернизмом» подробно рассмотрено творчество Горького, Бунина, Блока, отдельные главы посвящены творчеству Пастернака, Солженицына (а также его представлена полемика с Шаламовым). В отдельную главу выделена литература постмодернизма (А. Синявский, Г. Сапгир, Вс. Некрасов, Д. Пригов, В. Сорокин, В. Ерофеев, В. Пелевин) и др.

Не всегда понятно, по какому принципу в современных болгарских исследованиях новейшей русской литературы отбирается материал. Сами русисты иногда отмечают некоторую бессистемность, являющуюся, видимо, следствием отказа от устоявшегося методологического подхода, в то время как новый еще не вполне сформулирован (см. об этом, напр.: [Щонева 1985]).

Важным фактором сохранения традиции изучения русской литературы является журнал «Болгарская русистика», где в 2000-2020-е гг. печатаются ученые из Болгарии, России, Казахстана, Сербии, Чехии, Грузии, что является свидетельством продолжающегося и развивающегося сотрудничества. «Болгарская русистика» помещала публикации о юбилеях классиков русской литературы и их взаимодействии с болгарской литературой: Пушкина (220-летие в 2019), Тургенева (2018), Достоевского (2021). Наряду с публикациями авторитетных ученых (Г. Георгиев «Асимметрии на утопичните и антиутопични проекти в руската литература от началото на XX век» / «Асимметрии утопических и антиутопических проектов в русской литературе начала XX века» (№ 2, 2006), публиковались и молодые ученые. Так, в рубрике «Дебюты» были представлены диссертации А. Методиевой (в 2015 г. защитила диссертацию «Творчество Анны Барковой в литературном контексте лагеря и авангарда»)

и Б.А. Благоева («Количественные аспекты отношения оригинала и перевода (на материале русскоязычных переводов стихотворений Павла Матева)», № 2, 2017).

Отдельно следует сказать об И. Захариевой (1935-2018), которая на протяжении многих лет была главным редактором журнала. Русская по происхождению, она внесла большой вклад в изучение русской литературы XX века в Болгарии¹⁷; в последние десятилетия опубликовала в журнале ряд статей, посвященных актуальной проблематике («Парадоксите на Исак Бабел („Одески разкази“)» (№ 2, 2003), «Венецианский миф Бродского» (№ 3–4, 2004), «Максимилиан Волошин: поэзия и культура» (№ 3–4; 2006), «Матрица подтекста в пьесе Михаила Булгакова «Александр Пушкин» (№ 3–4, 2008)).

Отдельный номер «Болгарской русистики» был посвящен истории русистики в связи с 50-летним юбилеем Общества русистов Болгарии (2017).

В 2000-е гг. появляются новые журналы, использующие новые технические возможности. Например, в 2017 году начинается издаваться международный научный интернет-журнал «Русистика без границы» («Русистика без границ»), выходящий 4 раза в год и публикующий статьи на русском, болгарском и английском языках. Его главный редактор и основатель — Д.С. Лесневска, профессор софийского Университета национального и мирового хозяйства.

О том, что в последние десятилетия интерес болгарских исследователей к русской литературе поддерживается на высоком уровне, свидетельствует и число их работ (только монографий около пятидесяти), и большое количество мероприятий, посвященных русской литературе, в их числе международные научные конференции, посвященные русской

---

¹⁷ Работы И. Захариевой печатались в Болгарии как на русском, так и болгарском: «Проблемы советской литературы» (София, 1990), «Художественный синтез в русской прозе XX века. 20-е – первая половина 50 х годов» (София, 1994), «Аспекты формирования канона в русской литературе XX века» (2008), «Русский роман XX века: авторские опыты спецификации жанра» (София, 2014). См. статью о ее деятельности: ([Федь 2008]).

литературе: «Русская литература – культурные диалоги» (Великотырновский университет, 2007), «Русская литература в сети: тексты и прочтения» (Юго-Западный университет имени Неофита Рильского, Институт литературы БАН), «Европа читает Чехова» (Великотырновский университет, 2010), «Классика и канон в русской литературе» (Софийский Университет, 2011, 2012, 2013, 2014), а также международный симпозиум МАПРЯЛ «Проблемы, имена и школы в русском литературоведении XX в.» (София, 2002) (см. подробнее: [Громова 2022]).

Болгарские деятели культуры принимали участие в мероприятиях в России. Например, в 2013 году ученые из Болгарии присутствовали в Москве на торжественном вечере, посвященном 80-летию основания Литературного института (2013 год). Поэт, публицист и переводчик Бойко Ламбовский, который окончил это учебное заведение, сказал тогда: «Хороших вещей много, но одна из самых замечательных — русская литература. Мы остались ей верны. Литературный институт был той лестницей, по которой мы шли не только к литературному мастерству, но и к великой русской литературе»¹⁸.

Важное значение для поддержания русистики в 2000-е гг. имела деятельность МАПРЯЛ, юбилей которой тоже отмечался в 2017 г., в том числе в Болгарии. Несколько раз конгрессы проходили в Болгарии: в 1973 г. и в 2007 г. в Варне. И. Владова в статье «Накануне XI конгресса МАПРЯЛ» («Болгарская русистика», № 1, 2007) подчеркнула его значимость для популяризации русского языка: «XI Конгресс отличается от других конгрессов МАПРЯЛ прежде всего тем, что он будет проходить в атмосфере праздника <...>. 2007-й год официально объявлен годом русского языка! С этим событием связана и тема конгресса: „Мир русского слова и русское слово в мире“».

---

¹⁸ Посолство на България поздравя Литературния институт с 80-ия му юбилей <https://www.mfa.bg/embassies/russia/news/5995>. Дата публикации: 05.12.2013, дата обращения: 10.01.2024.

Продолжают проводиться многочисленные мероприятия, связанные с популяризацией русской литературы (дни памяти Шукшина, Распутина, специальный выпуск газеты «Культура» к 100-летию Солженицына). К столетию Солженицына (2018) в Русском культурном центре Софии были показаны документальные фильмы: «Солженицын. Спасенное интервью» (режиссер А. Денисов) и «На последнем плесе» (режиссер С. Мирошниченко). и др.). Различные мероприятия проходили в разных городах Болгарии при поддержке фонда «Русский мир», оказывающему содействие в работе русских культурных центров, — например, так праздновалось в 2020 году десятилетие Русского центра Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского. В университете действует Международный научно-практический переводческий семинар, в котором принимают участие как студенты, преподаватели, так и известные болгарские и российские переводчики.

Фактор преемственности, накопленный болгарской русистикой потенциал помог ей не только сохраниться в 1990-е гг., но и продолжить обогащаться в 2000-е гг., привлекать новые кадры и открывать новые темы. Г. Петкова отмечает, что болгарская русистика продолжает активно развиваться: «Сегодняшнему болгарскому литературоведению, хорошо знакомому с русской литературной историей, интересны междисциплинарность, <...> русская литература, с одной стороны, и с другой – русская общественная мысль, русская ментальность, национальные стереотипы, сценические искусства, (авто)рефлексия о путях России» ([Петкова 2121: 35]).

Глава 2. Рецепция русской «деревенской прозы» в Болгарии

2.1. Обсуждение тематики и проблематики русской «деревенской прозы» в болгарской русистике

«Деревенская проза» — явление, органично вошедшее в литературный процесс русской словесности второй половины XX века, оно до сих пор вызывает интерес у читателей и исследователей как отечественных, так и зарубежных. В поле зрения болгарского литературоведения русская «деревенская проза» находится уже более полувека.

Интерес к «деревенской прозе» в отечественном литературоведении был всегда во многом обусловлен тенденциями общественной жизни (трагическая судьба русской деревни в водоворотах истории, рост городов и разрушение векового деревенского уклада), потребностью в поиске духовных корней. Изменение политической стратегии в середине 1980-х – 90-х гг. предопределило смену культурных ориентиров и трактовку этого явления.

В современном российском литературоведении существуют различные подходы к изучению «деревенской прозы». М.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий, например, говоря о «деревенской прозе», определили ее художественные особенности так: «Творцам "деревенской прозы" принципиально чужды приемы модернистского письма, "телеграфный стиль", гротескная образность. Им близка культура классической русской прозы с ее любовью к слову пластическому, изобразительному, музыкальному, они восстанавливают традиции сказовой речи, плотно примыкающей к характеру персонажа, человека из народа, и углубляют их» ([Лейдерман, Липовецкий 2003: 63–64]). И.М. Чеканникова считает, что «можно говорить об эволюции "деревенской прозы" как нравственно-философской, эстетической общности, доказательством чего являются такие значительные, во многом итоговые для ее авторов, произведения,

как "Прощание с Матерой" (1976) В. Распутина, "Царь-рыба" (1976) В. Астафьева, "Дом" (1978) Ф. Абрамова, "Лад" (1982) В. Белова. Они свидетельствовали об окончательном перерастании "деревенской прозы" в философско-этическую, "онтологическую" литературу» ([Чеканникова 2005: 9]), в сфере внимания которой находятся «вечные» проблемы: круговорот всего живого, смысл бытия, ценность жизни.

Середина 1980-90-х гг. ознаменована появлением таких произведений, как «Пожар» В.Г. Распутина (1985) и «Печальный детектив» В.П. Астафьева (1986), что стало закономерным следствием основных тенденций общественной жизни. Не случайно на рубеже XX–XXI вв. критика нередко писала о том, что «деревенская проза» как социокультурное явление себя исчерпала вследствие не востребоваемости ее тематики. Однако тезис о «конце» «деревенской прозы» ([Славникова 1999], [Быков 2013] и др.), на наш взгляд, в большей мере отражает личную точку зрения отдельных исследователей, нежели реальную ситуацию.

В.Н. Бараков, к примеру, не поддерживает взгляды названных выше критиков и считает, что «деревенская проза» приобретает новые формы существования. По его мнению, такие авторы, как Б.П. Екимов, С.М. Мишнев и А.Ю. Киров, продолжают традиции писателей-«деревенщиков» ([Бараков 2014]). И.Н. Иванова разделяет точку зрения Баракова, но называет в качестве продолжателей традиций «деревенской прозы» других писателей: Т.Ю. Кибирова («Лада, или Радость»), Т.В. Москвину («Позор и чистота»), А.В. Дмитриева («Крестьянин и тинейджер») ([Иванова И.И. 2013]).

Многие исследователи за рубежом обращались к проблеме изучения русской «деревенской прозы» за рубежом ([Бадрызлова 2005], [Цыбенко 2006], [Сорокина 1994]).

В Болгарии русская «деревенская проза» издавалась и широко изучалась не только потому, что она обладала неоспоримой художественной ценностью, но и потому, что для болгарской культуры эта тематика тоже

была актуальна. Типологически близкое явление складывалось в болгарской прозе в течение 1960-х гг. и продолжало присутствовать несколько десятилетий. «Именно в 60-е гг. берет начало в болгарской литературе новая “деревенская” проза, темой которой становятся такие насущные проблемы действительности, как конец истории старого патриархального крестьянского быта и сознания, гибель самого села как такового, миграция сельского населения в город на стройки, трудная адаптация крестьянина к новой жизни, изменение, даже искривление его психологии, падение нравственности и пр.» ([Пономарева 2001: 80–81]). К болгарским «деревенщикам» причисляют таких значительных авторов, как Й. Радичков, И. Петров, В. Попов, Г. Мишев.

Российский исследователь Е.Е. Гилярова обнаруживает общие черты болгарской и русской «деревенской прозы» в темах, а иногда даже «родственности» сюжетов: «Например, в произведениях болгарского прозаика В. Попова и русских писателей В. Распутина и Ф. Абрамова чувствуется тревога и боль, вызванные исчезновением старой деревни, ее во многом патриархальных основ; в повести болгарского писателя Г. Мишева «Матриархат» и рассказах В. Шукшина говорится о негативных и зачастую трагических изменениях в психологии покинувших родные места крестьян» ([Гилярова 2004:16]).

Похожие мотивы и проблематику обнаруживает в произведениях Й. Радичкова и В. Распутина Н.Н. Пономарева. Так, мотив памяти и сохранения нравственных традиций раскрывается в повести Й. Радичкова «Последнее лето» (1965). Почти как в «Прощании с Матёрой» Распутина, на месте родного села в произведении болгарского писателя строят водохранилище, а жителей переселяют на новое место. Остается только один человек, который помнит, каким было его родное село ([Пономарева 2001:35]).

Н.Н. Пономарева отмечает, что в 1970-е годы комплекс тем, характерных для «деревенской прозы», приобретает в болгарской литературе

более глубокое звучание из-за последствий «коренной перестройки сельского хозяйства» (кооперирование, образование агропромышленных комплексов, коллективизация и т.д.) ([Пономарева 2001:28]). Трагические последствия коллективизации впервые были осмыслены в романе И. Петрова «Мертвая зыбь» (1961, вторая редакция 1973). В лучшем и самом известном романе писателя «Облава на волков» (1986, переведен на русский язык в 1989), как отмечает Пономарева, И. Петров «дал художественный срез целой эпохи в жизни болгарского села с начала Второй мировой войны до конца 60-х» ([Пономарева 2001:32]).

По мнению русского писателя В.Н. Крупина, в этом произведении Петрова болгарское село очень похоже на русскую деревню: «Это Болгария, которой я не знал, но которую полюбил еще сильнее. Ибо увидел ее страдания, как свои. Причем даже и внешне эти страдания именно как свои. Я будто о России читал, когда вникал в описания коллективизации, строительства социализма, последствий революции...» ([Крупин 1989: 3]).

Традиционные аспекты «деревенской прозы», такие как мифопоэтика, психологизм, крестьянские характеры, становятся объединяющим звеном двух культур. Об этом пишет болгарская исследовательница Л. Беженару: «Болгарская проза, ищущая корни, со всем своим национальным своеобразием имеет некоторые общие черты с русской “деревенской прозой”. Их объединяет общее в постановке темы и сходные художественные решения, иногда даже близкие по сюжету» ([Беженару 2015: 11]).

Болгарские русисты активно проявляли интерес к проблематике русской «деревенской прозы»: в 1980-е годы Р. Евтимова, Д. Цветкова, И. Цветков, в 1990-е И. Петров, Г. Гырдев, в 2000-е Р. Русев. В последнее время русская «деревенская проза» — не часто обсуждаемое, но остающееся

в поле зрения болгарской литературы и культуры ¹⁹. Болгарские литературоведы обращались к традиционным темам, обсуждаемым в связи с «деревенской прозой»: взаимоотношениям деревни и города, нравственно-философской проблематике, изменениям и константам национального характера, соотнесенности «деревенской прозы» с русской классической традицией.

Вопрос о исторических судьбах «деревенской прозы», вызвавший, как мы напоминали выше, дискуссии в современной русской литературной критике, затрагивается и болгарскими учеными. Так, по мнению Р. Русева, можно говорить о процессе постепенного преобразования «деревенской прозы» в более позднее явление прозы «неодеревенской» и относит к «неодеревенской» прозе творчество таких писателей, как Н.Г. Никонов («Старикова гора», 1983), Н.И. Тропников («Ручная работа», 1986) ([Русев 2000]).

Говоря о герое «деревенской прозы», Русев утверждает, что такой герой — «прежде всего “эстетическая категория”», которая не укладывается в формат положительного, «социально активного» героя, навязанного эстетикой соцреализма. Это весьма объективное и обоснованное наблюдение. В качестве примера приводится автобиографический очерк Распутина «Вниз и вверх по течению». Исследователь акцентирует внимание на том месте очерка, где писателя Виктора упрекают в излишнем психологизме, в отсутствии резко отрицательных или положительных героев в его рассказах. Этот эпизод, по мнению литературоведа, раскрывает доминанту творчества всех «деревенщиков»: стремление показать «стереоскопические характеры» во всей их объемности.

Оценивая «деревенскую прозу» как одно из центральных и многоплановых явлений русской литературы XX века, болгарские ученые

---

¹⁹ Отдельные аспекты изучения творчества Распутина и Шукшина рассматриваются, например, в: [Момчилов 2021].

(Русев, Гырдев) утверждают, что она объединила важнейшие художественные поиски русской литературы. Гырдев обращает внимание на то, что некоторые писатели-«деревенщики» не принимали «узкое» определение своей прозы, заявляя, что они в первую очередь поднимают «общечеловеческие» проблемы: «личность-общество, «цивилизация-природа, история-современность, современность-будущее» ([Гырдев 1992: 66]).

Такой характер проблематики «деревенской прозы» вызвал, кстати, сомнения в плодотворности самого термина, иногда представлявшегося не вполне адекватным явлению; он «оспаривался и с эстетической, и с идеологической стороны, но попытки заменить его иным, акцентирующим другие качества и достоинства, не увенчались успехом. Литература диктовала необходимость работы над созданием нового критического кода, ключа, с помощью которого можно было понять процессы, движущие современной литературой» ([Чеканникова 2005: 9]). Это ощущали и болгарские литературоведы (например, в плодотворности термина «деревенская проза» сомневалась Д. Цветкова).

«Реабилитация» возвращенной литературы, с точки зрения Русева, дала возможность восстановить связи между непохожими и очень разными явлениями. Сохранению связей с традицией способствовала «деревенская проза», которая оставалась «внутри» страны, и это направление стало связующим звеном восстановительных процессов. Исследователь полагает, что ему удалось найти наиболее точное определение художественной сущности «деревенской прозы», которое он и выносит в заглавие своей монографии: «С маской и несколькими лицами» (2000). Подчеркивая «полиморфную внутреннюю природу самого явления» «деревенской прозы», литературовед отмечает, что в ней создается некая художественная условность, «маска», которая «надевается» для того, чтобы «ввести в заблуждение догматичную критику и избежать цензуры» ([Русев 2000:7]). При этом сохраняется творческая индивидуальность отдельных писателей,

их «лицо», чему способствует поиск особых форм выражения авторской позиции. Ученый отмечает многоликость «деревенской» прозы, пишет, что картины русского национального быта, созданные писателями-«деревенщиками», и «многоцветный народный язык» позволяют говорить об определенном «энциклопедизме» «деревенской прозы», воспринимать ее как «маленькую живую этнографию». Говоря о Распутине, Русев замечает, что писатель сумел привлечь внимание читателей заглавиями повестей, которые по своей сути «кратки, но в них сконцентрировано драматическое напряжение, заложенное в целом произведении». Русев подробно анализирует творчество писателя, останавливаясь на различных аспектах его произведений. Характеризуя творческий метод художника, Русев использует термин Солженицына «плотность» (в значении «концентрация»), который помогает подчеркнуть сложность смысла повестей Распутина. Характеризуя художественный метод Распутина, Русев вводит термин «интегрированное творчество», обозначающий искусство, обращенное к «вневременным и внеисторическим» общечеловеческим вопросам.

Сопоставимые суждения можно найти и у русских литературоведов. Так, Г.А. Белая писала: «[Т]ворчество В. Шукшина (так же, как и С. Залыгина и В. Белова) ясно обнаруживает, что “деревенская проза” вырвалась из тех “деревенских рамок”, которые за писателями-“деревенщиками” закрепила критика, <...> что с течением времени поднятая ими социальная проблематика обнаружила новые уровни, новые пласты — этические, философские» ([Белая 1986: 118]). И. Захариева также полагает, что творчество Шукшина в идейно-тематическом плане выходит за границы «деревенской прозы»: «Ошибочно было бы называть Шукшина “деревенским прозаиком”, его интересуют больше всего грани между деревенской и городской жизнью, деревенской и городской культурами» ([Захариева 1982:3]).

Для болгарских исследователей во многом одним из ключевых стал анализ произведений писателей XX века через призму литературных

традиций. Изучая творчество «деревенщиков», болгарские русисты зачастую обращались к литературе классического периода и классическим авторам: Достоевскому, Толстому, Чехову, Горькому, соотнося с их наследием жанровые формы произведений, героев, проблематику и другие аспекты «деревенской» прозы. В значительной степени это обусловлено тем, что классическая русская литература наиболее системно изучена в болгарском литературоведении.

Д. Цветкова, например, отмечает, что Шукшин продолжает чеховскую традицию создания «малых прозаических форм», используя чеховский «принцип недоговоренности» ([Цветкова 1984:11]), давая возможность читателю самому понять авторскую позицию и сформировать свое мнение о героях. О чеховских традициях в «деревенской прозе» размышляет и Русев, констатируя, что Шукшин, а в некоторых случаях и Распутин использовали чеховские принципы повествования, такие как «<...> молниеносная констатация ситуации еще в самом начале рассказа; <...> сокращение до предельного минимума описательной части; особенная роль диалога как движущего механизма повествования...» ([Русев 2000: 55]). Однако, как полагает Русев, Распутин лишь отчасти использует чеховский опыт, в целом ему ближе творчество Толстого. Похожей позиции придерживается и И. Цветков, который отмечает, что Шукшин воплощает в своем творчестве традиции писателей XIX века: «Как и русские классики XIX века, Шукшин часто обращается к приему антитезы: внешняя красота — внутреннее уродство, деформация; внешняя непривлекательность, “обыкновенность” противопоставляется внутренней красоте» ([Цветков 1980:184]).

Старики, персонажи Распутина, часто рассуждают о том, что человек, достигший их возраста, является обузой для молодых; они ощущают свою ненужность. Русев находит в этих сценах отражение толстовских традиций. Например, Головин из «Смерти Ивана Ильича» точно так же переживает свой близкий уход, и Толстым подробно описываются «болезненные предсмертные страдания» ([Русев 2000:116]) героя. Русев подчеркивает, что

в повести «Последний срок» Распутин, подобно Толстому, акцентирует определенные особенности поведения близких умирающей героини. Никто искренне не ждет выздоровления Ивана Ильича, точно так же все «поверили» в скорую кончину Анны: Михаил и Илья приготавливают водку для поминок, Люся занята тем, что шьет платье на проводы матери.

По мнению Русева, Распутин опирается и на художественно-философские традиции Достоевского. О влиянии творчества Достоевского на Распутина писали многие российские исследователи. Например, Е.В. Старикова сравнивает эпизод из повести Распутина «Живи и помни», в котором Андрей Гуськов бессмысленно убивает теленка, и убийство Раскольниковым старухи-процентщицы, отмечая схожесть психологической составляющей поступков героев ([Старикова 1985:236]). А В.Н. Шапошников считает, что идея покорности, всепрощения и христианской любви объединяет героинь Распутина (Настена) и Достоевского (Соня Мармеладова) ([Шапошников 1978:107]).

Русев ищет в прозе Достоевского истоки некоторых распутинских символов. Например, символ уходящего солнца, заимствованный, по мнению Русева, у Достоевского («Подросток», «Преступление и наказание»), не раз встречается в творчестве Распутина. Для Распутина солнце — это «первоисточник жизни, как животворящее и преобразующее начало», но, например, в повести «Последний срок» этот символ сопровождает Анну в последние дни ее жизни, как бы «освещая» ее честно прожитую жизнь ([Русев 2000:114]).

К трактовке этого символа в творчестве Распутина также обращается Гырдев. Символ закатного солнца, который появляется в видении Дарьи, трактуется литературоведом как традиционный символ, который часто появляется в русской литературе, в творчестве не только Достоевского, но и Булгакова. О связи творчества Пушкина и Достоевского пишет Т. Шейтанов, отмечая, что этих писателей объединяет не столько проблематика, сколько принципы художественного изображения: например,

«психологическая динамичность» ([Шейтанов 1982:56]) характеров, которые у Шукшина раскрываются чаще всего через развернутые диалоги.

Русев считает, что в повести «Деньги для Марии» можно выделить ряд образов, которые связаны с пейзажной символикой романа Пастернака «Доктор Живаго», — «символ очистительного ветра, бури, первого непорочного снега» ([Русев 2000:143]). Природа у обоих писателей «обожествлена», и с ней неразрывно связаны одинокие по своей натуре Кузьма и Живаго.

Что касается тематики произведений авторов деревенской прозы, то здесь болгарское литературоведение также во многом идет традиционным путем, затрагивая темы смерти, памяти, сохранения традиций русской деревни и др. Более подробно болгарские ученые останавливаются на проблеме русского национального характера, что связано в первую очередь с желанием болгар постичь самосознание русского народа.

В произведениях Распутина можно выделить целый ряд тем и мотивов, которые являются универсальными для «деревенщиков». Одним из ведущих в его повестях становится мотив смерти, при этом физическая смерть не всегда напрямую связана с духовной. К примеру, по мнению Русева, физическое угасание жизни рассматривается писателем философски — как «логичная неизбежность и естественный эпилог» ([Русев 2000:110]) праведной жизни, а в повестях «Пожар», «Живи и помни» смерть представлена как метафора угасания духовной жизни. Смерть старика Егора из «Прощания с Матёрой» Русев трактует как реакцию на насильственное переселение с родного острова. Распутину важно показать переходное состояние героя, его пребывание между двумя ипостасями — жизнью и смертью. Так, старуха Анна, героиня повести «Последний срок», которая находится «при смерти», духовно переживает своих сыновей и дочерей, которые внутренне мертвы.

Русев подчеркивает, что для Распутина особую важность представляют «переходные состояния» между жизнью и смертью, бытием и небытием:

«Основное философское содержание его повестей сосредоточено в <...> пограничных состояниях. При этом он всегда останавливается, сосредоточивает внимание на этом промежуточном моменте и подробно, глубоко анализирует его» ([Русев 2000:112]). Мотив сна также является для Распутина ключевым. Русев анализирует истоки появления снов и их функции: «Для писателя действительность — хаос, а сны — перевернутая действительность, возможность найти выход из этого хаоса» ([Русев 2000:102]). Так, в «полубодрствовании-полусне» ([Русев 2000: 108]) находится герой повести «Деньги для Марии» Кузьма, и только через сон он устанавливает связь с реальностью. Это «убежище» для героя, где он может переждать невзгоды и найти выход из сложившейся ситуации. Именно сон наводит Кузьму на мысль отправиться в путь и найти деньги. Герои Распутина пытаются проникнуть в тайну сна, хотят разгадать, что предвещает то или иное сновидение ([Русев 2000:99]). В повести «Последний срок» одна из дочерей видит сон, в котором люди вместе с ней занимаются бесполезной работой, но они испытывают радость от того, что совершают общее дело вместе. Именно сон позволяет раскрыть одну из главных проблем современной жизни — отчужденность людей друг от друга.

Русев выделяет ряд художественных функций сновидений в произведениях Распутина: они помогают организовать повествование (актуализируют поэтическое начало), играют композиционную роль. Но основная их функция, по мнению Русева, идейная — они раскрывают авторскую позицию, способствуя формированию особой системы художественных средств ее выражения в прозе Распутина ([Русев 2000: 81]).

С темой жизни и смерти неразрывно связана тема памяти. Старики Распутина во многом являются «хранителями» памяти, это те люди, которые обладают определенным даром. Русев отмечает, что, по Распутину, память — это основа человеческой личности: «<...> сердцевина и соединительный сплав авторской концепции единства человеческой личности» ([Русев 2000: 146]). Распутин испытывает своих героев с помощью памяти — человек

способен жить только благодаря уважению к своим корням, в противном случае герой обречен на физическую или моральную гибель (Клавка Стригунова и Петруха из «Прощания с Матёрой»). В «Прощании с Матёрой» Русев видит изображение культа мертвых: сцена разорения памятников на кладбище и обряд «прощания» Дарьи с избой понимается как открытое выражение позиции писателя.

Как один из важнейших для Распутина мотивов Русевым интерпретируется мотив совести; чувство вины у Распутина — одна «из универсальных доминант, от которых зависит нравственная характеристика человеческой личности» ([Русев 2000:153]). Вину в основном берут на себя старики. Например, Анна из «Последнего срока» возлагает на себя вину за то, что любимая дочь не простилась с ней перед смертью, а Настёна — за то, что, погруженная в собственные тревоги, не обратила внимание на плачущего соседского ребенка, и т. д.

Говоря о персонажах «деревенщиков», болгарские русисты (или русские ученые, учитывающие болгарскую аудиторию) зачастую рассматривают героев в контексте национального. Таким путем идет, например, Захариева, пишущая, например, о «широте души русского человека», изображенной Шукшиным: «<...> главным для него оказывается человеческая душа — широка ли она, как поля России, или же узка, как домашний сундук с добром» ([Захариева 1982: 10]). Это качество отмечает в героях, созданных Шукшиным, и Р. Илчева: «В его творчестве гуманистические традиции русской классической литературы переплетаются неповторимым образом с животрепещущими проблемами современности. Чистая душевность обычного русского человека противостоит моральной деградации всех видов» ([Илчева 2001: 384]).

Захариева также обращает внимание на шукшинское чувство юмора и рассматривает его как одну из национальных русских черт: «Чувство юмора, свойственное русскому народу, воплотилось в самом стиле

рассказанных им историй. Так возник характерный сплав комизма и драматизма в его новеллах» ([Захариева 1982: 7]).

И. Петров, как и Захариева, справедливо утверждает, что Шукшин стремится постичь народный характер в его национальном своеобразии. Ученого привлекает в Шукшине умение воссоздать народный тип сознания, показать самобытность русского народа. Петров пишет о последней повести Шукшина «До третьих петухов», которую многие ученые называли «трактатом о русском национальном характере» ([Петров 1997:7]). Этот характер в изображении Шукшина обнаруживает свою противоречивость: «При исследовании существенных граней характера своих героев он избегает однолинейности описания. Герои писателя анализируются как бы сразу с нескольких точек зрения, причем выявляются их основные достоинства или недостатки» ([Петров 1997:78–79]).

Гырдев также настаивает на амбивалентности русского национального характера, говоря о Командоре из «Царь-рыбы» Астафьева: «Он любит подразнить судьбу, поиграть с ней — показательным в этом отношении является его дерзкое поведение на реке, когда за ним гонятся инспекторы рыбнадзора. Однако основное качество Командора, которое и подчеркивает писатель, — это благородство его характера» ([Гырдев 1991:36]).

В. Донев делает попытку понять героев Астафьева как изображение современного человека: «Астафьев фиксирует полное моральное и психологическое разрушение современного человека, вытекающее из его эгоистичных и самоуничижительных действий, наносящих ущерб природе, и конструирует его в самой важной главе романа “Царь-рыба”. Игнатий не может победить Царь-рыбу, несмотря на его исключительное мастерство охотника, потому что он дистанцировался от естественного, что подрывает основы морали» ([Донев 2011:90]).

И. Вылков обращается к повести Белова «Привычное дело», размышляя о неоднозначности образа Ивана Африкановича, главного героя, пьяницы, губящего жену, но при этом способного глубоко чувствовать

и вызывающего сочувствие читателя ([Вылков 1989]). Как одну из национальных черт Вылков рассматривает близость русского человека к природе, которая помогает Ивану Африкановичу разобраться в себе: «Ветрено, так ветрено на опустелой душе. Уже поредели, стали прозрачнее расцвеченные умирающей листвой леса, гулкие проталины стали шире, затихло птичье многоголосье» ([Белов 2007:121]). Донеv отмечает, что автору важно показать, что происходило в душе главного героя после его отъезда с родной земли в бессмысленном поиске работы в дальних северных частях России, после чего герой окончательно теряет связь «с корнями» ([Донеv 2011:92]).

Р. Евтимова как проявление национальной специфики рассматривает сплоченность русского народа. По ее мнению, именно такое понимание русского народа развивает во многих своих произведениях Распутин. Отчужденность и разобщенность героев в трудные моменты часто толкает их на совершение необратимых поступков: «Распутин ищет объяснение людским поступкам, разбирая механизм отчуждения и разобщения, <...> который в пору испытаний ломает слабые характеры и толкает их на путь предательства» ([Евтимова 1987:29]). Исследователь отмечает, что в повести «Пожар» автор изображает личность в контексте исторического процесса. Распутина интересует не столько судьба отдельного человека, сколько поведение и позиция человеческого общества в целом. Воплощением этой идеи является герой «Пожара» Иван Петрович, который при пожаре не заботится о своем благополучии, а переживает за жизнь всего поселка.

Гырдев также признает важнейшим для Распутина мотив человеческой разобщенности, который звучит уже в первой повести «Деньги для Марии», где противопоставлены две формы человеческой коммуникации: братство («человек человеку — брат») и разобщенность, ведущая к одиночеству ([Гырдев 1991:212]). В этой повести литературовед видит проявление цикличности взаимоотношений между людьми — дом Кузьмы (центр), деревня (наиболее близкий круг человеческих взаимоотношений), «выход

из деревни», путь из дома, где герой видит только страдание и в конечном итоге путь в неизвестность.

И. Мичева, анализируя композиционную структуру и язык рассказа Шукшина «Космос, нервная система и шмат сала», рассматривает особенности индивидуализации речи повествователя и героев: «Как в речи героев, так и в речи автора можно выделить много разговорных и просторечных слов. Например, *колупаться, вякать, лаяться, зашибить, шибко* <...>» ([Мичева 2001:74]). Примечательно название рассказа, где наряду с книжной лексикой («космос, нервная система» употребляются просторечные слова («шмат»)). Простота языка шукшинских героев свидетельствует о об их простодушии и открытости, а вовсе не об их необразованности.

Захариева пишет о типах героев, которые близки Шукшину, — детям, подростках, юношах (Шурке из рассказа «Сельские жители», Миньке Лютаеве из «Разыгрались же кони в поле» и др.); их объединяет стремление познать новое, тяга к знаниям, прямодушие ([Захариева 1982:10]). Захариева так же, как и Мичева, подчеркивает, что недостаток образования не портит героев.

Эту мысль продолжает И. Петров. Он констатирует, что у Шукшина часто можно встретить персонажей — деревенских жителей, у которых проявляется тяга к творчеству. Например, в рассказе «Артист Федор Грай» автор создает образ талантливого актера из сибирской деревни, который, имея собственные представления о задачах искусства, вступает в спор с профессиональным режиссером и умело отстаивает свою точку зрения ([Петров 1997:34]). Изображенное в рассказе «Стенька Разин» увлечение Васеки резьбой по дереву раскрывает истоки народного таланта.

Сопричастность чему-то прекрасному и жажда свободы — вот составляющие состояния, которое у героев Шукшина нередко определяется словом «праздник». Российские ученые не раз пытались объяснить эту потребность шукшинских героев в «празднике» как одно из органических

свойств национального характера; Г.А. Беляя, например, писала, что у Шукшина идея «праздника» «почти иррациональна, она неразложима на причины и следствия, не выведена в логически объяснимое состояние. Праздник — лучшее, что есть в человеческой душе <...>» ([Беляя 1983:111]). Болгарские исследователи осмысливают это явление этически; так, анализируя повесть «Калина красная», Д. Цветкова говорит о «празднике души» как форме проявления любви к ближнему: «...в русском человеке (даже и оказавшемся на социальном дне) неистребимо заложено в тайниках души стремление делать добро людям, порожденное неистощимой верой в гуманный потенциал человека» ([Цветкова 1984:11]).

И. Петров так же, как и Д. Цветкова, пишет о «празднике души» героя в «Калине красной», но рассматривает его иначе и подчеркивая, что для Егора Прокудина «праздник души» неразрывно связан с драматизмом жизни Петров ([Петров 1984:10]). Русский человек, по мнению Петрова, может находить радость в мелочах, но «праздник» требует определенной степени свободы, а город отнимает способность ощущать эту свободу в полной мере. Возможно, поэтому люди, долгое время находившиеся вне пределов деревенского мира, утрачивают понимание чего-то важного, без чего «праздник» невозможен. Например, Игнатий Байкалов, герой рассказа «Игнаха приехал», после жизни в городе утратил это умение «создавать праздник». Игнатий, работавший в цирке, привез подарки родным, которые встретили его с большой радостью, но старик Байкалов не разделяет этой радости, он замечает в сыне значительные перемены под влиянием городской жизни: «Праздника почему-то не получилось. А он давненько поджидал этого дня, думал, будет большой праздник. А сейчас сидел и не понимал: почему же не вышло праздника? Сын приехал какой-то не такой» ([Шукшин 1963:161]).

Многие болгарские литературоведы пишут о том, что «деревенщики» воплощали лучшие черты национального характера в женских образах. И. Петров, оценивая рассказ Шукшина «Сельские жители» как произведение,

где автор впервые раскрывается как «знарок народной психологии» ([Петров 1984:51]), говорит о бабке Меланье как примере женской мудрости. Центральное место отводится женским образам, по мнению И. Петрова, в сборнике «Беседы при ясной луне», куда «Шукшин включил несколько рассказов, смысловой доминантой которых становится понятие “материнское сердце”» ([Петров 1984:96]). Гырдев видит в изображении судьбы Настены, главной героини «Живи и помни», демонстрацию того, как в России на женщину ложится груз ответственности в принятии решения. Д. Цветкова считает образ Любви Байкаловой композиционным стержнем повести «Калина красная». Отчасти благодаря этому сильному женскому образу повесть поднялась на «высоту нравственно-философского раздумья о жизни, ее истинных и ложных ценностях», в противном случае «она могла бы стать и заурядной уголовной хроникой, и дешевой мелодрамой» ([Цветкова 1984:12]). Р. Евтимова подобным образом оценивает героинь произведений «Живи и помни» и «Последнего срока» ([Евтимова 1987]); К. Момчилов, анализируя рассказ «Наташа», утверждает, что, хотя каждый женский образ у Распутина уникален, все они имеют общие черты как образы русских людей ([Момчилов 2021]).

Размышляя о своеобразии поэтики «деревенской прозы», болгарские ученые сосредоточивают свое внимание на отдельных ее особенностях. К ним, в частности, относятся мифопоэтическая основа и символический характер образов природы, которые чаще всего трактуются учеными в фольклорном ключе.

Интерес к фольклорным истокам образов природы в «деревенской» прозе проявляет Р. Русев. Он выявляет функции фольклорных элементов в творчестве Распутина. Ученый полагает, что именно они помогают автору выразить эмоциональное состояние героев в повести «Деньги для Марии». В «Прощании с Матёрой» фольклорные образы становятся формой воплощения общечеловеческой проблематики. Наряду с мифологическими образами (например, затопление Матёры рассматривается

как трансформация мифа о всемирном потопе, очищающем землю) фольклорные элементы способствуют раскрытию «кризисного душевного состояния современного человеческого общества» ([Русев 2000:84]).

Из традиционных фольклорных символов исследователь выделяет образ ветра. Если в русских народных сказках и песнях ветер вступает во взаимодействие с человеком, то в повести «Деньги для Марии» ветер – источник дисгармонии в природе, напоминающий о дисгармонии в душе героя: «На улице ветер — все качается, стонет, гремит. Ветер дует автобусу в лоб, сквозь щели в окнах проникает внутрь. Автобус поворачивается к ветру боком, и стекла сразу начинают позванивать, в них бьет поднятыми с земли листьями и мелкими, как песок, невидимыми камешками» ([Распутин 2007, 1:17]).

Анализируя образы природных стихий в повести «Прощание с Матёрой», Русев обращается к жанрам и мотивам русского фольклора. Распутинский остров представляется трансформацией сказочного острова Буяна, а «царский листвень» трансформацией волшебного сказочного дуба, который не раз выручал героев русских и славянских сказок ([Русев 2000:86]). В основу повести, считает Русев, положено сказание об острове Буяне и семи старцах, которые обитают около священного дуба.

Ученый обращает внимание на антропоморфную природу описаний в «Прощании с Матёрой», способствующих, например, созданию символического образа дождя, словно охраняющего Матеру: «Дождь то примолкал, переходя на мутное, как пыльное, стоящее в намокшем воздухе, морошение, то припускал опять, с новой силой принимаясь хлестать землю» ([Русев 2000:92]).

Гырдев рассматривает «Прощание с Матёрой» в мифопоэтическом аспекте. Трактую гибель Матёры как «мифологему» Вселенского потопа, ученый отмечает, что автор преднамеренно положил в основу сюжета историю жизни острова, так как «и земля, и вода — первичные материи (*materia prima*). И их союз — начало жизни во Вселенной» ([Гырдев

1997:267]). Второй миф, положенный в основу повести, — миф о мировом дереве. В центре мира находится мифическое дерево, которое предстает как символ бытия: «дерево жизни», «дерево плодородия», «дерево познания», «мистическое дерево». «Царский лиственень» является «символом бессмертия — высшего смысла мироздания» и при этом образует с березой «"семейную пару": он могучий и грозный супруг, а она нежная и испуганная супруга, всегда на расстоянии шага от него» ([Там же]): «А неподалеку, метрах в двадцати ближе к Ангаре, стояла береза, все еще зеленеющая, дающая листву, но уже старая и смертная. Лишь она решилась когда-то подняться рядом с грозным "царским лиственем". И он помиловал ее, не сжил. Быть может, корни их под землей и сходились, знали согласие, но здесь, на виду, он, казалось, выносил случайную, заблудшую березу только из великой и капризной своей милости» ([Распутин 2007, 2:150]).

«Царский лиственень», как считает Гырдев, является связующим звеном между миром Бога и миром человека. Дерево как символ, в понимании исследователя, становится хранителем основ «старой» праведной жизни. Представители «новой» жизни отказываются почитать это священное дерево, а значит, теряют способность верить ([Гырдев 1997:271]). Для Дарьи это дерево становится посредником между ее верой и Богом: «И ушла из деревни. И где она была полный день, не помнила. Помнила только, что все шла и шла, не опинаясь, откуда брались и силы <...>. Под вечер приплывший Павел нашел ее совсем рядом, возле "царского лиственя". Дарья сидела на земле и, уставившись в сторону деревни, смотрела, как сносит с острова последние дымы» ([Распутин 2007, 2:162-163]).

В картине уничтожения «царского лиственя» Гырдев видит фольклорную основу и соотносит эту сцену с архетипической ситуацией сказочных сражений чудовища с богатырем ([Гырдев 1997:271]).

Р. Русев также обнаруживает связь символического образа дерева с жизнью героев Распутина. Многие отечественные и зарубежные исследователи писали об этом, но Русев предлагает собственный взгляд —

метафора «человек-дерево» ([Русев 2000: 115]). В качестве примера он приводит образ Анны из «Последнего срока», которая сравнивается автором с деревом: «А старуха жила не хитро: рожала, работала, ненадолго падала перед новым днем в постель, снова вскакивала, старела — и все это там же, где родилась, никуда не отлучаясь, как дерево в лесу» ([Распутин 1971:218]). А в «Прощании с Матёрой», по мысли исследователя, авторская позиция выражается через внутренний монолог Дарьи. Она размышляет о ненужности дальнейшего существования и сравнивает жизнь человека с жизнью дерева: «И кажется Дарье: нет ничего несправедливей в свете, когда что-то, будь то дерево или человек, доживает до бесполезности, до того, что становится оно в тягость; что из многих и многих грехов, отпущенных миру для измоленья и искупленья, этот грех неподъемен. Дерево еще туда-сюда, оно упадет, сгниет и пойдет земле на удобрение. А человек? Годится ли он хоть для этого?» ([Распутин 2007, 2:35]).

Главное у Распутина, по мнению Русева, — это «динамика природных стихий, постоянная, достаточно стремительная смена пейзажных фонов и состояний» ([Русев 2000:141]). Не случайно писатель изображает, как правило, переходные состояния в жизни природы: «перелом» между летом и зимой («Последний срок»), осенью и зимой («Деньги для Марии»), зимой и весной («Живи и помни»).

В повести «Последний срок», к примеру, Распутин раскрывает свою позицию с помощью пейзажных образов, описывая переходное состояние природы — конец лета и начало осени: «Пошел сентябрь, но осенью еще и не пахло, даже картофельная ботва в огородах была зеленой, а в лесу только кое-где виднелись коричневые подпалины, будто прихватило солнцем в жаркий день. В последние годы лето и осень как бы поменялись местами: в июне, в июле льют дожди, а потом до самого Покрова стоит красное ведро, которое и хорошо, что ведро, да плохо, что не в свое время» ([Распутин: В 4 тт., 4, 2007:15]). А «Прощании с Матёрой» наступление весны Распутин трактует как неотъемлемую часть жизни острова: «И опять наступила весна,

своя в своем нескончаемом ряду, но последняя для Матеры, для острова и деревни, носящих одно название. Опять с грохотом и страстью пронесло лед, нагромоздив на берега торосы, и Ангара освобожденно открылась, вытянувшись в могучую сверкающую течь» ([Распутин 2007, 2:4]).

Донев отмечает, что в «Прощании с Матёрой» ставится проблема человеческой личности и индивидуалистического начала в человеке. В центре внимания Распутина «амбиции советского человека, который ощущает разрыв связи с его “малой” родиной, оторванность от памяти поколений, морали и веры» ([Донев 2011: 92]). Герой Андрей, как и, например, Гога Герцев, ставит свои личные интересы выше других людей, при этом считая возможным уничтожение своей родной Матёры, потому что, как ему кажется, это принесет пользу людям. Донев констатирует, что «моральная и гуманная мотивация к действию обнаруживает всемирную пустоту, созданную прерванной памятью о поколениях, традициях и духовных корнях в человеке. Проникнув в сердце русской души, с сильной пластичностью повествователя и глубокой психологией образа, Распутин разворачивает центральную тему творчества <...> судьбу русского человека в социалистической реальности» ([Донев 2011: 92]).

Совсем иначе понимает художественное значение природных образов И. Петров, анализируя произведения Шукшина. В раннем творчестве Шукшина пейзажи не имеют символического характера. Петров отчасти соглашается с мнением И.П. Золотусского, считавшего, что Шукшин «редко, очень редко пишет пейзаж. Разве в воспоминаниях героя мелькнет детство, поле, бег коня по полю и ветер, срезающий дыхание, бьющий наотмашь по лицу» ([Золотусский 1975:12]). Но болгарский исследователь не может безоговорочно принять это суждение, полагая, что если в первом рассказе, «Двое на телеге», пейзаж Шукшина не имеет сюжетного значения, то в сборнике «Сельские жители» он помогает передать душевное состояние героев. Например, по мысли Петрова, без пейзажных описаний невозможно понять главного героя Леньку из одноименного рассказа. А в рассказе

«Солнце, старик и девушка» образы природы играют сюжетобразующую роль: «Солнце коснулось вершин Алтая и стало медленно погружаться в далекий синий мир. И чем глубже оно уходило, тем отчетливее рисовались горы. Они как будто придвинулись. И надвигалась от гор задумчивая мягкая тень. Потом солнце совсем скрылось за острым хребтом Бубурхана и тотчас оттуда вылетел в зеленоватое небо стремительный ветер ярко-рыжих лучей» ([Шукшин 1963:196]).

Г. Гырдев, называя природу в произведениях Астафьева «воплощением утонченной гармонии красоты и мудрости» ([Гырдев 1991:32]), показывает, что мифопоэтический потенциал образов природы помогает писателю выразить мысль о разрушении гармонии в человеке и, как следствие, о его нравственном оскудении. Исследователь считает, что Астафьев не случайно вводит в повествование образы жителей Севера, которые с древних времен занимались рыболовством, ведь именно природа Севера закалила человека, сделала его «гордым и сильным, развила в нем вольный, ничем не стесненный дух» ([Гырдев 1991:34]). Эта мысль очень важна в контексте рассуждений болгарского ученого, хотя она, безусловно, не нова и неоднократно звучала в работах российских литературоведов.

Гырдев опирается на опыт российских коллег и когда использует понятие «природный человек», говоря об Акиме, тонко чувствующем красоту и гармонию природы. При этом исследователь отмечает, что герой не является воплощением авторского идеала. Об этом писали и отечественные исследователи Э.Г. Морозова и В.П. Попов, пытаясь найти причины того, почему герой все-таки не является воплощением авторских представлений об идеальном герое: «<...> он в известной мере изображен вне социально-психологического, общественного и интеллектуального климата современности, от которой он изрядно поотстал» ([Морозова, Попов 1977:35]). Болгарский литературовед отмечает, что Аким не является воплощением авторского идеала вовсе по другой причине: герой стал

потребителем природы, Аким предпочитает «братъ», не отдавая ничего взамен, постепенно утрачивая связь с родовым началом.

Связь с корнями, с истоками формирования национальной парадигмы болгарские литературоведы находят в героях Шукшина. Не случайно, характеризуя проблематику его повестей, они пытаются рассматривать ее через призму фольклорных образов. Безусловный интерес представляет предложенная И. Петровым интерпретация неоконченной повести Шукшина «До третьих петухов». Петров считает, что в жанровом отношении повесть-сказка «До третьих петухов» восходит к традициям русской бытовой новеллистической сказки: «Как и в новеллистической сказке, в ней нет вставных эпизодов. Установка на вымысел имеет бытовую основу и легко соотносится с действительностью» ([Петров 1997:137]).

Подробно ученый останавливается на образе Ивана-дурака, подчеркивая его эволюцию в произведении Шукшина и показывая, как Шукшин разрушает фольклорный стереотип, изображая изменение личности героя, противостоящего обстоятельствам. И. Петров говорит об иронии как важном для Шукшина художественном приеме, что отразилось и в образе Змея-Горыныча, и в образах персонажей классической русской литературы, введенных в сюжет повести (Онегина, Ленского, Бедной Лизы, Акакия Акакиевича и др.). А в основу сюжета «Калины красной», по мнению И. Петрова, положена «библейская притча о блудном сыне с той лишь разницей, что попытка Егора вернуться в родной дом заслужена ценой жизни» ([Петров 1997:151]).

Д. Цветкова, анализируя «повесть-сказку» «Точка зрения», выделяет традиционные фольклорные компоненты: «Для всего строя произведения характерна фольклорная “трехмерность” ситуаций: конфликт два раза разрешен по-разному, чтобы достичь третьего, усредненно-возможного варианта развития действия с определенной художественной целью» ([Цветкова 1984:14]).

Размышляя о своеобразии поэтики «деревенской прозы», болгарские ученые большое внимание уделяют типологии ее героев. Во многом типологию героев болгарские ученые трактуют в собственном ключе.

Например, в российской литературоведческой науке герои «деревенской прозы» нередко рассматриваются в контексте литературных традиций. Так, С.Г. Семенова считает, что Распутин продолжает галерею «человеческих» типов в русской литературе: «Не так часто писателю удается создать свой, отмеченный уникальной художественной печатью человеческий тип <...>. Этот созданный тип и сам творец встают затем во взаимно узнаваемые отношения: гоголевский “маленький человек”, тургеневские женщины-дворянки, лесковские праведники, некрасовские крестьянки, “подпольный” тип Достоевского, платоновские странники и правдоискатели, шукшинские чудачки...И вот: распутинские старухи» ([Семенова 1987: 50]). Г.А. Белая приводит примеры героев, в образах которых, по её мнению, воплощены черты доминирующего в творчестве «деревенщиков» типа: «В советской литературе 60-70-х годов появился особого типа герой — человек, отмеченный высоко развитым чувством личности и столь же органической причастностью к общей жизни. <...> Таков Иван Африканович в "Привычном деле" В. Белова, старуха Дарья в "Прощании с Матёрой" В. Распутина, бабушка Катерина в "Последнем поклоне" В. Астафьева и многие другие герои» ([Белая 1983:7]).

Русев, классифицируя персонажей Распутина, сопоставляет их не с сложившимися в литературной традиции типами, а с психотипами, утверждая, например, что главные герои Распутина – интроверты: «Они редко вступают в открытую конфронтацию и конфликты друг с другом. Противоречия и острые их страсти целиком остаются внутри них самих, в орбите их индивидуального сознания» ([Русев 2000:153]). Как исключение рассматриваются герои повести «Пожар».

Говоря о типических героях Распутина, Русев вводит понятие «промежуточного» героя, находящегося между двух полюсов, прежде всего

между деревней и городом (Люся, Варвара, Илья, Татьяна из «Последнего срока», Павел из «Прощания с Матёрой»), и противопоставляет «мечущихся» героев старикам, которые на первый взгляд кажутся «застывшими образами», но в которых кроется огромная внутренняя сила: «Очевидно, что у Распутина статика, неподвижность наибольшим образом проявляются как знак постоянства, устойчивости постоянных человеческих ценностей и норм, носителем которых в его творчестве обычно выступает поколение стариков» ([Русев 2000:120]).

Термины «промежуточность», «промежуточный» герой часто используются и русскими литературоведами, говорящими о Распутине, но в другом смысле. Е.К. Гапон, например, к «промежуточным» героям относит персонажей, которым не хватает воли для принятия решения или для совершения поступка: «Итак, Поздняков — промежуточный тип личности — еще не пропитан разрушающим отчаянием, но его доброты оказывается недостаточно, чтобы противостоять разрушающему началу. Он, с одной стороны, полон созидающей энергии, рядом с ним другой человек способен обрести покой, а с другой, Сеня не может отстоять ни себя, ни доверившихся ему людей. В этом и заключается трагедия Сени Позднякова и подобных ему людей» ([Гапон 2005: 17]).

О психологических доминантах героев Распутина рассуждает и Гырдев, который подробно останавливается на проблеме «пограничной ситуации». Герои Распутина, по Гырдеву, находятся в процессе самоопределения: «...будет или не будет любовь и уважение среди людей, будет или не будет мудрость и спокойствие, память прошлого и надежда на будущее, то есть будет или нет мировая гармония» ([Гырдев 1997:211]). Под «пограничными ситуациями» исследователь понимает также психологические испытания, которые выпадают на долю героев и раскрывают их безграничную веру, надежду, отчаяние.

Финал повести «Деньги для Марии» исследователь тоже относит к «пограничной ситуации», трактовка которой расширяется до ситуации

выбора, где ответственность за принятие решений возлагается на самого героя. Положение Кузьмы в «пограничной ситуации» поддерживает эмоциональное напряжение — «человеческая личность может выбрать, как вести себя, но не может изменить обстоятельства» ([Гърдев 1997:214]).

При этом многие исследователи пытаются разграничить в характерах героев типическое и индивидуальное. Два типа характеров выделяет в повести Белова «Плотницкие рассказы» Вылков: тип Смолина и тип Козонкова. Олеша Смолин — тип труженика, а Авинер Козонков — один из тех, кто был нужен власти для поиска так называемых «врагов»: он активно пишет доносы, потому что не хочет работать на благо народа. «Автор красноречиво показывает роль среды и семейных традиций в формировании человеческого характера» ([Вылков 1989:38]).

Петров выделяет в сборнике Шукшина «Характеры» тип героя, у которого «неладно на душе» ([Петров 1997:64]). Таким героем, к примеру, становится Тимофей Худяков из рассказа «Билетик на второй сеанс». Герой не только бездарно растрчивает годы своей жизни, но и сам приходит к осознанию этого: «Вертелся всю жизнь, ловчил, дом крестовый рубил, всю жизнь всякими правдами и неправдами доставал то то, то это... <...> Прожил — как песню спел, а спел плохо. Жалко, песня-то была хорошая» ([Шукшин 1973:57]).

Многие болгарские литературоведы обращались к типу «чудика» в творчестве Шукшина. Например, Петров полагает, что «за этим словом у Шукшина скрывается целая философия жизни человека» ([Петров 1997:64]). В этом Петров согласен с Е.А. Вертлибом, утверждающим, что «правда времени, по Шукшину, наиболее выразительным образом живет в “дурачке”, в котором сошлись и гений, и талант, и мыслитель — душа <...>» ([Вертлиб 1992:224]).

Для Русева важно, что драма таких шукшинских героев заключается в их сверхчувствительности, «в гипертрофированной идеализации

действительности» ([Русев 2000:55]). Столкновения этих героев с реальностью приводят к их полной изоляции от внешнего мира.

И. Захариева, обращаясь к типу «чудика», которого не принимают ни в семье, ни в обществе, противопоставляет его типу «антигероя» ([Захариева 1982:5]). По мнению исследовательницы, художественной доминантой творчества Шукшина является поиск жизненного смысла, и лишь только «антигерои» писателя не способны его постичь.

Петров утверждает, что образ «чудика» у Шукшина намного многограннее: герои этого типа у писателя искренни, талантливы и безобидны по своей натуре. Болгарский ученый считает, что Шукшину удалось не только создать новый тип героя, но и воплотить в своих героях лучшие человеческие качества: «"Чудики" явились находкой писателя. К ним он постоянно возвращается <...>, их много, они разные. <...> Но при всем различии их объединяет прежде всего то, что бездушию и жестокости они противопоставляют свою доброту и человечность. В этом сильнее всего сказывается авторская позиция» ([Петров 1997:104]).

Характеризуя явление «деревенской прозы», болгарские исследователи делают попытки найти новые подходы к ее осмыслению, подчас расширяя ее границы по сравнению с тем, как принято понимать «деревенскую прозу» в российском литературоведении. Например, Г. Гырдев рассматривает в контексте «деревенской прозы» произведения Ч.Т. Айтматова, объясняя их проблематикой. Говоря о теме памяти, которая была одной из ведущих в творчестве «деревенщиков», Гырдев констатирует: «Если в произведениях М. Алексеева эта тенденция развития русской “деревенской” прозы только зарождается <...>, то творчество Ч. Айтматова доводит её до логического завершения в романе “И дольше века длится день” и особенно в “Плахе”» ([Гырдев 1995: 57]). «Стариков-праведников» у Ч. Айтматова (Момун из повести «Белый пароход») и М. Алексеева (Харламов из «Вишневого омота») Гырдев сравнивает с типом стариков у Распутина. Духовное начало, заложенное в образе Момуна, позволяет ему выступать в повести связующим

звеном между «старым» и «новым». Безграничная доброта Момуна, как и у стариков Распутина, становится, по мысли исследователя, критерием нравственности и гармонии в мире. Этот герой является «хранителем» памяти целого рода. Такая точка зрения обусловлена разными причинами, и прежде всего спецификой сложившейся инонациональной традиции отождествления русской и советской литератур. Другой литературовед, К. Топчиева, связывает такой подход с популярностью Айтматова среди болгарской аудитории и отмечает, что на момент издания ее книги (2001 год) книги автора выходили в Болгарии большими тиражами: «<...> из современных русскоязычных авторов он имеет больше всего изданий у нас с самыми большими тиражами <...>» ([Топчиева 2001:404]).

Хотя проза Айтматова давно и прочно ассоциируется с контекстом русской литературы, структурообразующую роль в ней играет иной национальный код. При отсутствии убедительной мотивации попытка соотнесения особенностей мифологических систем, восходящих к русскому и киргизскому эпосу, представляется не очень убедительной.

Итак, во многом солидаризуясь с русскими коллегами, болгарские русисты, однако, нередко трактуют некоторые традиционные аспекты по-своему. Оценивая рецепцию «деревенской прозы» в болгарской русистике, можно условно выделить три основных тенденции: первая тенденция связана с традиционным подходом к прочтению произведений российских авторов, вторая тенденция обусловлена стремлением предложить новые подходы к интерпретации прозы «деревенщиков», третья проявляется в стремлении расширить круг рассматриваемых авторов.

При анализе подходов становится очевидным, что Распутин и Шукшин – это два наиболее интересных для болгарских русистов писателя; в их творчестве видят синтез «национального» и «общечеловеческого».

2.2. Значение творчества В.Г. Распутина и В.М. Шукшина для болгарской культуры и переводы их произведений

В.Г. Распутин и В.М. Шукшин для болгарской культуры становятся культовыми авторами. Многие болгарские исследователи (И. Петров, К. Момчилов, Р. Русев) отмечают близость этих писателей болгарскому менталитету и замечают, что их творчество наиболее ярко отражает явления, происходящие и в болгарском обществе.

Крупный исследователь творчества Шукшина за рубежом Н.И. Стопченко замечает, что творчество писателя заинтересовало болгарских литературоведов и читателей намного раньше, чем это произошло в других странах, и было проанализировано намного глубже и основательнее (И. Цветковым, А. Свиленовым, И. Петровым, Д. Цветковой и др.): «Органично войдя в структуру болгарской демократической культуры, Шукшин приобрёл определенные “права гражданства” (Й. Радичков) на болгарской земле» ([Стопченко 2014: 103, 104]).

Ученый констатирует, что Шукшин — один из тех писателей, которые близки болгарскому народу идейно и духовно: «Популярность и славу Шукшина в Болгарии следует объяснить целостностью и масштабностью мышления художника, сумевшего поставить и, что не менее важно, ответить на актуальные вопросы нашего невероятно сложного времени, доверительно говорить болгарскому сердцу о простом и близком каждому» ([Стопченко 2014: 103]).

Болгарские исследователи во многом воспринимают творчество писателя как возможность глубже увидеть национальный мир России. «Художественный мир Шукшина — это мир жителей России, характерный своим национальным своеобразием», — так характеризует творчество писателя И. Петров ([Петров 1997:25]).

Характеризуя творчество Шукшина, Цонева предлагает следующую идею: «Шукшин-Россия-народ»: «Это триединство, связанное безоговорочным служением истине, прочно и неразделимо на протяжении всего жизненного и творческого пути писателя, в этом и загадка неповторимости и самобытности писателя» ([Цонева 1985:44]).

Р. Илчева выделяет два периода рецепции Шукшина в Болгарии, которые в первую очередь связаны с переводами его произведений на болгарский язык: 1959 – 1974 гг. и после 1975 г. Первый период, с точки зрения Илчевой, «проходит под знаком знакомства с самобытным автором», второй «ознаменован желанием проникнуть в творческую лабораторию писателя и создать переводы, достойные оригинала» ([Илчева 2001:385]). Отмечается, что переводы, вышедшие после смерти автора, в художественном плане более совершенны, чем те, которые публиковались ранее.

С такой периодизацией рецепции Шукшина согласен и Стопченко: «Восприятие и бытование Шукшина в Болгарии содержат на сегодняшний день богатую историю, имеющую, разумеется, периоды (1959-1974, 1975-1990, 1991-2014) разной степени интенсивности в издании и научно-критическом освоении его художественного наследия» ([Стопченко 2014:105]).

Еще при жизни Шукшина формируется круг переводчиков его текстов (Л. Минков, Л. Ацева, Б. Мисирков, К. Савов, Ив. Бояджиев, Е. Масларова, К. Витанова, Н. Тодоров и др.). Илчева, однако, признает, что не все переводы в полной мере передают замысел автора.

В 1959 году выходит первый перевод из Шукшина, «Двое на телеге» (переводчик С. Янкова), в журнале «Българо-съветска дружба» (№ 18). Илчева отмечает, что в заслуживающем внимания переводе все же были упущены некоторые важные черты речевой характеристики героев, особенно в большей степени это касается разговорных конструкций и «жаргонизмов», присущих языку Шукшина ([Илчева 2001:384]). Эти трудности были

преодолены уже при попытке второго перевода рассказа в 1981 году (переводчик Н. Кынцева), а лучшим был признан перевод 1982 года Л. Любенова.

«Калина красная», известная каждому болгарину-современнику Шукшина как «Калина алена», впервые выходит на болгарском языке в 1974 году в переводе К. Витанова («Киноизкуство», № 5). Первое издание киноповести, как вспоминает К. Момчилов, буквально было «украдено» читателями из Народной библиотеки в Софии, интерес к этой книге среди болгарской публики был колоссальный ([Момчилов 2021:130]). При этом, по замечанию Илчевой, первая редакция содержала много «буквализмов», что во многом усложнило понимание творческого замысла писателя; в дальнейшем эти проблемные места были устранены переводчиком в двух последующих редакциях (1976 и 1978) ([Илчева 2001:385]). В 1976 году перевод этого произведения предлагает также Л. Ацева (София, «Народна младеж»).

В 1976 году на болгарском языке напечатан сборник рассказов «В профиль и анфас» в переводе Л. Минковой (София: «Народна култура»). В 1981 году выходит первая часть романа «Любавины» в переводе К. Савова (София, Народна култура); вторая часть произведения, как известно, находилась в архиве автора и увидела свет на русском языке лишь в 1987 году, а полный перевод романа был представлен на болгарском через год, в 1988-м ([Илчева 2001:388]).

Исторический роман «Я пришел дать вам волю» был переведен опытным переводчиком Б. Мисирковым лишь в 1977 году, спустя шесть лет после первой публикации произведения в СССР. В 1982 году вышло второе издание романа (София, «Народна култура»). В 1988 году появляется сборник рассказов и повестей, также в переводе Б. Мисиркова, «Жил человек. Рассказы и повести» (София, «Партиздат»).

В конце 1970-х-1980-х Шукшина начали массово переиздавать. В 1978 году были переизданы его рассказы и повести: издательство «Народна

младеж» выпускает сборник «Киноповести и рассказы», куда вошла также «Калина красная». В 1980 году выходит второе издание сборника рассказов «Рассказы и повести» (София, «Народна младеж»). В 2021 издательство «Фама 1» переиздало «Калину красную», что дает возможность возродить интерес к творчеству автора, которого в советские годы знал почти каждый болгарский читатель.

Что касается публицистики Шукшина, то она появляется на болгарском языке также в 1980-х. В 1988-м, например, в Софии издана книга «Монолог на лестнице» в переводе В. Маринова.

К 1981 году на болгарский язык были переведены практически все произведения писателя [(Мисирков 1981: 32)].

Как мы можем отметить, уже в 1960-е годы в Болгарии заговорили о Шукшине как о талантливом писателе, при этом большое количество исследовательских работ появляется именно в 1970-е: статьи А. Свиленова, Д. Цветковой, Н. Милевой, И. Мичевой и др.

В 1997 году на русском языке в городе Шумен выходит упоминавшаяся нами выше монография И. Петрова «Проза Василия Шукшина. (Художественный мир писателя)», где подробно рассматриваются различные аспекты творчества: особенности творческой концепции, поэтика и тематика произведений, система персонажей.

Шукшин интересен болгарскому народу также как кинематографист, что отмечает Стопченко: «[О]бщественное мнение в 1960-е годы всё прочнее связывало его имя с миром кино. Именно тогда на болгарском экране демонстрировались ленты с актёрскими работами Шукшина – “Два Федора” М. Хуциева, “У озера” и “Журналист” С. Герасимова, авторские фильмы “Живет такой парень”, “Странные люди”. Не за горами триумфальный успех ожидал “Печки-лавочки” и “Калину красную”, а потом и его “лебединую песню” – роль солдата-бронбойщика Петра Лопахина в фильме С. Бондарчука “Они сражались за Родину”» [(Стопченко 2014: 106)].

Фильм «Калина красная» произвел большое впечатление на болгарскую публику, и впоследствии являлся визитной карточкой многих мероприятий. Кинокартина вышла в СССР в 1974-м, болгарской публике она стала доступна в этом же году на русском языке с субтитрами. Вдова писателя Л. Шукшина вспоминает, что ей выпала честь представлять этот фильм на болгарском кинофестивале в 1974 году. Произошло это за несколько дней до смерти автора. В 2010 году в интервью болгарской журналистке А. Нейковой Шукшина говорила: «Мой самый значительный визит в Болгарию связан с Международным кинофестивалем в Варне. В 1974 году нас пригласили представить “Калину Алену” в категории зарубежных фильмов. Помню, болгарская публика была потрясена кинокартиной “Калина Алена”. Я была здесь, когда с моим мужем Василием Шукшиным случилась трагедия»²⁰.

Некоторые произведения были поставлены на сценах болгарских театров: «До третьих петухов» (кафе-театр «София»), «Точка зрения» (учебный театр ВИТИЗ), пьеса «Энергичные люди» поставлена в Драматическом театре в городе Шумен, а в Сливенском драматическом театре – «А поутру они проснулись».

К середине 1990-х годов Шукшин «перестал быть ключевой фигурой болгарской критики» ([Илчева 2001:389]).

Новым этапом изучения творчества писателя стали 2000-е годы. За год до празднования 80-летия (2008) губернатор Шуменской области Тодор Тодоров посетил родные места автора, Алтайский край: «Среди достопримечательностей региона ему показали дом-музей Василия Шукшина в Сростках, где губернатора ожидал приятный сюрприз — афиша спектакля "Точка зрения" Шуменского драматического театра. Вернувшись в Болгарию, губернатор поддержал идею организовать научную

---

²⁰ И без да давам интервюта, зрителите ме обичат: Интервю с Л. Шукшина. <https://duma.bg/?go=news&p=detail&nodeId=7696>. Дата обращения: 13.01.2024.

конференцию, посвященную 80-летию Шукшина. Губернатор Алтайского края Александр Карлин помог доктору филологии, профессору Барнаульского университета Светлане Козловой принять участие в ее работе»²¹.

В юбилейный 2009 год в Болгарии снова заговорили о Шукшине. И. Вылов отмечает, что «к 80-летию со дня его рождения <...> на книжном рынке снова появились почти все его произведения»²².

В XXI веке Шукшин в Болгарии ассоциируется прежде всего с его главной кинокартиной, «Калиной красной». В 2006 году инициативная группа „Православна младеж“ инициировала показ этого фильма с последующим обсуждением сюжета и творчества писателя (ведущие дискуссии Невелина Попова и Димитър Спасов) ([Вылов 2011]).

К 90-летию со дня рождения автора (2019) киноповесть была поставлена в сатирическом театре имени Алеко Константинова в Софии. Прошла премьера спектакля по мотивам «театральной повести» «Энергичные люди» (режиссер Николай Ламбрев-Михайловский, перевод Бориса Спинова, сценография Чайки Петрушевой, музыка Добринна Векилова-Дони).

Самому Шукшину так и не удалось побывать в Болгарии, но со многими болгарскими деятелями культуры он познакомился, когда они приезжали в СССР. Например, И. Вылов вспоминает: «С Шукшиным я познакомился в первый день осени в Москве 1971 года. <...>. Он не скрывал своего приятного удивления, когда я сказал ему, что я очень впечатлен его прозой и что у него много поклонников в Болгарии <...> В моей памяти сильно врезалось воспоминание о нашей последней встрече — в июне 1974 года, когда уже снимался эпический фильм “Они сражались за Родину” по одноименному произведению Михаила Шолохова...» ([Вылов 2011]).

---

²¹ В Болгарии Шукшина любят по-прежнему // Известия, 2009, 31 июля.

²² Там же.

Говоря о восприятии творчества Шукшина в Болгарии, Д. Цветкова констатирует, что Шукшин на протяжении многих лет оставался самым читаемым писателем: «Показателен тот факт, что через год-два после смерти писателя рецензии, монографии, литературные портреты — вообще вся критическая литература о Шукшине по объему была в два раза больше, чем написанное им самим за целых пятнадцать лет» ([Цветкова 1984:10]).

***

В. Распутин появляется в поле зрения болгарского профессионального читателя, как и Шукшин, в 1970-е гг. Болгарский публицист, поэт и редактор газеты «За буквите» И. Пехливанов сравнивает значимость автора для болгарской культуры с Достоевским: «В книжных магазинах последние русские издания рассказов Валентина Распутина — хотя они уже напечатаны тиражом 5000 экземпляров — ставятся рядом с романами провидца Достоевского» ([Пехливанов 2015]). Произведения писателя переводились действительно молниеносно. Впервые на болгарском Распутин появился в 1974 году: были переведены повесть «Деньги для Марии» («Съвременник», № 1) и рассказ «Уроки французского» («Пламяк», № 1). В 1975-м в Болгарии была опубликована повесть «Живи и помни»; в 1976 году вышла книга, в которую были включены упомянутая повесть и «Последний срок». Спустя два года, в 1978-м, выпущены «Повести и рассказы» и пьеса «Последний срок» (по мотивам одноименной повести), пьеса была поставлена на болгарском языке в театре в Софии, а потом и в других городах ([Румянцев 2016:26]). В этом же году болгарский зритель увидел несколько театральных постановок по мотивам «Живи и помни».

В 1980-е годы активно переиздаются многие произведения. Близкий друг писателя поэт А.Г. Румянцев отмечает, что Распутин был настолько интересен болгарским переводчикам, что двухтомник его произведений выходит сначала в Болгарии (1983), а уже потом в СССР (1984): «Вначале восьмидесятых с публикацией произведений сибиряка в зарубежной стране

произошел вообще редкий случай: в издательстве “Народная культура” вышел его двухтомник – на год раньше, чем на родине, в “Молодой гвардии”!» ([Румянцев 2016:28]). Составителем сборника стала переводчица многих произведений автора В. Сарандева.

Лучшие переводчики Болгарии, а в будущем близкие друзья Распутина, считали своим долгом перевести его на болгарский: «Нужно поименно назвать друзей сибиряка, открывших для болгарского читателя мир его творчества. Повесть “Деньги для Марии” перевел на родной язык Тодор Грибнев, “Последний срок”, “Вниз и вверх по течению” и почти все рассказы последующих двадцати лет – Весела Сарандева, “Живи и помни” — Борис Мисирков, “Прощание с Матерой” — Катя Койчева, “Пожар” — Пенка Кынева, публицистику – Елена Банова. Книги Распутина выходили в самых крупных издательствах болгарской столицы с регулярностью в два-три года» ([Румянцев 2016:28]).

Критические работы о творчестве Распутина стали появляться уже в 1980-е (например, статьи Р. Евтимовой «Нравственные императивы Распутина», Р. Балтова «Уроци по... човечност. Размисли върху разказа на Валентин Распутин “Уроци по френски”»). В 1997 г. вышла книга Г. Гырдева «Литература въпреки модела (Михаил Алексеев, Чингиз Айтматов, Валентин Распутин)».

Что касается публицистики писателя и ее появления за рубежом в целом, то, по свидетельству самого Распутина, сборник его статей был впервые издан именно в Болгарии: «В ноябре 1994 г. Валентин Распутин приехал в Болгарию по приглашению Союза болгарских писателей. Поводом стало издание на болгарском языке сборника его публицистики. “Впервые моя публицистика издается за рубежом, книжка небольшая, но очень ценная для меня”, – отметил писатель» ([Решетникова 2017]).

2000-е годы стали новым подъемом изучения творчества писателя. В 2000-м в Софии выходит монография Р. Русева «С маска и няколко лица (Валентин Распутин и руската “селска проза”», обсуждавшаяся нами выше.

В год 80-летия Распутина (2017) в Болгарии прошли дни его памяти, организованные лично знавшей писателя Станкой Шоповой, председателем Фонда «Устойчивое развитие Болгарии» и издателем книги Распутина «Россия: дни и времена»²³.

Распутин очень любил Болгарию, был знаком с ее культурой и неоднократно бывал здесь, «встречался с болгарской общественностью, вел переговоры с руководством Союза болгарских писателей, дал многочисленные интервью самым разным изданиям, выступал с лекциями, посетил красивейшие болгарские города: Ловеч, Велико Тырново, Котел, Жеравну, Бургас, Созополь» ([Решетникова 2018: 21]).

Впервые в Болгарию Распутин приехал в 1967 году как член советско-болгарского клуба; в 1985–1986 гг. вместе с В. Астафьевым, Б. Окуджавой, В. Соколовым, И. Драчом, С. Алексиевич Распутин принимал участие в Днях «Литературной газеты» в Болгарии.

Как вспоминает К. Момчилов, Распутин часто присутствовал на дружеских встречах с болгарскими писателями. В июле 1977 года такая встреча проходила в салоне Союза болгарских писателей; в мае 1986 – в Национальном дворце культуры. Устраивались встречи и с артистами театров (Национальный театр Ивана Вазова в Софии, театр «София», театр в Варне «Стоян Бычваров», где ставились многие произведения автора, в их числе «Прощание с Матерой», «Живи и помни») ([Момчилов 1975]).

Момчилов, лично знавший Распутина, виделся с ним в Москве и в Болгарии, переписывался. В 2001-м болгарский писатель, яркий представитель «болгарской деревенской прозы» Николай Хаитов (1919–2002) передал экземпляр своего сборника рассказов «Листья граба», вышедшего в Болгарии на русском языке в издательстве «София-пресс» в 2001 году, лично для Распутина через Момчилова со своим автографом

---

²³ Валентина Распутина вспоминают в Болгарии. <https://gvardiya.ru/pub/news/valentina-rasputina-vspominayut-v-bolgarii>. Дата публикации: 03.04.2017. Дата доступа: 06.05.2023.

Распутин в письме к Момчилову поблагодарил Хаитова за книгу, назвав его «блестящим болгарским писателем» ([Момчилов 2021:178-179]).

Распутина часто приглашали на один из самых значимых праздников Болгарии — День славянской письменности и культуры. Не всегда у писателя была возможность присутствовать лично, но он всегда помнил о важных для болгарского народа датах; Румянцев приводит поздравление, отправленное Распутиным читателям болгарской газеты в мае 1989 года из Киева «с уверенностью в нашей славянской соединенности» ([Румянцев 2017]).

Как вспоминает Пехливанов, «[в] последние годы между сибирским художником и Болгарией возникла особая внутренняя близость. <...> Валентин Распутин приехал в Перуштицу вместе с Виктором Астафьевым, когда, благодаря министру Георгию Йорданову, они оба провели месяц в Доме творчества писателей в Хисаре» ([Пехливанов 2015]).

Лучезар Еленков, болгарский поэт и публицист, с которым у писателя сложились теплые взаимоотношения, передал Румянцеву неопубликованное интервью с Распутиным, взятое 20 февраля 1990 года ([Распутин 2017]).

В интервью Еленков и Распутин обсудили пути развития русской и болгарской литератур, их близость, единый культурный код, поговорили не только о русской «деревенской прозе», но и о болгарской прозе. Распутин отмечает многих болгарских писателей, творчество которых он хорошо знал: «Кто из нас не читал Ивана Вазова, Димитра Димова, Димитра Талева, Ивайло Петрова... Наши литературы шли параллельно путями общих творческих и душевных интересов. Мы во многом смотрели на происходящее в жизни одинаковыми глазами». Писатель отмечает духовную близость двух народов: «В русском характере и в славянском в целом есть свои отличия, свои особые черты, которые отличают его от любого другого. В последнее время они всё больше стираются на общий манер, но живы еще и внимательному взгляду заметны. Славянин как бы вылепился из природы позднее и не успел потерять с нею связь, пуповина

между ним и окружающим боголепием не успела отвалиться. Поэтому славянин, как мне кажется, человек глубокого чувства. Он может падать в созерцательность, как в обморок, главный орган его существования – душа».

Важно отметить, что Распутин переписывался с переводчиками своих произведений. Например, опубликована переписка Распутина с В. Сарандевой:

«Дорогая Весела!

Ради письма к Вам я отыскал, как видите, праздничную бумагу и раскрыл новую ручку. Двухтомник я получил. Издан он очень хорошо – строго и солидно, и, если не читать его, то можно подумать, что это классик марксизма-ленинизма. Мне действительно очень нравится это издание, и не только потому, что оно впервые в двух книжках, но и потому, что, глядя на него, я впервые могу думать о себе как о серьезном человеке.

Спасибо, Весела! Это прежде всего Ваша заслуга, что получилось всё так удачно и хорошо».

Интерес болгарских ученых к русской «деревенской прозе» свидетельствует не только о ее востребованности в современной культурной ситуации, об универсальности ее проблематики, но и об огромном художественном потенциале русской литературы в целом, о духовном родстве русской и болгарской культур. А Распутин и Шукшин становятся для болгарской культуры писателями, близкими по мировоззрению.

Глава 3. Особенности восприятия „военной“, „городской“ прозы и творчества А.И. Солженицына

3.1. Русская проза о Великой Отечественной войне в Болгарии

Русская проза о Великой Отечественной войне занимает одно из центральных мест в русской литературе второй половины XX века: в годы Великой Отечественной войны, а также на протяжении нескольких десятилетий после ее окончания появлялись все новые художественные произведения о ней, в том числе существенно нового типа²⁴. В постсоветское время влияние прозы о Великой Отечественной войне сказывается на изображении исторически более поздних событий, что свидетельствует о востребованности осмысления этой прозы.²⁵

В болгарском национальном литературном процессе изображение Второй мировой по историческим причинам занимает гораздо более скромное место, что отразилось и на рецепции русской прозы такого типа. Чаще всего эта тема переплеталась с мотивами противостояния внутри болгарского общества, где левые силы боролись с монархо-фашистским режимом. Болгария до сентября 1944 года находилась под властью фашистской Германии. В 1939–1945 гг. литературная жизнь страны была весьма непростой: «ужесточалась политика властей по отношению к демократической и революционной литературе», что привело к «оппозиционному» ответу части писателей: «родилась» литература антифашистского Сопротивления, которая создавалась нелегально и распространялась в листовках в партизанских отрядах (Л. Стоянов, Г. Караславов, О. Василев, К. Велков, Н. Вапцаров и др) ([Злыднев 2001: 906]). Здесь можно вспомнить повесть о Народной армии Болгарии «Вторая рота» (1949) и посвященный партизанскому движению роман «Звезды над нами» (1966), Павла Вежинова, книгу рассказов Величко Нешкова

---

²⁴ См. об этом, например: [Буханцов 1998].

²⁵ См. об этом, например: [Аристов 2011]; [Маркова 2015] и др.

«Засада» (1956), сборник рассказов Веселина Андреева «Партизанские рассказы» (1963) и др.

Русская проза о войне в целом не стала для болгарского литературоведения таким масштабным и значимым явлением, как, например, «деревенская проза», однако целый ряд крупных исследователей обратился к ее изучению и своего читателя в Болгарии она все-таки обрела. Военная литература, которая издавалась в СССР с первых дней войны, стала доступна болгарскому народу несколько позднее, после октября 1944 года, когда были восстановлены связи с СССР. Следствием политических событий во второй половине 1940-1950-х гг. стала публикация переводов на болгарский язык произведений русской прозы о войне (М.А. Шолохов, И.Г. Эренбург, К.М. Симонов и др.). Первое о Великой Отечественной войне, что было переведено на болгарский язык, — главы из романа «Они сражались за Родину» Шолохова в переводе М. Марчевского (1945) (см. об этом, напр.: [Топчиева 2001: 367]). Издания «Судьбы человека» Шолохова достигли больших тиражей: «Проникновенный и волнующий рассказ Андрея Соколова о своей судьбе претерпел 9 изданий с 1957 по 1986 годы. Издания 1957, 1962, 1965 и 1975 годов – в переводе с русского Аси Спириной, 1970 – в переводе Атанаса Далчева, 1978, 1981 – вновь в переводе Аси Спириной. В 1986 году вышли сразу два издания, тираж (если в 1970 году 30100 экземпляров) – 85117 экземпляров» ([Федь 2022:37]).

Т.Н. Федь приводит отрывок из предисловия к изданию «Судьбы человека», написанного болгарским исследователем Стефаном Станчевым: «В образе Андрей Соколова обобщен русский человек, его национальный характер. Он такой: глубоко человечный, трудолюбивый и терпеливый, веселый и добродушный, но и храбрый и стойкий в испытаниях, возвышенный и великолепный в подвиге, яростный противник врага, восхитительный в своей любви к жизни и Родине» (цит. по: [Федь 2022:37]).

Илья Эренбург стал известен в Болгарии прежде всего как публицист (в 1945 году в Болгарии выходит перевод его военных репортажей «Путь

к Берлину»). Появляются и другие произведения документального типа: так, в 1946 году на болгарском языке выходит ленинградский дневник М. Алигер под заглавием «Почти три года». В 1945 году на болгарский переведена повесть В.С. Гроссмана «Народ бессмертен», затем появились переводы его произведений «Оборона Сталинграда» (1945) и «Это случилось в Сталинграде» (1946).

Первое прозаическое произведение К. Симонова выходит в Болгарии в 1949 году (был переведен роман «Дни и ночи»), но его поэзия становится известна болгарской публике раньше.

Симонов несколько раз бывал в Болгарии; впервые он посещает страну в 1944 году в качестве военного корреспондента. Во время этой поездки, как вспоминает Лиляна Стефанова (1929-2021), известная писательница, близкая подруга его четвертой жены Л. Ждановой, Симонов планировал выступить на поэтическом вечере: «Выяснилось, что сразу после приезда в Софию Константин Михайлович был приглашен на обед Димо Казасовым <...>. Они любезно предложили поэту организовать свое литературное утро в большом кинотеатре, где он мог бы читать свои стихи и, конечно же, “Жди меня”. Он согласился. Плакаты были расклеены. Об этом узнал маршал Бирюзов. А он в ярости:

— <...> Мы до сих пор воюем с Болгарией! Вы понимаете, воюем! А подполковник Советской армии утром любовные стихи читает! Представители наших союзников, иностранные журналисты в Софии! Вы забыли, что может случиться? Отменить!» ([Стефанова 2016: 257]).

Стефанова рассказывает, что Симонову все-таки удалось организовать поэтический вечер в Болгарии, но лишь в 1977 году: «Через тридцать три года после расклеенных плакатов, после скандального дела и приказа маршала Бирюзова, Константин Симонов впервые в Болгарии прочитал “Жди меня” в переполненном зале „Универсиады“. Повод для скандала обернулся для поэта триумфом» ([Стефанова 2016: 259]).

Большой интерес у болгарской публики вызвал роман Симонова «Живые и мертвые», первое издание которого вышло и в СССР, и в Болгарии в 1959 году. Впервые здесь возникают образы жертв сталинских репрессий, что не встречалось в ранее переведенных на болгарский произведениях русских авторов (например, образ генерала Серпилина) (см.: [Топчиева 2001: 250]). Два другие романа трилогии Симонова также вышли в переводе на болгарский: «Солдатами не рождаются» (Атанас Далчев, 1964) и «Последнее лето» (1971, перевод Ивана Жечева). В предисловии к переводу «Живых и мертвых» Симонов обращается к читателю: «Я очень рад, что перевод моей книги “Живые и мертвые” выходит в Болгарии. В этой книге описывается трагический для моей страны 1941 год, год, когда было допущено много ошибок, которые дорого нам стоили, и в то же время наш народ, наша партия, наша армия в тяжелейших условиях проявили высокий героизм и твердую волю побеждать. <...>. В сентябрьские дни 1944 года мне довелось побывать в Болгарии. Тогда я особенно остро почувствовал, что большое количество людей, большая часть болгарского народа, с самого первого дня горячо сочувствовали нашей борьбе с фашизмом. А потом я узнал, сколько хороших болгар на протяжении всей войны делали все, что было в их силах, чтобы помочь нашему общему делу — борьбе с фашизмом. Поэтому читателям моей книги не составит труда понять, как я рад, что теперь они будут читать на родном болгарском языке о подвиге нашего народа в тяжелом 1941 году» ([Симонов 1961:4]; перевод с болгарского на русский здесь наш).

В 2000-х в обстановке изменившихся вкусов и предпочтений в Болгарии сохраняется читательский интерес к Симонову. Например, Х. Хартомацидис отмечает, что Симонов и его роман «Живые и мертвые» является актуальным для читателя, и подчеркивает мастерство построения сюжета, который захватывает с первых страниц: «Читатель сильно заинтригован с самого начала. Темп повествования быстрый. Диалоги живые. Чтение увлекательное. Это богатая, эмоционально убедительная проза <...>

Симонов, безусловно, хороший психолог, знаток тонких нюансов человеческого поведения. Он сочетает это с талантом увлекательного рассказчика, умеющего заинтриговать читателя и заставить его задуматься» ([Хартомацидис 2012]. Литературовед обращает внимание на интересное развитие сюжетных линий и решение проблемы судьбы, которой зачастую правит случайность: «Абсолютная случайность человеческого выживания поражает. Герои умирают именно там, где, казалось бы, наиболее защищены, и как бы по команде, на сложных участках смерть обходит их стороной. Любой может умереть совершенно глупым образом и именно тогда, когда меньше всего этого ожидает. Нелепая смерть приходит как к рядовым, так и к командирам дивизий или военным корреспондентам» ([Там же]).

Как и российские исследователи, Хартомацидис отмечает проявляющееся в «Живых и мертвых» следование традиции Льва Толстого. Это влияние видится болгарскому ученому в панорамности изображения войны, в разветвленной образной системе, в том, что описание войны предполагает внимание к очень разным ее участникам, от рядового солдата до верховного командования; в чередовании картин войны и мира; в изображении скитаний героев и в их поиске смысла жизни.

В 1960-е – 1990-е гг. продолжают активно издаваться в Болгарии В.П. Астафьев, Ю.В. Бондарев, В.В. Быков, Б.Л. Васильев, В.С. Гроссман и другие, появляются посвященные им статьи и монографии болгарских ученых: И. Цветкова, А. Цоневой, Г. Пенчева, К. Топчиевой и др.

Т. Федь уделяет большое внимание переводу и популяризации в Болгарии творчества В.П. Астафьева. Его первая книга выходит в переводе на болгарский язык в 1968-м: это появившийся в серии «Библиотека рабочего» сборник «Конят с розова грива», который включает рассказы «Конь с розовой гривой», «Солдат и мать», «Руки жены» и «Захарка». В 1970-е, как сообщает исследовательница, начинается рост интереса к творчеству Астафьева, и в 1970 году выходит второй сборник рассказов, а в 1977-м — собрание сочинений в двух томах, куда вошли, например, роман

«Пастух и пастушка», повесть «Последний поклон», рассказы «Сашка Лебедев», «Пир после победы». В 1979 году издана книга «Царь-рыба», где напечатан одноименный роман и ряд других произведений: «Близ Золотой карги» «Рыбак Грохотало», «Летит черный пух», «Уха в Боганиде», «Поминки» и др. В 1994 году в Болгарии переведен роман В. Астафьева «Прокляты и убиты» (первая книга романа написана в 1990–1992 годах, вторая — в 1992–1994 годах).

Большими тиражами произведения Астафьева расходятся в 1960-е–1990-е годы.

В 1960-е гг. выходят в переводах на болгарский произведения Ю.В. Бондарева. Культовым для болгарского народа стал его роман «Батальоны просят огня» (переведен в 1961 году), а «Горячий снег» переиздавался в Болгарии четыре раза (перевод 1972 г.).

В.В. Быков («Третья ракета», «Альпийская баллада», «Фронтовые страницы») переводится на болгарский язык как с белорусского, так и с русского языков; в 1970-х болгарская публика знакомится с одной из самых известных его повестей — «Сотников» (1974). Топчиева отмечает, что тиражи произведений Быкова автора были солидными: «Сотников» вышел тиражом 10125 экземпляров, а повесть «Его батальон», например, — 8125 экземпляров.

Особенно активно переводил Быкова лично знакомый с ним болгарский писатель Найден Вылчев; последний переведенное им произведение Быкова (в 1996-1997 гг.) — «Полуби меня, солдатик». Быков, участвовавший в освобождении Болгарии) говорил о болгарях как о братском народе: «Благословенная страна Болгария с ее замечательным по своей доброте народом впервые явилась в мою судьбу в предпоследний год Великой войны, и в ту драматическую пору для солдатского сердца не было милее уголка в Европе. В памятный сентябрь сорок четвертого мы навеки разломали хлеб самой искренней дружбы и увидели, какую бездну добра вмещает в себе благородное сердце болгарина» (цит. по: [Вылчев 2003]).

Быков вспоминал, что Вылчев оказал влияние на популяризацию его творчества в Болгарии: «Во время пребывания Найдена Вылчева в Беларуси было договорено, что Болгарский союз писателей пригласит меня в гости. На то имелись все основания. Прежде всего — мою “Третью ракету” и “Альпийскую балладу” перевели на болгарский язык и издали в Пловдиве. <...>. Через неделю я уже ехал поездом из Москвы в Софию. Мне не терпелось увидеть страну моей пусть не очень счастливой молодости, и взглянуть на знакомые и милые для меня места. Ну и, конечно, хорошо погостить» ([Быков 2005:367]).

Вылчев отмечает, что Быков с достоверной точностью писал о военных действиях: «Он прошел все: грязь, снег, порох и кровь войны и стал одним из ее жестоких художников, он смотрел ей в глаза, он знал, что там, где была она, была смерть <...>» ([Вылчев 2003]).

В центре внимания болгарских исследователей находится проблема героического, центральная в русской прозе о войне, проблема выбора, тесно связанная с постановкой и решением проблемы гуманизма, и особенности художественного психологизма. Для болгарского читателя и исследователя была особенно важна фактическая и художественная достоверность произведений: неизменно подчеркивается, что обсуждаемые писатели были непосредственными участниками и свидетелями событий войны, и это вызывало и продолжает вызывать доверие к их героям. В 1980-е гг. на первый план выдвигается и проблема памяти.

Характеризуя восприятие русской прозы о войне в Болгарии, И. Цветков отмечает, что вокруг некоторых произведений, например, романов Симонова «Живые и мертвые» и «Солдатами не рождаются», велись многочисленные споры. Болгарская публика была поражена «новой правдой советского общества», изображением военных действий; болгарский народ увидели военные действия во всей их сложности и драматичности, неподдельной подлинности ([Цветков 1980:211]).

К. Топчиева отмечает, что «в изображении героического в советской прозе об Отечественной войне есть что-то полемическое не только с общим духом дегероизации литературы Запада, но и в самом понимании психологической сущности героического». Исследователь обращается к повести Симонова «Двадцать дней без войны», где автор рассуждает о природе героизма, о конфликте между страхом и решимостью, что раскрывается через образ главного героя военного корреспондента Василия Лопатина. Продолжая эту мысль, болгарский литературовед обращает внимание, что «в противовес модной на Западе теории об антигерое, советская “военная проза” создает галерею образов истинных героев, скромных и обыкновенных советских людей» (майор Звягинцев и старый работник Королев Чаковского; Степан Буков и Петр Рябинкин Кожевникова; молодые герои «Горящего снега» и лейтенант Княжко из романа «Берег» Бондарева) ([Топчиева 1977:80]).

Пишет об этом и И. Цветков, отмечая, что в романе «Дни и ночи» Симонову удалось создать настоящий образ героя, для которого судьба народа — это личная трагедия: события личной жизни (смерть жены, смерть сына на фронте и другие герой переживает всей душой, но при этом сохраняет лучшие качества, оставаясь настоящим патриотом). Писателю удалось показать масштабность событий на войне: война и тыл, Москва и фронт, штаб дивизии и санитарный отряд, окопы и кабинет Сталина ([Цветков 1980:212]).

Говоря о популярности авторов русской «военной» прозы в Болгарии, Топчиева обращается к творчеству А. Чаковского, который был любим болгарским читателем ([Топчиева 1977:120]). Еще в 1947 году на болгарский был переведен его роман «Это было в Ленинграде», а самый известный роман Чаковского, «Блокада» — в 1972-м. Исследователь публикует взятое ей интервью с писателем, где Чаковский, в частности, говорит о поездке в Болгарию и встречах со старыми друзьями и читателями: «Я как автор удовлетворен от интереса болгарского читателя к моему последнему роману.

Я сохраню в себе богатые впечатления от тесного общения с борющимся народом, которому так близки и своя история, и настоящее нашей страны» ([Топчиева 1977:120]). Чаковский Писатель рассказывает и о том, как он пишет: «Необходимо переработать огромный материал, чтобы поставить “Блокаду” на солидную документальную основу. <...> “Блокада” — опыт изображения событий в их целостности, взаимосвязи и развитии. Жанровые особенности романа, такие как многоплановое, широкое изображение войны отличают его от моего первого романа на эту же тему — “Это было в Ленинграде”» (с. 121).

В книге А. Цоневой «Записки по руска съветска литература» (Варна, 1985) рассматривается как творчество писателей, имена которых связываются обычно с «лейтенантской прозой» (Бондарева, Быкова), так и творчество «деревенщиков» (Распутина, Шукшина) и Айтматова. Наиболее подробно, однако, автор анализирует творчество Бондарева и Быкова²⁶ и говорит об объединяющем этих писателей гуманистическом пафосе. При этом утверждается, что советский гуманизм якобы не тождествен общечеловеческой нравственности, так как предполагает «соединение принципов идей коммунизма, долга, коллективизма, патриотизма» ([Цонева 1985: 8]). Читая такое, нужно все же обратить внимание, что болгарские ученые, повторяющие известные идеологические клише, все-таки, анализируя конкретные произведения, говорили весьма нередко о нравственности в ее традиционном понимании.

Воплощение гуманизма Цонева видит, например, в главном герое романа Бондарева «Берег» Никитине; этому герою свойственно «чувство вины перед чужой болью». Через дискуссию между писателем Никитиным и главным редактором издательства «Вебер» Дицманом Бондарев

---

²⁶ Для российской критики разговор о столь разных авторах в пределах одной книги является несколько необычным, но следует отметить, что болгарская наука зачастую сближает творчество таких русских писателей, между которыми российские исследователи чаще находят различия, нежели сходство.

утверждает идею «гуманности, доброты, доверия, честного поиска истины <...> не забывая о существовании двух идеологических берегов» ([Цонева 1985: 4]).

Тему памяти, в том числе и о войне, Цонева признает главной в творчестве Бондарева, и опирается при этом на прямые свидетельства самого писателя, который в одном из интервью говорил: «Для меня ясно одно: главные участники истории — это Люди и Время. Не забывать Время — это значит не забывать Людей, не забывать Людей — это значит не забывать Время» (цит. по: [Цонева 1985: 8]).

Цонева отмечает, что, переведенный на болгарский в 1982 г., роман «Берег», привлек как российскую, так и болгарскую публику изображением характеров и наличием не только военной проблематики: «роман раскрывает много общечеловеческих вопросов: смысл и цель жизни, страдание и смерть, любовь и ненависть, совесть и безнравственность» ([Цонева 1985:4]).

Цонева отмечает внимание Бондарева к обычным людям, оказывающимся перед экзистенциальным выбором. Среди удачно показанных человеческих типов критик называет сержанта Меженина и старшего лейтенанта Гранаутова, которые не могут освободиться от чувства мести; лейтенанта Княжко критик признает воплощением нравственного идеала автора.

Болгарский литературовед Г. Пенчев, анализируя «Выбор» отмечает, что здесь не только дано точное изображение войны, но есть и философская проблематика, это острый философско-нравственный спор о пути человека, о настоящих и лживых ценностях на этом пути. Исследователь вспоминает встречу с Бондаревым в Москве (декабрь 1981 года) и его роман «Выбор», вспоминает их диалог:

«— Юрий Васильевич, и все же когда же время главного выбора — во время войны или в другое время?

— Без военной части не было бы романа.

— Но ведь и после войны всегда существует проблема выбора?

– Роман не существовал бы без войны. По крайней мере я так думал, когда писал его. Если бы не было войны, не было бы и детства. Вообще мы выбираем свою судьбу в детстве.»

Пенчев, вспоминая диалог с Бондаревым, отмечает, что личная трагедия писателя стала основой сюжета романа, что раскрывается и во взаимоотношениях главного героя Васильева и его друга Ильи Рамзина: «И Бондарев рассказал о своем детстве в Замоскворечье, о друге, с которым они вместе гоняли голубей во дворе, как вместе учились, влюблялись, но война их разделила». Писатель добавил, что после окончания войны друзья больше никогда не встречались, но он везде думал о своем товарище и всегда «испытывал ощущение, что встретит его где-то». «Я не верил, что он мог погибнуть», — отметил Бондарев ([Пенчев 1989: 210, 209]).

Роман В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» появляется в Болгарии сначала в сокращении в конце 1980-х (полное издание только в 2009 году). И. Захариева, анализируя это произведение отмечает кинематографический прием, который использует писатель: «Сменяются одна за другой, как в кинематографе, сюжетно-описательные и эмоционально насыщенные небольшие главки, язык которых сохраняет дыхание разговорной, лично окрашенной речи гроссмановских героев и их создателя» ([Захариева 1991:12]). Литературовед пишет также об особенностях повествования, замечая, что «автор чередует частный и общий планы изложения, переходя от сжатой характеристики отдельного действующего лица и экскурсов в его прошлое к фиксации общего состояния узников. <...> В многочисленных диалогах проявляются остроумие и комизм, углубленность людских раздумий, наглядность ситуации и прочее. В подтексте разговоров часто угадывается затаенная драма, порожденная эпохой» ([Захариева 1991:4]). Захариева обращается, в частности, к вопросу о влиянии Л.Н. Толстого на Гроссмана. Как известно, распространена мысль о влиянии на роман Гроссмана «Войны и мира», в особенности на изображение семей. Сама Захариева склонна считать подобную идею «искусственной»: «Василий

Гроссман и тут остается верен своей художественной манере» ([Захариева 1991:15]). Толстовское влияние, однако, Захариевой предполагается в многогранности персонажей, в том, что Гроссман показывает «своих главных героев посредством массы комичных и странных черт», отказываясь от их идеализации, что делает их живыми. Так «заземляется», например, облик Виктора Павловича Штрума: «В одном предложении уместается информация о “смелой прямоте” Штрума и о том, что он пьет слабительное. Такие сочетания привычны для гроссмановских характеристик персонажей» ([Захариева 1991:16]).

Таким образом, болгарские литературоведы отводят особое место русской «военной» прозе именно в 1950-1980 годы в первую очередь потому, что это помогает расширить представления о русской литературе и конкретных событиях современной русской истории. К 1990-м годам, когда в Болгарии так же, как и в СССР, происходит смена политических ориентиров, «тема Отечественной войны вытесняется в большей степени темой сталинских репрессий, лагерей и др.» ([Захариева 1991:375]).

В настоящее время в связи с непростой политической обстановкой и всеобщей переоценкой ценностей представители русской «военной» прозы нечасто становятся объектом исследования болгарской науки, но все же в минимальном объеме присутствуют в программах подготовки студентов-филологов. Например, в Софийском университете Св. Климента Охридского в рамках курса «Военная поэзия и проза» изучаются Твардовский («Василий Теркин»), М. Шолохов («Судьба человека»), В. Гроссман («Жизнь и судьба») В. Астафьев («Прокляты и убиты»)).

3.2. «Болгарский период» в жизни Ю.В. Трифонова

В 1960-х – 1970-х годах в русской литературе возникает такое явление, как «городская» проза. Исследователи замечают, что произведения «городской прозы» — это в первую очередь «пласт литературы, в которой через подробнейший быт показано отступление человека от нравственных принципов нашего общества» ([Тевекелян 1982:279]). К русской «городской прозе» традиционно относят Ю.В. Трифонова, А.Г. Битова, В.С. Маканина, А.А. Кима. Ю. Трифонов считается самым известным ее представителем.

Тема города занимает важное место и в болгарской литературе. Российский литературовед З.И. Карцева, например, отмечает, что героев, изображенных в творчестве Ю.В. Трифонова и образы, воссозданные в произведениях болгарских писателей, которые обращались к проблематике этого явления (Г. Мишев, С. Стратиев, Б. Райнов, П. Вежинов и др.), сближает в большей степени нравственная проблематика, а мотив «разрушения человеческой личности», где герои лишены «нравственной и духовной опоры в жизни», становится одним из ведущих. Например, Мишев в своих повестях «Отдаление» (1973) и «Дачная зона» (1976) изображает героев, которые представляются «полукрестьянами-полугорожанами», они уезжают из села, и сохраняют «типично крестьянское, собственническое» представление о жизни ([Карцева 1982:211]). Главный герой повести «Отдаление» Дочо Булгуров, который, так же, как и, например, Лукьяновы из повести Трифонова «Обмен», всегда действует по принципу — получить то, что, как они считают, им положено: «Борись с жизнью, напирай. Если тебя выгонят из двери, лезь в окно» ([Мишев 1973:48]). Как отмечает Карцева, стремление к «полугородской» жизни, «мещанское» воспитание и «недоразвитость чувств» Дочо Булгурова и некоторых других героев этого романа — собирательный образ «болгарского обывателя» ([Карцева 1982:212]).

Другой болгарский писатель, С. Стратиев, в повести «Недолго светило солнце» («Солнце на миг», 1977) противопоставляет героя Сашку и антигероя Крумова: честный Сашко, нашедший на территории дачного участка Крумова скелет человека (как предполагает героиня, расстрелянный в годы фашистского террора) на предложение хозяина участка, который предлагает Сашке «забыть» эту историю во избежания проблем, произносит: «Все стало вашим. И восходы, и закаты, и воздух стал вашим... Поделили Болгарию на дачные участки, и она теперь ваша» ([Стратиев 1977: 68]). В конечном итоге честность и интеллигентность Сашки оборачивается трагедией: герой трагически погибает.

В повести Трифонова «Другая жизнь» Сергей Троицкий так и не смог «найти» свое место в жизни: герой много работает, пытается собрать материалы для написания книги «Москва в восемнадцатом году», но издать книгу так и не получается. Герой пытается найти себя в чем-то другом, но неуверенность в себе, жизненные обстоятельства так и не позволяют герою реализовать себя. Как отмечает З.И. Карцева, похожие события разворачиваются в социально-психологической повести болгарского писателя Б. Райнова «Черные лебеди» (1977). Балерина провинциального оперного театра Виолетта стала солисткой балета, к чему шла долгие годы, но страх, неуверенность в себе, отсутствие таланта не дают ей осуществить задуманное. Получив главную роль, она не смогла проявить себя на сцене, ей приходится долго и упорно работать, чтобы достичь высот, но все это не приносит удовлетворения.

Речь идет об интересе русских и болгарских авторов к современной проблематике, их художественные поиски шли в одном направлении, произведения переводились, контактные связи тоже были широкими. В период 1960-1980-х гг. творчество Трифонова было широко известно в Болгарии, так как сам автор не раз посещал эту страну, принимал активное участие в различных культурных мероприятиях, а большая часть произведений практически сразу переводилась. Интересно, что Трифонов приобрел известность в

Болгарии намного раньше, чем «городская проза» и в русской, и в болгарской литературе стала сформировавшимся явлением. Но его творчество изучалось, как правило, именно в контексте русской «городской прозы». Во вступительном слове к одному из интервью, которое было дано Трифоновым на кинофестивале в Варне в 1978 году, журналист В. Кинов отмечает, что писатель известен болгарской публике как автор «новой и прогрессивной» русской городской прозы ([Кинов, Узунова:1991:155]).

Самая первая повесть Трифонова, «Студенты», была переведена на болгарский спустя два года после её появления, в 1952 году, и напечатана в издательстве «Народна младеж». Творчество Трифонова в Болгарии активно популяризировал один из самых известных переводчиков, Венцел Райчев. В его переводах вышли несколько произведений писателя: роман «Старик» (журнал «Съвременник», №1, 1979, затем в 1981-м отдельным изданием в издательстве «Народна култура»), статья «Загадка и провидение Достоевского». в журнале «Факел» в № 5 (1984). В 1987 г. Райчев совместно В. Сарандевой переводят повесть «Дом на набережной». Через год, в 1988 г., они же работают над сборником произведений Трифонова, куда вошли «Дом на набережной», «Другая жизнь» и «Старик».

В переводе Р. Узуновой, также известной переводчицы, в 1977 г. появляется роман «Нетерпение». В 1980 г. печатается сборник «Городские повести», над которыми работала группа переводчиков: Л. Минкова, Б. Друмева и В. Сарандева.

В 1983 г. болгарская публика знакомится с повестью «Опрокинутый дом», а в 1986 г. Т. Ангелова представляет болгарскому народу перевод романа «Время и место». Одни из последних произведений Трифонова, которые выходят на болгарском языке, — документальная повесть «Отблеск костра» и незавершенный роман «Исчезновение» — появляются в переводе в 1990 г. в издательстве «Народна култура».

В 2000-х гг. интерес к творчеству Трифонова падает, читательская активность снижается, его книги не переиздаются, а некоторые

исследователи даже пишут, что Трифонов блестящий, но забытый писатель ([Райчев 2009]). «Забытым» автором он является и для болгарских студентов-филологов, так как в учебные программы основных университетов Болгарии в настоящее время изучение его произведений не включено. Однако болгарская русистика продолжает изучать творчество писателя, подчеркивая тесные связи Трифонова с Болгарией.

Знакомство Трифонова с Болгарией и болгарской культурой произошло в 1961 г. (командировка от «Литературной газеты»). В 1963 г. он побывал в Болгарии как турист со своей женой Нелей Нелиной, в 1967 г. вернулся на Балканы с дочерью Ольгой Тангян. Последняя поездка по болгарским городам была совершена за несколько лет до смерти, в 1978 г. ([Экштут 2014: 359]).

Трифонов был лично знаком со многими болгарскими писателями и деятелями культуры. Так, болгарский писатель и издатель Никола Радев учился в Москве в Литературном институте, хорошо знал писателя и, вероятнее всего, читал его в оригинале. В небольшом очерке Радев писал о популярности Трифонова в Болгарии, вспоминал о встрече с ним в 1978 г. на курорте Золотые пески: «Я познакомился с советским писателем Юрием Трифоновым много лет назад в Москве, уже тогда я был в восторге от его “городских” рассказов» ([Радев 2015]). При этом о случае, связанном с появлением повести «Студенты», Радев вспоминает явно с иронией: «В то время секретарем Союза болгарских писателей был Ангел Тодоров, человек очень важный и коммуникабельный, страстный поклонник официальных банкетов и деловых поездок. <...>. В Москве он посещает одно мероприятие за другим. Наконец, организаторы спрашивают его, есть ли желание вне программы. Да, есть! Он хочет встретиться с молодым писателем Юрием Трифоновым, автором повести “Студенты”».

Спустя годы появилась другая оценка этой повести. Георгий Марков отмечал, что манера традиционного соцреализма, в которой написана повесть, чужда зрелому Трифонову: «Он оттолкнул меня своим

возвышенным пафосом. <...> Даже интимно-трагические моменты были пропитаны пафосом соцреализма» ([Марков 2016:269]). О «Доме на набережной» (1975) Марков пишет: «На этот раз <...> Юрий Трифонов пытается отомстить себе и за себя. Как будто вся его новая повесть пронизана “громким и угнетающим криком”: “Хватит советской лжи! Правда другая!”» ([Марков 2016:270]). Марков свидетельствует, что герои и сюжетные коллизии повести оказывались хорошо понятны болгарским читателям, хорошо знакомым с аналогичными проявлениями лицемерия и понимавшим, какая пропасть разделяет народ и власть: «Юрий Трифонов очень уверенно и мастерски нарисовал мир Глебова — контраст двух миров в России. <...> Многие болгарские читатели отождествляли себя с Глебовым, когда, выстраиваясь в очередь, наблюдали, как проезжают черные Чайки <...> полные различных болгарско-советских партийных людей» ([Марков 2016:274]).

Болгарские исследователи ищут различные подходы к произведениям Трифонова. К примеру, социолог Т. Неделчева в книге «Град и власть» («Город и власть») (1991), где подробно анализируется советское общество, образ жизни советского человека, урбанизация и ряд других проблем в СССР, предлагает болгарской публике экспериментальное исследование. Ученому удалось соединить традиционно-социологическое и литературоведческое: Неделчева, используя «Московские повести» Трифонова как источник, рассматривает особенности советской ментальности и быта. Литературовед Н. Димитрова полагает, что такой метод, подразумевающий «взаимопроникновение» литературы и социологии, позволяет раскрыть самобытность советской мысли ([Димитрова Н. 1992:145]).

Неделчевой удастся объединить два пространства: особенности реального советского города и художественный образ Москвы, созданный в повестях Трифонова. Ученый останавливает свое внимание на реалиях советской эпохи, например, квартирном вопросе и коммунальках (повесть «Обмен») ([Неделчева 1991:51]). При этом «коммунальный вопрос» также

становится частью социальной жизни болгарина и находит отражение в литературе. К примеру, в повести В. Паскова «Баллада о Георге Хенинге» (1987) подробно описываются непростые судьбы болгар, которые живут в коммуналках и не могут оттуда вырваться. Рассказчик (подросток) подробно описывает их комнату с матерью и отцом, стараясь обратить внимание на то, что каждый предмет будто бы уже «знает» судьбы жильцов наизусть: «Неужели все, что ее окружает, реально: этот старый еврейский квартал, эта темная неуютная комната — четыре метра на четыре, с двумя кроватями и столом, эта кое-как сбитая этажерка и самое ужасное — безобразная полка, на которую она ставит кастрюли, тарелки, кладет ложки и вилки вместо того, чтобы убирать их в прекрасный буфет из орехового дерева производства австро-венгерской мебельной фабрики» ([Пасков 1989:9]). Герой-рассказчик, вспоминая жизнь в этом доме, анализирует судьбы жителей. Например, гениального скрипичного мастера одинокого старика Хенинга, которого собираются отправить в дом престарелых, чтобы отобрать у него комнату в коммунальной квартире, и своих соседей: «Георг Хенинг исчез из нашей жизни. Прошло совсем немного времени, и его имя перестало упоминаться в нашем доме. <...> В моих волосах тоже появилась седина. Все вокруг переменялось. Квартал уже не тот. Квартала не существует. У Мирчо случился второй инфаркт. За ним ухаживает Малинка, ставшая тихой старушкой. Станка и Станко куда-то уехали. Стамена задавило грузовиком <...>» ([Пасков 1989:62]). Повесть воспроизводит атмосферу жизни болгарской столицы в годы, когда официальная пропаганда говорила о «светлом завтра».

Неделчева также пишет о вещно-пространственной среде города, формирующей социально-психологические стереотипы: «Старые дома, улицы, целые комплексы в значительной степени являются “собственностью” людей и города. И общество смотрит на них не только как на исторические памятники, а как на элементы собственного быта <...>» ([Неделчева 1991:49]). В произведениях Трифонова Неделчева обнаруживает

противопоставление «старой» и «новой» Москвы: наиболее дорого для писателя то, что не успела уничтожить «цивилизация» ([Неделчева 1991:50]). Писатель изображает Москву как два разных города: «первый естественно вписан в природу, второй связан с разрушением, с отрицанием, с однотипностью, с серостью». В повести «Обмен» процесс урбанизации напрямую связан с «зацементированием» человеческой души ([Неделчева 1991:53]).

Подобное описание города, который становится неотъемлемой частью человеческих судеб, можно встретить и в болгарской литературе этого периода. К примеру, в повести П. Вежинова «Барьер» (1977), прекрасно известной советской публике в первую очередь по одноименному фильму, снятому болгарским режиссером Христо Христовым в 1979 г., где главную роль композитора Антония Манева сыграл Иннокентий Смоктуновский, образ города подчеркивает переживания Антония и Доротеи, становится частью их личной трагедии: «В первый вечер я ушел к себе в номер сразу же после закрытия кафе, пьяный и трезвый одновременно, охваченный зловещим предчувствием. Во сне мне грезилось, что я снова лечу над городом, над горами, среди легких как дым облаков, стелющихся в вышине. <...> Я вышел на узкий цементный балкон, в сущности, было еще очень рано — глубокие долины меж гор утопали в тени, где-то неподалеку журчала вода. Я наклонился: уборщицы, оживленно болтая, терли мокрыми тряпками плиты террасы. <...> А я был счастлив во сне, чего же еще?» ([Вежинов 1977: 76]).

Еще один аспект, который рассматривается в книге Неделчевой в связи с творчеством автора, — тема советской интеллигенции. Болгарский ученый ставит вопрос, на который пытается найти ответ в произведениях Трифонова: как интеллигенция существовала в условиях тоталитаризма. В повести «Предварительные итоги» Трифонов особенным образом представляет оппозицию современного и традиционного: «Если в других повестях оппозиция прежде всего во времени, тут она в урбанизированной

и неурбанизированной среде — Москва и Тохир, маленькое туркменское село <...>» ([Неделчева 1991:54]). В «Предварительных итогах» подробно раскрывается быт Москвы 1960-1970-х гг., описана коммунальная квартира, присущий ей социально-психологический дискомфорт, отношениями между соседями».

Как пишет Неделчева, отсутствие индивидуального «лежит в основе несущей конструкции базисной социальной технологии, через которую люди унифицируются, деперсонализируются, подчиняются определенной абстрактной коллективности» ([Неделчева 1991:54]).

Проблематика произведений, а также некоторые другие особенности творчества писателя обсуждаются в интервью, которое дал Трифонов болгарскому журналисту В. Кинову и уже упомянутой ранее переводчице Узуновой в 1978 г. в Варне, куда прибыл по приглашению книгоиздателей на кинофестиваль. Кинов вспоминал, какое впечатление произвела на него встреча с писателем: «Через большие очки на меня смотрели уставшие, но наполненные любовью глаза. <...> Запомнил я и еще что-то очень важное для себя. Не могу точно сказать, о какой книге мы говорили, когда он сказал: “У Бога есть избранники для каждого дела”» ([Кинов, Узунова 1991:156]). Таким «избранником» журналист считал самого писателя.

Кинов-интервьюер сообщает, что в Болгарии широко известен роман «Нетерпение», посвященный событиям XIX в., и спрашивает, почему Трифонов решил создать роман о террористах-народовольцах. Писатель отвечает, что историческая тема всегда привлекала его, и это не первая его работа в таком ключе: уже была написана документальная книга о революции и Гражданской войне «Отблеск костра». При этом Трифонов признает, что работа над книгой о народовольцах серьезно увлекла его, и материалы он собирал долго, усердно работая в архивах ([Кинов, Узунова 1991:160]).

Социальные вопросы, как утверждает Трифонов, составляют основу многих его повестей: «Если писатель ищет серьезные социальные проблемы

и “всматривается в жизнь”, он обязательно их найдет в самых обычных вещах, в отношениях между людьми» ([Кинов, Узунова 1991:157]). Трифонов подробно останавливается на повести «Обмен» и изображенном в ней «столкновении различных точек зрения людей, которые живут вместе»: «Мне кажется, что исследование взаимоотношений в семье может стать очень важным инструментом, с помощью которого можно выявить “социальный” диагноз и донести что-то действительно важное для общества» ([Кинов, Узунова 1991:159]).

Интервьюер склонен воспринимать персонажей современного писателя, исходя из своего опыта чтения классической русской литературы: «Советская литература в вашем лице раскрывает душу “маленького”, обыкновенного человека, это своеобразная проекция чеховского героя сегодня» ([Кинов, Узунова 1991:157]). Писатель не соглашается: «Я своих героев не считаю “маленькими” людьми. Мне вообще не очень близок этот термин — “маленький человек”, “маленькие люди” <...> “маленькие” они или “большие”, не нам судить. <...>. Мне интересны люди, которых я хорошо знаю. Это мои знакомые, мои друзья, мои враги, и я нахожусь между ними, и именно они меня интересуют, понимаете меня, о них я и пишу» ([Там же]).

В интервью речь заходит также о «малой прозе» и упоминается биографический очерк «Самый маленький город» (1967) о болгарском Мелнике, на самом деле самом маленьком городе юго-западной Болгарии.

***

«Самый маленький город» — очерк, написанный Трифоновым о Болгарии. Описанный в очерке город Мелник стал для Трифонова частью его личной судьбы. Ф.И. Берман вспоминает: «Однажды я спросил Трифонова, какой свой рассказ Трифонов считает самым лучшим. Он ответил: “Самый маленький город”. <...> Я считал лучшим рассказом Трифонова – рассказ “Голубиная гибель”, тоже опубликованный в “Новом мире”. Но позже я узнал, что “Самый маленький город” — это рассказ о самой большой любви Трифонова, о любви к его жене Нине Нелиной». ([Берман 2018]). Дочь писателя Ольга Тангян в книге воспоминаний об отце признает, что Мелник был значимым для взаимоотношений родителей: «...Мелник был важен для Трифонова не только тем, что был “самым маленьким” в мире. Несколько лет назад он был в Болгарии с мамой» ([Тангян 2010:199]).

Трифонов подробно описывает путешествие героя-рассказчика. Дорога к Мелнику позволяет сказать о Болгарии в целом: упоминается Шипка с ее памятником русско-турецкой войны 1877-1878 гг.), Пловдив, София... «Возвращались с моря по южной дороге, сделав крюк, чтобы заехать на Шипку. Я думал, этого “рено” уже нет на свете. Он и тогда еле скрипел, а дорога от Пловдива до Софии, сто пятьдесят километров, запомнилась мне как ночной осенний кошмар» ([Трифонов 1979:514]). Пенчо говорит о болгарской истории, об одной из самых ее трагических страниц — временах правления царя Самуила (997-1014 гг.): «— И когда царь Самуил увидел своих воинов <...> которых император Василий отпустил из плена, он упал на землю и умер от горя... Я видел, как они брели долиной Струмы из византийского плена, цепляясь друг за друга, и те, кто падали, оставались лежать. Василий Второй, прозванный Болгаробойцем, ослепил все войско царя Самуила, разбитое при Беласице, пятнадцать тысяч болгар, оставив кривым каждого сотого» ([Трифонов 1979:516]). Уже отмечалось, что этот фрагмент создает «ощущение исторической взаимосвязи,

взаимозависимости людей», а образы болгарских стариков, упомянутых в нем, — это «дошедшая до нас олицетворенная память» ([Иванова Н.Б. 1984:94]). Старики в Болгарии Трифонова являются хранителями традиций и народной памяти: рассказчик в разговоре с дедом Кирияком подмечает древний обычай, который часто вводит в заблуждение туристов: болгары в знак согласия не «кивают», а, наоборот, отрицательно качают головой: «Дед Кириак согласно качал головой и бормотал: “Так“ — говорят поляки, „Ано“ — говорят чехи, „Гут“ — говорят немцы. „Добре“ — говорим мы, болгары, „Да“ — говорят русские...”» ([Трифонов 1979:516]).

Изображая быт Мелника, Трифонов отмечает этнические особенности и вводит в текст болгарские слова, например, упоминает в очерке обычай пить кофе «по-турски» («по-турецки»), отсылающий ко временам Османской империи: «Мы зашли в сладкарницу, где было дымно, пахло кофе, за столиками сидели старики <...>. Они смотрели на то, как мы снимаем плащи, садимся, как Пенчо закуривает, как Аля хмуро глядит в окно, как подходит официант и Пенчо заказывает три кофе “по-турски” <...>» ([Трифонов 1979:514]).

Болгарин Пенчо, желая показать рассказчику красоту Мелника, «отказывается» от привычного образа жизни, свойственного болгарскому народу: «Мой милый Пенчо, который зачем-то вызвал нас из Москвы, зачем-то вез зимней дорогой в Мелник, вместо того чтобы сидеть сейчас в Русском клубе или у журналистов и пить ракию, закусывать салатом по-шопски, кусочком белого сыра, потом взять кофе, еще кофе, и еще ракию и снова кофе...» ([Трифонов 1979:515]).

Рассуждения рассказчика о культурных особенностях Болгарии часто сопровождаются личными переживаниями, а финал очерка снова возвращает читателя к мотиву воспоминаний, представляя собой разговор отца и дочери.

В сознании болгарского народа Трифонов остался писателем, который был ему духовно близок, знал традиции страны, а его произведение о «самом маленьком городе» Болгарии, где эта страна предстает такой, какой знал ее

сам писатель, с национальным балканским колоритом и самобытными традициями, стало своеобразным символом, связывающим жизнь и творчество автора с болгарской культурой.

3.2. А.И. Солженицын в болгарской социокультурной среде

«Лагерная проза» — один из феноменов русской культуры, ставший неотъемлемой частью литературного процесса конца 1950-х-1990-х гг. XX века. Именно «лагерная проза», по мнению Л.С. Стариковой, «создала художественный образ лагеря в творческой рефлексии писателей» ([Старикова 2015:169]). Исследователь отмечает, что произведения «лагерной» прозы включают в себя следующие черты: «общие тематика и проблематика, связанные с экзистенциальной средой лагеря; автобиографический характер; документальность; историзм; художественное воплощение образа лагеря; особое пространство (замкнутость, остров, ад); особая психология человека, философское осмысление человека в ситуации несвободы; особая авторская рефлексия над текстом» ([Там же]). Для болгарских исследователей совокупность всех этих процессов была воспринята через творчество А.И. Солженицына. Личность писателя, одного из главных представителей этого направления в русской литературе, становится объектом изучения многих болгарских ученых (М. Касабов, Г. Марков, В. Донеv, М. Костова-Панайтова, Н. Христова).

Одно из важнейших явлений в русской литературе XX века, проблема самиздата, также рассматривается болгарскими исследователями. Н.Р. Казански, Д. Кюранов, П. Дойнов и ряд других ученых отмечают, что болгарская общественность бурно реагировала, когда в Болгарии была запрещена публикация произведений Солженицына.

Что касается изучения «лагерной прозы» в Болгарии, то ученые М.С. Николова, В.В. Николова отмечают, что современным болгарским

специалистам-филологам явление «лагерной прозы» знакомо не в полной мере или не знакомо вовсе: «По этому поводу хочется поделиться опытом в связи с проблемами, которые возникают в процессе преподавания русской литературы XX века в болгарской аудитории. Особое внимание уделим литературе из цикла „Лажерной прозы“. <...> По разным причинам – объективным и субъективным, студенты не знают недавнее прошлое России. Сталинские репрессии, довольно трагический исторический факт в истории русского народа, полностью, или почти полностью незнаком для них. Такое их непонимание делает неполноценным восприятие произведений, связанных с этими фактами <...> имеющих знаковый характер для русской литературы XX в.» ([Николова М.С., Николова В.В. 2018: 739]). Например, в 2018 году в университетскую программу «Нового университета» в Варне включены произведения «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, рассказы В.Т. Шаламова, повесть А.И. Приставкина „Ночевала тучка золотая».

При этом общественность ассоциирует явление русской «лагерной» прозы именно с Солженицыным. Автор является для болгарской культуры не только автором многочисленных произведений, которые активно изучаются, но и фигурой, вокруг которой до сих пор ведутся многочисленные споры. Связано это в первую очередь с тем, что болгарская общественность как в 1960-е – 1990-е годы, так и в настоящее время связывает имя писателя не только с его творчеством, но с политическими событиями, происходившими в жизни страны. Исследователь П. Пенчев, например, говорит об этих спорах так: «Солженицын всегда вызывал дискуссии и никогда не воспринимался всеми положительно. До сих пор о нем ходят слухи, созданные советскими спецслужбами для его компрометации. Его русский национализм и православная вера отдаляют его от светского и псевдолиберального Запада, принявшего его, когда он был изгнан из СССР в 1974 году. И все же Солженицын входит в число интеллектуальных героев

XX века. Из-за нравственности, стойкости и неподкупного таланта перед зловещей моделью социализма» ([Пенчев 2021]).

Писатель-диссидент Георгий Марков, во многом повторивший судьбу Солженицына (за антиправительственные взгляды он был исключён из Союза писателей Болгарии и лишен гражданства, а его произведения были запрещены), утверждал, что Солженицын принадлежит к писателям, «которые объединяют судьбу своих литературных персонажей со своей судьбой <...> которые становятся личностями эпохи, писатели, для которых творец и гражданин — одно и то же» ([Марков 1991]).

«Болгарским Солженицыным» называют поэта первой половины XX века Крыстьо Хаджииванова (1929-1952) ([Хаджииванов, Колев 2019]). Его стихи, написанные до 1950 г., распространялись болгарской политической эмиграцией в Европе, Америке, Новой Зеландии и Австралии.

В. Радинова, рассуждая о месте Солженицына в современном литературном процессе, отмечает, что на первый взгляд может показаться, что «болгарские читатели потеряли интерес к литературной жизни в России, а Солженицын, известный прежде всего своими антисоветскими произведениями, совершенно неактуален для современного человека», но это далеко не так. Писатель — «сложный культурный феномен, мыслитель и борец, добившийся правды, веры и свободы <...>» ([Радинова 2002]).

М. Костова-Панайотова говорит о «многоликости» прозы Солженицына («У этого художника тонкое чувство прекрасного. Его художественный мир — это вертикальный мир, являющийся частью многогранной реальности, в которой присутствуют и физическое начало, и метафизическая реальность. <...> Среди центральных проблем в произведениях Солженицына от “Одного дня Ивана Денисовича” до “Знают истину танки!” — проблема обретения свободы, ценности человеческой жизни, страдания и широты души как смысла земного существования»), ее разножанровости («центральной темой творчества автора разных периодов является лагерная тема, которую писатель <...> трансформирует в разные

жанры: рассказ, документальное повествование, драматическое произведение и киносценарий») ([Костова-Панайотова 2009]). В. Донеv, характеризуя творческий процесс Солженицына, утверждает, что писатель «создает язык времени» ([Донев 2011:11]). О жанровом своеобразии произведений Солженицына пишет Т. Николов: „Солженицын нашел – по крайней мере, в "Раковом корпусе" и "В круге первом" — модель своего "инфо-романа" <...>. “В круге первом“ — это поистине мега-роман. С огромным количеством сюжетных линий, множеством разнообразных идейных пластов и действующих лиц “вне” и “внутри” повествования» ([Николов Т. 2021]). «Сгущение времени», которое Т. Николов видит в романе «В круге первом», наводит Т. Николова на мысль о сопоставимости художественного мира Солженицына с теорией хронотопа М.М. Бахтина: «Бахтин, однако, трансформировал свой опыт в “литературоведение”, выстраивая модель собственной “контркультуры” (через “мир смеха” Рабле или “полифонию” Достоевского). В то время как Солженицын через “уплотнение” картины мира добивается собственного эффекта преломления “пространства во времени”. Таким образом — в развитии — достигается “кумулятивный эффект” — решение Володина перед Рождеством “спасти мир” <...> дает нам ключ ко всей советской вселенной».

История знакомства болгарской общественности с творчеством Солженицына началась с повести «Один день Ивана Денисовича». Болгарский переводчик М. Наков писал об этом: «как бы воскликнул болгарский писатель Иван Вазов, Солженицын „прогремел как гром среди ясного неба“. Мы ничего не слышали о нем до тех пор, пока совершенно неожиданно поздней осенью 1962 года у нас не появился „посланник“. Этим „посланником“ стала повесть „Один день Ивана Денисовича“» ([Наков 2003:53]). В конце 1962 г. в газете «Литературен фронт» вышел перевод повести, который подготовил болгарский писатель и публицист П. Аджаров (1902–1963), в 1925 г. во время репрессий против левых сил эмигрировавший в СССР. В 1963 г. повесть тиражом 31 000 экземпляров выходит отдельным

изданием в переводе В. Райчева ([Казански 2020]). Второе издание появилось в 1990 г. («Интерпринт»). В книгу, над которой Райчев работал с группой других переводчиков (М. Наков, Л. Минкова, Р. Григорова), были добавлены еще пять рассказов: «Матренин двор», «Захар-Калита», «Пасхальный крестный ход», «Как жаль», «Правая кисть» ([Наков 2003:54]). В 2018 году издательство «Колибри» переиздает «Один день Ивана Денисовича» (издание посвящено 100-летию со дня рождения писателя).

В специальном выпуске газеты «Культура» (№ 4, 2018 г.), также посвященном знаменательной дате, представлена дискуссия о творчестве писателя Д. Кюранова и П. Дойнова, в ходе которой литературоведы делают многочисленные отсылки к этому произведению. Кюранов свидетельствует, что «до сих пор воспринимает Солженицына с позиции болгарского читателя»: «Речь идет о том, как коммунизм, навязанный СССР, отразился на Болгарии, на формировании общественного мнения. “Иваном Денисовичем” Солженицын пробил дыру в реальность, <...> которая была скрыта от нас» ([Кюранов, Дойнов 2018:7]). Другой исследователь, М. Касабов, утверждает, что повесть Солженицына во многом стала связующим звеном эпохи между двумя нашими странами: «Если говорить о преемственности между Россией и Болгарией, то в значительной степени повесть “Один день Ивана Денисовича” могла бы стать книгой нашего прошлого» ([Касабов 2019]). Наков отмечает, что после перевода этого произведения на болгарский, публикации прервались примерно на два десятилетия, до перестройки в связи с тем, что и в СССР писатель был обвинен в анисоветизме и измене, а его произведения появлялись только в самиздате.

После 1989 г. наступила, как напоминает Наков, повторная «оттепель» для прозы и публицистики Солженицына в Болгарии. В двух выпусках журнала «Факел» были напечатаны отдельные главы «Архипелага ГУЛАГ» в переводе И. Дойчинова (№ 3, 1990 г. и № 5-6, 1992). В 1993 году в издательстве «Народна култура» были изданы первые два тома

«Архипелага» (также перевод Дойчинова). Полный текст перевода «Архипелага» впервые вышел на болгарском языке в 2015 г. в переводе Т. Ваксберг (издательство «Комунитас», София). Переводчик отмечает, что на перевод первого тома романа ушло около двух лет, что связано в первую очередь с лексикой, так как главной задачей переводчика стало желание адаптировать текст под современного читателя, а также сохранить авторский стиль. ([Наков 2003:54]).

Роман «Раковый корпус» выходит в 1993 г. в двух разных переводах: А. Бежанска и Г. Миланова, а в 1995 г. Миланов также представил публике перевод романа «В круге первом» ([Наков 2003:55]). В последние годы «Комунитас» активно переиздавал произведения Солженицына: в 2020 г. в переводе Д. Кюранова выходит роман «Раковый корпус», а в 2021 — «В круге первом».

Единственным полностью не переведенным на болгарский язык масштабным произведением на сегодняшний момент остается эпопея «Красное Колесо». Были попытки перевести фрагменты книги: отдельные главы романа «Август Четырнадцатого» вышли в переводе Б. Мисиркова в 1995 г. в литературном журнале «Ах, Мария» (№ 1). Многочисленные рецензии на произведение дают основания полагать, что болгарские ученые читали «Красное Колесо» в оригинале. В. Радинова, анализируя произведение, к примеру, полагает, что «“Красное Колесо“ — это попытка выяснить, где Россия ошиблась. Неудачный, но замечательный опыт» ([Радинова 2002]). М. Костова-Панайотова отмечает, что «идею служения добру или злу через панораму общественной жизни страны Солженицын продолжает в “Красном Колесе” – эпосе, охватывающем события в истории Российского государства первой четверти XX века» ([Костова-Панайотова: 2009]).

Что касается публицистики Солженицына, то в 1990 г. Б. Мисирков представляет публике перевод фрагментов автобиографической книги «Бодался телёнок с дубом»; полная версия появилась в 1998-м. В 1990-е гг.

переведены некоторые другие публицистические произведения: «Черты двух революций» («Литература», 1993, № 1), «Как нам обустроить Россию» («Демократически преглед»), 1994, №7 – сокращенный перевод), «Слово, произнесенное в Букингемском дворце» («Факел», 1997, №3-4), «Интервью» («Изток-Изток») 1995 г. и др. ([Наков 2003:55]).

В последние годы публицистика Солженицына почти не переиздается, но выпускаются книги о его жизни: в 2015 г., к примеру, на болгарском был выпущен перевод книги протоирея А.Д. Шмемана, который тесно общался с писателем в эмиграции: «Срещи със Солженицин» («Встречи с Солженицыным», издательство Фондация Комунигас). Сборник состоит из восьми статей, написанных и официально опубликованных отцом Александром. Также в книге представлены беседы отца Александра, посвященные Солженицыну и произнесенные в рамках цикла бесед, написанных для российского издания Радио «Свобода».

В 2018 г. Т. Николов, главный редактор газеты «Култура», в юбилейном номере публикует эссе писателя «Жить не по лжи!». Подобный «эксперимент», как отмечает редактор, дает возможность «перечитать» автора и посмотреть, как его идеи звучат «в настоящее время постправды»: «В этом тексте Солженицын с присущей ему фанатичной бескомпромиссностью настаивает: „Он <...> не подпишется и не купит в рознице такую газету или журнал, где информация искажается, первосущные факты скрываются“. Делаем ли это мы? Если ответ „нет“, похоже, мы продолжаем жить во лжи» ([Николов Т. 2018:1]).

Если обратиться к наиболее заметным работам, написанным о Солженицыне болгарскими учеными, то можно выделить две масштабные монографии: это книги Н. Христовой «Болгарский “скандал”. Солженицын» (1970–1974 гг.)» (София, 2000) и В. Донева «Александр Солженицын. Классика против канона» (Велико Тырново, 2011).

Христова выделяет целый ряд политических событий, связанных с именем Солженицына, которые не оставила без внимания болгарская

общественность. Исследователь, например, подробно останавливается на том, как Союз болгарских писателей принимал активное участие в «скандале», который был связан с присуждением писателю Нобелевской премии по литературе (1970). В это время в Болгарии проводилась Вторая национальная конференция болгарских писателей. На последнем, пятом, заседании речь шла о Солженицыне. Г. Джагаров, председатель Союза болгарских писателей, ознакомил присутствующих с письмом, где явно осуждалось творчество автора: «Трудно смириться с тем фактом, что этот акт продиктован литературными достоинствами произведений А.И. Солженицына. <...> Около кандидатуры этого писателя была организована провокационная кампания против советской литературы, которая дала свету столько крупных имен и произведений и вдохновляла и вдохновляет своим гуманизмом и высокими идеалами <...>» ([Христова 2000: 68]). Правительство Болгарии оказало большое давление на писателей, которые были вынуждены выступить против присуждения премии. В архивных документах были обнаружены подписи известных болгарских писателей, например, Емилияна Станева, Йордана Радичкова, — которые поступили подобным образом в угоду советской власти ([Христова 2000: 74]). По результатам голосования в конце конференции были озвучены результаты: большая часть присутствующих подписали декларацию, четыре члена Союза воздержались и лишь один писатель выступил против. Деятели культуры, которые воздержались от голосования (сценарист Христо Ганев, поэт Валери Петров, театральный критик Гочо Гочев и писатель-сатирик Марко Ганчев) или проголосовали “против” (поэт Благой Димитров) было выдвинуто обвинение: беспартийный Благой Димитров был исключен из Союза болгарских писателей, остальные — из партии ([Христова 2000: 78]). Христо Георгиев вспоминал, что имя поэта Димитрова, как и уже упомянутых болгарских авторов, болгарская общественность тогда прочно связывала с именем Солженицына: «Поэт Благой Димитров — единственный из Союза болгарских писателей, кто осмелился проголосовать против

декларации Солженицына в конце 1970-х годов» ([Георгиев Х. 2020]). Поэт, драматург и сценарист Валерий Петров (1920-2014) свидетельствовал: «Когда я ехал на Съезд, там было, насколько мне помнится, только пункт "Разное", а о Солженицыне ничего не упоминалось... Когда письмо было зачитано, рядом со мной сидел Христо Ганев, а где-то еще Гочо Гочев, Марко Ганчев и Благой Димитров. И мы не успели обменяться мыслями. Я твердо сказал себе: я не могу голосовать. <...>. Благой Димитров — он был смелее. Что я тогда чувствовал? Главное был стыд, что с тобой обращаются как с автоматом, который послушно поднимет руку. Это чувство унижения было главным моим ощущением» ([Там же]).

По мнению Г. Маркова, который «защищает» взгляды Солженицына от «нападок» болгарского правительства, отмечает, что многие не могли напрямую высказывать свою точку зрения на происходящее в силу объективных причин: «Я вынужден отметить, что Союз болгарских писателей не мог выражать точку зрения всей нашей национальной литературы <...>. Члены этого союза также добавили свои голоса к резолюции, выступив против Солженицына. Документ этот фактически является документом об исключении Союза болгарских писателей из Союза достоинства» ([Марков 1991:25]).

Были, однако, общественные деятели, которые отказались подчиняться требованиям партии. Одним из них стал научный сотрудник Института литературы Болгарской академии наук Л. Иванов-Цветков, который в 1970 г. был осужден на пять лет за распространение «вражеской литературы», произведений Солженицына ([Казански 2020]). А в 1973 г. был арестован о. Петр Васильковский за перевод «"Великопостного письма" Патриарху Пимену» Солженицына, которое затем было распространено в болгарском самиздате ([Кюранов, Дойнов 2018:10]).

Также большую огласку получило «дело Солженицына» 1974 года — судебный процесс над эмигрировавшими из СССР в Болгарию В.Ю. Макаровым, Ф.А. Беляковским и эмигрировавшей во Францию

Катрин Львов, которая не раз бывала в Болгарии. Они, как пишет Н. Казански, распространяли в Болгарии произведения не только Солженицына, но и других запрещенных авторов.

Если в книге Христовой представлен политический аспект формирования восприятия личности Солженицына в общественном сознании болгарского народа, то в монографии В. Донева подробно проанализированы некоторые его произведения. Донев рассматривает «Один день Ивана Денисовича», «Раковый корпус» и «Архипелаг ГУЛАГ» и анализирует художественную модель лагерной прозы Солженицына в контексте традиций Достоевского. В этом вопросе Донев во многом опирается на российскую литературоведческую науку (например, исследования В.Н. Захарова, В.Г. Краснова и др.). Донев, однако, ищет и свои подходы к сближению творчества Достоевского и Солженицына, проводит комплексный анализ «Записок из Мертвого дома» Достоевского и характеров, которые изображаются в «Одном дне Ивана Денисовича» и «Архипелаге ГУЛАГ», отмечая, что оба писателя выступают как психологи, пытаются объяснить, что чувствует человек на свободе и как он приспособливается к условиям несвободы ([Донев 2011: 24]). Достоевский рисует психологический портрет преступника, описывает его характер и ценности, поднимается до обобщений и говорит о характере русского народа в целом. Интерес, который проявляет Донев, обращаясь к Достоевскому, определен желанием лучше понять душу русского человека. Достоевский открывает в человеке на каторге то, что отличает русского человека в целом — чувство собственного достоинства, а высшей чертой русского характера называет чувство справедливости. С точки зрения Донева, эту линию продолжает Солженицын, хотя, несомненно, трансформирует её и идет своим путем. «Исповедальная форма» помогает Солженицыну дать всесторонний историко-документальный и морально-психологический анализ поведения изображенных им людей и эпохи.

В главе, посвященной «Раковому корпусу», Донеv объясняет метафору, предложенную в заглавии монографии: «Классика против канона». Исследователь ставит ряд вопросов, которые, с его точки зрения, пытается разрешить Солженицын в своем произведении: «Как рассказать правду о советской действительности по законам социалистического реализма? Можно ли бросить вызов советскому канону, разоблачить доминирующую эстетику?» По мнению Донева, Солженицын раскрывает «сущность советского канона, интересуясь его антропологическими характеристиками и духовностью русского человека XX века — его идеологией, менталитетом, поведенческими моделями, сохранением или деформацией мировоззрения XIX века» ([Донев 2011:82-83]). В третьей главе предлагается общая оценка творческого метода Солженицына, а также делается попытка соотнести его творчество с работами представителей общественной мысли XX века.

В 2008 году Солженицыну была присуждена награда, имеющая большое значение для болгарской культуры и единения двух стран: автор был удостоен учрежденной в Болгарии Международной литературной премии имени Христо Ботева – известного поэта (премия по случаю 160-летия со дня рождения Ботева).

Профессор Иллинойского университета Р. Темпест, председатель жюри, болгарин по матери, объявил имя победителя, назвав Солженицына объединяющим звеном для культур России, Болгарии и Америки: «Для меня он один из тех писателей, которых очень немного в болгарской, российской и американской истории. Это те писатели, которые создают художественные миры, целые планеты, и именно эти планеты имеют свое собственное маленькое человечество»²⁷. Болгарские и международные деятели науки и культуры, входящие в состав жюри, также поддержали идею присудить награду именно Солженицыну: македонский писатель Б. Цветковски,

---

²⁷ Ботевска награда за Александър Солженицин. <https://news.bg/culture/botevska-nagrada-za-aleksandar-solzhenitsin.html>. Дата публикации: 30.05.2008.

лауреат Ботевской премии 2001 года, бывший министр культуры Г. Йорданов, заместитель мэра столичного муниципалитета Й. Фандакова, болгарский ученый и политик К. Петков, председатель Союза болгарских писателей Николай Петев.

Болгарский исследователь П.С. Филипов отмечает, что как для болгарского читателя, так и для мировой общественности писатель все же остался «русским» автором: «Солженицын никогда не превратился в западного или американского писателя, напротив, он остался русским писателем, его произведения повествуют о России и ее жизни» И если «Иммигранта» Солженицына Запад принял, но по прошествии времени писатель стал «превращаться в лицо, неудобное для Западного мира подобно тому, как эмигрант Солженицын был удобен для Восточного» ([Филипов 2020:49, 46]).

Солженицын оставил огромный след как в литературоведческой науке, так и в общественной жизни Болгарии. Его творчество оказало влияние на судьбу некоторых болгарских писателей, современников Солженицына. Многочисленные положительные оценки творчества Солженицына, переиздание его произведений в Болгарии в настоящее время, а также интерес к личности писателя как в советскую эпоху, так и в последние годы делают его одной из важнейших фигур в сознании болгарского народа.

Глава 4. Русский постмодернизм и «новейшая» русская проза: взгляд из Болгарии

4.1. Болгарские исследователи о постмодернизме и других явлениях русской прозы последних десятилетий

Постмодернизм — направление в культуре и литературе XX века, зарождение которого традиционно относят к 1930-м – 1940-м гг., а расцвет — к 1980-м.

С. Игов замечает, что в Болгарии это направление развивалось интенсивно, но зародилось все же с некоторым опозданием: «О болгарском постмодернизме заговорили спустя десятилетие-другое после того, как он уже появился в мировой культуре, в том числе в некоторых балканских и центральноевропейских культурах. Болгарское “запаздывание” совпало с резким политическим и культурным поворотом после 1989 г., поэтому оно носило бунтарский характер, тем более что совпало с новым ретро-интересом к “неопытному” (и не до конца понятому) болгарскому модернизму и авангарду периода между двумя мировыми войнами. Поэтому болгарский постмодернизм имел революционно-бунтарский, авангардно-антитетический и даже конкистадорский характер <...>» ([Игов 2009]).

З.И. Карцева пишет о некоторых предвещающих постмодернизм тенденциях в болгарской литературе середины 1960-х гг.: «“многоголосая”, “амбивалентная”, пародированная проза²⁸ Йордана Радичкова <...> и в 1970-е годы литература “молодой психологической волны”» (Д. Коруджиев, Р. Сугарев, Г. Величков, Р. Босев, Л. Петков и др.)» ([Карцева 2004:68]). С середины 1980-х гг. некоторые современные писатели «овладели „приемами“ нового течения и уже мыслили его категориями»: это были Димитр Коруджиев («Сад с щеглами», «Дом Альмы» и др.), Влад Даверов

---

²⁸ Это явление, например, И.В. Уваров объясняет как «вольную пародийно-игровую трансформацию сюжетных, образных и стиливых "единиц"; карнавализацию; известную "фрагментарность" композиционного построения некоторых текстов», что отсылает к эстетике постмодернистской литературы ([Уваров 2007:2]).

(«Еще долго до осени»), Виктор Пасков («Баллада о Георге Хениге») ([Карцева 2004:69]).

Однако в болгарской прозе 1990-х гг. и в более позднее время постмодернизм не стал «генеральным направлением» ([Карцева 2004:71]). В литературном процессе Болгарии отразились лишь некоторые формы присутствия этого явления и чаще всего, как замечает Карцева, в синтезе с традиционными реалистическими приемами (имеются в виду, например, формы авторского присутствия, маски и роли повествователя). Такой синтез можно видеть, к примеру, в произведениях С. Стратиева («Болгарская модель», 1991; «Как стать „другими“», 1993); Э. Андреева («Ломские рассказы», 1996), П. Антонова («Бегство зайца», 1996); К. Радева («Тени Вавилона»), Георги Господинова («Естественный роман», 1999).

По мнению М. Новкова, «первым болгарским постмодернистским романом» было произведение Г. Господинова «Естественный роман» (1999) ([Новков 1999]). Карцева считает, что эта книга — «своего рода „практическое пособие“ по постмодернизму, синтез самых характерных представлений о художественной структуре произведения, своеобразная иллюстрация к расхожим положениям постмодернизма об авторе, герое, сюжете и композиции <...>» ([Карцева 2004:71]).

В 2000-х, несмотря на то, что в болгарской литературе продолжает существовать многообразие направлений и форм, постмодернизм как явление предопределяет многие литературные процессы, хотя так же, как и в 1990-е, не является лидирующим. Такой точки зрения придерживается, например, Игов: «Определяя основное направление новейшей болгарской литературы как постмодернистское, я не думаю, что все в ней можно квалифицировать как “постмодернистское”, но даже реакции против этого явления или нейтральное отношение к нему разворачиваются и воспринимаются в гальванизированном формате “постмодернистской” культуры, точнее сказать — в условиях сосуществования и борьбы разных норм литературности» ([Игов 2009]).

Что касается русской литературы постмодернистского типа, то она является в Болгарии одним из самых изучаемых культурных явлений, при этом интерес к авторам постмодерна возрастает с каждым годом. Более того, русская постмодернистская литература оказала значительное влияние на формирование творчества некоторых болгарских писателей, например, Алека Попова, Радослава Парушева и др. Болгарский исследователь М.Горчева выделяет ряд черт, которые роднят Попова с В. Сорокиным и В. Пелевиным: «Неудержимое пародирование, как и алогизм сюжетных поворотов, сближают фикциональность Попова с тем, что предлагают Пелевин или Сорокин. Они сходятся и в установке на фантастический абсурд, хотя многого недостает болгарским сюжетам, чтобы достичь жгучего сарказма Пелевина или такой же степени изуродованности изображаемого мира, как в произведениях Сорокина». Другая общая черта писателей — «это способность довести медиальный и дигитализованный мир до абсурда. Но у Алека Попова есть и характерное ощущение поколения: этот мир лишь “одна из возможных версий мира”, т. е. история не закончена, напротив — многому предстоит случиться, и писатель принимается гадать, каким будет новый век» ([Горчева 2014: 224]).

Болгарские постмодернисты обращаются к творчеству коллег, в том числе классиков, а также следуют за русскими авторами. К примеру, Радослав Парушев в романе «Project Достоевский» (2009) встраивает мир русского классика в, как это называет Горчева, «нелитературную корпоративную современность». Горчева, характеризуя композиционную структуру этого произведения, так описывает происходящие в нем события: «В соответствии с общеизвестным сюжетом о перемещении в другие времена герой — специалист филиала международного банка — оказывается в комнате Достоевского, читает неизвестную рукопись (продолжение “Братьев Карамазовых”) и в конце концов соединяется в нежной любви с дочерью Достоевского» ([Там же]). Горчева замечает, что Парушев во ([Карцева 2004:71]). многом ориентировался на «Ф.М.» Б. Акунина,

а также на роман В. Пелевина «Generation П». М. Горчева сближает идейное содержание романа Пелевина «Generation П» и «Project Достоевский» Парушева: «в романе Парушева разыгрывается и ситуация ажиотажа в массмедиа после открытия рукописи. Рукопись, да и сама литература становятся “хитами”, их обсуждают в новостях по телевидению, используют в рекламах. Тем самым опровергается, что литература ни к чему не годится в наше время: оказывается, она нужна копирайтерам, как рассказывает и В. Пелевин в “Generation П”. Сюжет, смешивающий корпоративный блеск с иронией и романтическими ожиданиями счастья, какой мы видим в “Project Достоевский”, складывается из повествовательного разворачивания конвенций, подобно тому, как разворачивает сюжеты В. Пелевин, доводя их до абсурда (и эзотерики)».

М. Костова-Панайотова отмечает, что многие болгарские ученые разделяют изучение русской литературы XIX века и современной литературы, ориентируясь, в первую очередь, на сохранение традиций: «[К]лассика проникла во все области современной культуры, наполняет ее под формой скрытых реминисценций, аллюзий, цитат, перифраз... <...>. Может быть, потому что эти произведения оказываются “всеобщим коммуникационным кодом” литературы <...>. Поэтому современная литература не может отдалиться от классики, непрерывно подтверждает свою несвободу по отношению к старым идеям, приемам и проблемам» ([Костова-Панайотова 2018:602]). Об интересе к Пушкину упоминает и Божанкова: «Постмодернистский интерес к Пушкину — это одновременно ностальгический опыт “руин империи” и осмысленный выбор искусства заката, завершения, истощения, когда с каждым днем становится все яснее, что прошлое не просто “узкое”, а наконец-то завершено» ([Божанкова 2001:67]).

Присутствие Пушкина в период российского постмодерна многогранно: академические исследования, представляющие следующую или противоположную интертекстуальной концепции его творчества,

представляют диалог с национальной традицией и европейской культурой. Божанкова, к примеру, обращается к творчеству Пригова, отмечая, что автор «претендует на роль гораздо более значительную, чем постмодернистский постскрипtum Пушкина. Постмодернизм <...> проводит операцию над творчеством Пушкина, являясь зеркальным отражением его советской идеологизации — ищут и канонизируют тексты Пушкина, забытые и неполные, непристойные, непристойные, и даже с проблемной атрибуцией» ([Там же]).

Р. Евтимова изучает традиции русской классической литературы, присутствующие в литературе «новой», и называет ряд произведений современных авторов, которые, по выражению Евтимовой, стали примерами «опасных связей современных писателей с классическим каноном». В драматургии из произведений такого рода исследовательница называет отсылающие к творчеству Чехова «Чайку» Б. Акунина, «Четвертую сестру» Я. Гловацкого, «“Чайку” А.П. Чехова (remix)» К. Костенко и “Фирсиаду” В. Леванова, а также «Трех девушек в голубом» Л. Петрушевской, «Русское варенье» Л. Улицкой, из повествовательной прозы — произведения В. Сорокина ([Евтимова 2010:147]). Евтимова задается вопросом, действительно ли обращение к творчеству авторов XIX века так важно для современных писателей или «их привлекают этих авторы лишь для большей "наглядности"?» ([Евтимова 2010:148]). Литературовед предлагает интересный термин, который, с ее точки зрения, характеризует постмодернистский канон: авторы этого направления обладают «цитирующим мышлением» ([Евтимова 2010:147]), порождающим «шрамы» постмодернизма. Метафоры, предложенные Евтимовой, отражают скептическое отношение критика к литературе постмодерна. Ориентация на определенные эстетические ценности прямо декларируется в следующем высказывании Р. Евтимовой: «Мне кажется, что классика является единственной духовной основой современной русской литературы, это хранилище мифов, зеркало для настоящего, отправная точка, хотя иногда

порожденные из классического прототекста версии похожи на уродливых мутантов» ([Там же]).

В российском и зарубежном литературоведении неоднократно делались попытки найти определение постмодернизма. Болгарский литературовед Л. Боева, к примеру, предлагает свою трактовку этого явления, называя его «неомодернизмом», или «вторым этапом русского модернизма» Боева ([1995-1996:161]). «Плодотворной» болгарскому исследователю представляется концепция М. Эпштейна, который ищет связи литературы наших дней с литературой прошлых эпох.

Российский исследователь Е.Ф. Трущенко предлагает свой взгляд на статью Л. Боевой «Постмодернизмът в съвременната руска литература» («Постмодернизм в современной русской литературе»). Рецензент отмечает, что Боева, характеризуя литературный процесс 1960-х-1990-х годов в России, использует «терминологию, сложившуюся в литературной критике стран Запада», среди заметных черт статьи названа попытка Боевой классифицировать творческие манеры современных авторов, например, выделить такое направление, как неоэкспрессионизм (Л. Петрушевская, С. Каледина, Е. Тарасова) ([Трущенко 1999:79, 81]).

Наиболее масштабное исследование русского постмодернизма в Болгарии — монография Р. Божанковой «Постмодернистский русский текст», где рассматриваются истоки формирования и развития постмодернистской литературы в России, и анализируется творчество Венедикта Ерофеева, Виктора Ерофеева, М. Харитонова, Саши Соколова, Д. Пригова, Г. Сапгира, Т. Толстой, В. Сорокина, В. Пелевина и др.

В рецензии на книгу И. Уваров отмечает, что наиболее нетрадиционной исследовательнице представляется точка зрения Эпштейна. Спорным, по ее мнению, является суждение М. Эпштейна о том, что «социалистический реализм, отказавшийся от творческого авторского начала и оригинальности (что соответствует концепции «смерти автора»)), которые были заменены интертекстуальностью (бесконечным произвольным

и произвольным цитированием “священных” марксистских текстов), и воспринимавший себя заключительной стадией развития мировой культуры, представляет собой не что иное, как раннее проявление постмодернизма».

Уваров выделяет в монографии Божанковой ряд черт бытования постмодернизма: «интертекстуальность; трансгрессивность; альтерация истории; проблема так называемого «женского письма»; феномен Интернета; функционирование литературы во «Всемирной паутине», виртуальной реальности и т.д.». «Трансгрессивность», например, объясняется Божанковой как «нарушение общепринятых правил и канонов, свержение кумиров, стремление перейти границу дозволенного) в постмодернистских текстах проявляется в выборе тем, связанных со злом, насилием, сексом, в использовании мотивов инцеста, нарушении всевозможных табу, навязчивом употреблении нецензурной лексики (*terminologia obscena*)» ([Уваров 2002: 67, 64, 66]).

Р. Божанкова предлагает свою трактовку постмодернизма: «Есть много вопросов, которые определяют отправную точку для изучения русского постмодернизма: сопоставим ли он с западным и является ли это номинальным заимствованием, как в случае тех, кто развил национальную специфику русского почвенного романтизма, символизма, футуризма; возможен ли вообще постмодернизм, искусство постиндустриального общества, в России, где, по крайней мере, до середины 1990-х годов его не наблюдали (если, конечно, не предположить, что постсоциализм — это совершенно особая его разновидность); как постмодернизм соотносится с реализмом, который официально доминировал в предыдущий период, но не утратил части своих позиций за последнее десятилетие (что, несомненно, связано с неувядающим авторитетом неконформистских реалистов, таких как Солженицын или Астафьев). Реализм вписан в постмодернизм и постмодернистскую ситуацию или несовместим с ними?» ([Божанкова 2001:21]). Исследователь подчеркивает, что черты западного

постмодернизма, связанные с глобализацией, актуальны и для России, но есть ряд признаков, связанных с историческим развитием России (изоляция в советский период, например), которые формируют собственные культурные, религиозные, философские и литературные традиции. Божанкова, как и Боева, ссылается на М. Эпштейна, а также М. Липовецкого, А. Гениса и др. Одно из ведущих мнений о «генезисе» русского постмодернизма, как считает Божанкова, — мнение о «его соцреалистических истоках», «которое разделяет автор оригинальных и не менее спорных гипотез о современном культурном развитии Михаил Эпштейн. По его словам, социалистический реализм был одним из первых проявлений постмодернизма, т. е. русская литература в известном смысле опередила западные и проверила в своей версии то, что нашло в них выражение в конце 1960-х – начале 1970-х годов, не без влияния и вмешательства русско-европейско-американского писателя В. Набокова» ([Там же]).

Божанковой рассматривается и совсем радикальный подход, например, мнение П. Басинского о «конце постмодернизма»; Басинский квалифицирует постмодернизм как «феномен оплачиваемой культуры», для которого прекращение финансовой поддержки будет означать его конец постмодернизма; 1998 год Басинский признавал годом, когда в России постмодернизм «умер».

Обобщая разные взгляды и идеи российских литературоведов, Божанкова противопоставляет культуру постмодернизма и модернизма: «постмодернистский текст ориентирован как на знание, так и на невежество, на “посвященных” и на “профанов”, он, по-видимому, должен быть хотя бы на одном из своих уровней читабельным, пригодным для потребления, что отличает его от модернизма и ранних проявлений постмодернизма, в котором чтение становится тяжелым интеллектуальным трудом (таковы даже минималистические работы русских концептуалистов)» ([Там же]).

Божанкова предлагает интересную интерпретацию, говоря об эффекте двойного кодирования в постмодернистских текстах: «Доступность и криптография на разных уровнях текста — это вопрос предположений относительно языковой и общекультурной компетенции читателя, но образно мы можем представить себе двойное кодирование через эффект „лифта“ (в отличие от “лестницы” в классической литературе), в котором „этажи“ можно выбирать в процессе чтения, пропуская любые из них, не привлекающие внимания. Особенно успешно двойное кодирование практикуется при создании историко-художественных литературных произведений (в духе „альтернативной истории“), таких как романы У. Эко, М. Павича и в той или иной степени в русской версии В. Шарова». Продолжая свою мысль, Божанкова констатирует, что «постмодернистское двойное кодирование соответствует наблюдаемому в настоящее время разделению (или распаду) авторской идентичности на две ипостаси: первая — с созданием имени в элитарной литературе, а иногда и с академической карьерой, а вторая — с деланием денег на массовом рынке» ([Божанкова 2001:33]).

Болгарские исследователи обращаются также, например, к жанровым формам литературы постмодернизма. По мнению М. Горчевой, литература постмодернизма в целом, а в особенности творчество В.О. Пелевина, послужили появлению и популярности новых жанровых форм в литературе: «К социально-медиаальным антиутопиям примыкают и другие оригинальные и неожиданные сюжетные ходы так называемых фантастов. Вместо тоталитарных антиутопий нынешние авторы моделируют антиутопии медиаальности и подобия <...> экспериментирование пелевинского типа ясно дает понять, что условное отделение серьезной литературы от беспочвенной умозрительной экстраполяции в рамках «фантастики» теряет смысл. Авторитет русской литературы может послужить толчком к более пристальному изучению антиутопической линии» ([Горчева 2014:225]).

О жанровой специфике постмодернистов говорит и И. Захариева: «Во второй половине XX века целенаправленная символизация реалистического метода просматривается в творчестве создателей средних и крупных повествовательных моделей В. Аксенова, Ч. Айтматова, Ф. Искандера, А. Синявского-Терца, Вен. Ерофеева, С. Довлатова. Прогностическая фантастика была использована Василием Аксеновым для “просвечивания” современности в романе “Остров Крым”, а в романе “Ожог” он типизировал персонажей из среды интеллектуалов с подключением автобиографизма и общефилософского подтекста» ([Захариева 2003:37]).

Среди тех болгарских ученых, которые говорят о новейшей русской прозе, назовем А. Манчева, рассматривающего, в частности, произведения Е. Водолазкина («Авиатор») и Д. Глуховского («Текст»), как романы о «преступлении и раскаянии» ([Манчев 2020:349]). Манчев, обращаясь к трудам М. Бахтина, М. Звягиной и А. Эсалнек и др., выделяет черты романного жанра, на основании которых рассматривает романы Водолазкина и Глуховского: «аналитический подход к исследованию современного романа представляет собой триаду: личность (главный герой) — микросреда — макросреда, где, соответственно, понятие «макросреда» включает в себя и время, место событий, эстетико-нравственное, политическое состояние общества и другое» ([Манчев 2020:345]).

Опираясь на точку зрения самого Водолазкина, ученый анализирует образ главного героя, который проходит глубокий духовный путь: «Композиционная структура романа XXI века “Авиатор” подчинена, по нашему мнению, концепции автора Е. Водолазкина о центральной роли персональной ответственности каждой личности перед собой и обществом. Главный герой романа Иннокентий проходит трудный путь в понимании времени, в котором он жил, и осознании недопустимости совершения преступления человеком. <...> Пройдя долгий путь от счастливого детства (микросреда) через жизнь в тяжёлые времена для России (макросреда)

через совершённое преступление и раскаяние, главный герой Иннокентий приходит к выводу, что главное в мире — это личность, её история, её персональная ответственность, её «внутренние» нравственные законы» ([Манчев 2020:350]).

Главные герои романа Глуховского «Текст» и их поступки также рассматриваются через «макросреду» и «микросреду»: «Оба совершают преступления, при том, что микросреда их сделала очень разными в нравственном отношении» ([Там же: 348]). Главный герой Пётр вырос в благополучной среде (микросреда); «макросреда» повлияла на формирование его личности: «Автор романа <...> подспудно обвиняет и макросреду — общество, место работы Петра, историческое время, в котором допускается совершение должностного преступления стражами правопорядка в виде торговли наркотиками и, ещё страшнее — подбрасывание наркотиков избранным жертвам с целью их ареста для хороших статистических показателей раскрываемости преступлений. Макросреда и микросреда сделали из Петра того, кем он стал» ([Там же:350]). «Микросреда, в которой приоритет нравственных поступков был основой воспитания, привёл к становлению честной и нравственной личности. Макросредой для Ильи была Москва, в которой слились красивое место и счастливое время» ([Там же:351]).

Подводя итог, Манчев сближает романы Водолазкина и Глуховского следующим образом: «В переживаниях центральных персонажей двух романов — Иннокентия, Ильи, Петра — авторы формируют дискурс относительно ценностной системы современного молодого человека. Личность и её персональная ответственность, уникальность жизни каждого человека и его священного права на жизнь — это и есть, по нашему мнению, лейтмотив двух разных романов о преступлении и наказании. Это же и определяет концепцию романов в контексте их соотнесения с канонами классического романа воспитания» ([Там же:355]).

С особенным вниманием Манчев анализирует присутствующую в современной российской прозе тему войны, видя ее и у Водолазкина, и у, например, Л. Юзефовича и В. Пелевина. Опыт прочтения романов В. Пелевина «Чапаев и Пустота», Л. Юзефовича «Зимняя дорога» и Е. Водолазкина «Брисбен» показывает, как выстраивается «параллель между постмодернистской и реалистической интерпретацией гражданской войны» ([Манчев 2022: 99]). Так, в романе Пелевина тема Гражданской войны становится ведущим мотивом: «Нарративная стратегия автора строится как аллюзия на события и личности гражданской войны, в интерпретации братоубийственной войны как безумия. <...> Рефлексия главного героя на события 1919 и 1993 гг. тонкой нитью проходит через весь роман и предопределяет его сюжет» ([Там же: 100]). Роман Л. Юзефовича «Зимняя дорога» воспринимается, как отмечает исследователь, как продолжение пацифистского дискурса: «Нам представляется, что роман “Зимняя дорога” – это напоминание о бессмысленности гражданской войны и рефлексия автора на гражданскую войну на Украине второго десятилетия XXI в., и литературная попытка остановить сегодняшнюю братоубийственную войну» ([Там же: 102]).

Манчев сравнивает подходы к изображению войны Пелевина и Юзефовича: «У В. Пелевина в гражданской войне русский человек убивает русского человека, красный убивает белого и наоборот, что и обуславливает безумие гражданской войны. Л. Юзефович строит свой нарратив так, что посредством мифологемы “русский характер” раскрывает ещё более абсурдность и безумие гражданской войны в России в начале XX в.: русские герои убивали русских героев» ([Там же: 104]).

В романе «Брисбен» Е. Водолазкина раскрывается судьба главного героя Глеба Яновского, жизнь которого была разделена на время до и после Гражданской войны на Украине, но, как отмечает Манчев, Россия и Украина были для героя единым целым: «Главный герой романа Глеб с детства одинаково любил Неву и Днепр, русские и украинские песни, не разделял

русский и украинский народ – это для него был один народ. В период кризисных событий на Украине Глеб не изменяет своим убеждениям» ([Там же: 105]).

К военной тематике Манчев обращается также и в другой статье, речь в которой идет о романе А. Геласимова «Степные боги». Исследователь обращает внимание на то, что победа в Великой Отечественной войне становится ключевым ядром романа, автор на протяжении произведения неоднократно возвращается в этому мотиву, тем самым взаимодействуя с читателем: «Читатель со слезами на глазах наблюдает, как персонаж Петька <...> живет в едином ритме со своей огромной страной в стремлении к победе, гордится Победой над фашистами в Великой Отечественной войне. Красной нитью в романе проходит мотив победы и скорби по погибшим. Бесчисленное множество раз автор использует в романе лексему *победа*. Одновременно автор пишет и о потерях, о погибших: А. Геласимов короткими репликами персонажей или своими констатациями показывает, какими жертвами и бедами досталась Победа, сколько жизней война унесла» ([Манчев 2021:105]).

Манчев выделяет в романе несколько сюжетных линий: первая связана с детством героя, война «украла» у детей это счастливое время: десятилетний Петька лишен детства из-за войны; вторая сюжетная линия – это история отбывания срока в лагере для военнопленных японского доктора Хиротаро. Персонаж доктор Хиротаро – сформировавшаяся личность с самосознанием, со своей ценностной системой, со своими представлениями о добре и зле. Третья сюжетная линия – это история самурайского рода доктора Хиротаро. Манчев отмечает необычность хронотопа: писатель «свободно перемещается по оси времени, то погружаясь во времена столетиями назад, то возвращаясь к Кёнигсбергу в апреле 1945 г., то в Забайкальскую степь лета 1945 г., то к Сталинграду 1943 г.» ([Там же: 107]). В романе появляются и другие топонимы: Берлин, Будапешт, Кёнигсберг, Сталинград, Забайкалье, Халхин-Гол, озеро Хасан, Нагасаки. О символике романа Манчев пишет:

«Художественный мир произведения насыщен символами веры в бессмертие погибших на войне солдат, что является отражением внутреннего мира героев романа. Образ птицы, образ жаворонка, крылья птицы – символы бессмертия. У славян жаворонок всегда прекрасный символ – “божья” птица. Поляки жаворонка называют певцом Божьей матери, он приносил ей вести о Христе, предсказал его воскресение, а потом был взят ею на небеса» ([Там же: 108]).

Болгарские литературоведы в процессе преподавания «новой» литературы в университетах ищут интересные подходы, применяя элементы литературной игры. Например, Божанкова представляет терминологию постмодернизма в виде алфавита: «Алфавит — это <...> удобная матрица для теоретизирования о постмодернизме». *«Постмодернистская кириллица»*, содержащая в себе основные понятия постмодернизма, с точки зрения исследователя, может быть полезна при изучении этого направления студентами в Болгарии (с этой целью студентам предлагались соответствующие задания в период с 1996 по 2001 гг.): «Создание такого глоссария, вероятно, привлекательно еще и тем, что единственная закономерность — сама кириллица — известна каждому, поскольку он знает себя, а все остальное — сложная бессистемная, фрагментарная игра слов, в которой самое заманчивое то, что это имеет научные последствия» ([Божанкова 2002]).

Интерес представляет, например, подбор терминов на букву «М»: М — мета-, мистификация, метатекст, многослойность, матрица, мультимедиа, минимализм, массовая культура, манипуляция и др. или, к примеру, буква «Ч»: черновик, «Чапаев и Пустота» (В. Пелевин), чат и др.

Исследователь отмечает, что «алфавит» становится одной из форм бытования литературы постмодернизма: такова, например, «Азбука» Чеслава Милоша, созданная в форме энциклопедического словаря, или «Кысь» Т. Толстой, где названия глав представлены названиями букв кириллицы — Аз, Буки, Веди, Глаголь, Добро, Есть, Живете и т.д. Божанкова

предполагает, что для Т.Толстой представление глав в виде «алфавита» связано с темой утраченной культурной памяти: «Алфавиту <...> отводится роль архаизирующего элемента в постмодернистском смешении исторических времен, представлений, образов и имен, конструирующем утопический мир после Взрыва...» ([Божанкова 2002])

4.2. Переводы и издательская практика (1990-е – 2020-е)

Как уже отмечалось, в конце 1990-х- начале 2000-х намечается спад в переводах русской литературы в Болгарии, однако за последнее десятилетие ситуация меняется все-таки в лучшую сторону: многие переводчики занимаются именно популяризацией русской литературы: речь идет как о российских (Д. Коробко, И. Тотоманов), так и о болгарских переводчиках (З. Петрова, А. Пенчева, Б. Станков) и др.

В 1990-е годы восстанавливается интерес болгарского читателя к русской литературе. В это же время уже были известны в Болгарии произведения Виктора Пелевина, книги которого, как отмечает Кирова, очень быстро стали популярны у болгарского читателя: в 1988 г. выходит в переводе на болгарский язык сборник рассказов, а в 1999 г.— «Generation П». Божанкова также говорит о художественном мире Пелевина и его особой манере письма: «Миражный мир Пелевина является одним из новейших творений метафизической русской прозы, теория которой была разработана и представлена Юрием Мамлеевым, чьи монстры, уроды и оборотни были допущены в мир человека не для того, чтобы продемонстрировать, как это было у концептуалиста Виктора Сорокина, механику чудовищности, не для того, чтобы освободить социум от ответственности и извлечь корень зла из природы в духе учения Николая Федорова, а для того, чтобы открыть путь к мистическому, темному, “внутреннему” человеку» ([Божанкова 2001]). М. Горчева приходит к выводу, что именно В. Пелевин и В. Сорокин становятся для болгарской аудитории особенно значимыми и оказывают

влияние на современную болгарскую литературу: «Указанные русские авторы представляют не литературу для наслаждения или спасения, а как бы литературу кризиса в его этимологическом смысле — как „разрешения“» ([Горчева 2014: 225]). Р. Божанкова замечает: «Явление Сорокин с его дерзостью и чудовищной изобретательностью, действительно, феномен новой литературы; его творчество ассоциируется с исключительно высокой степенью агрессивности по отношению к нормам, к всеобщим принятым представлениям о человеке и человечности, разделяемое искусством разных эпох» ([Божанкова 2001: 82]).

М. Кирова среди авторов, которые пользовались в Болгарии особой популярностью в 1990-х, называет В. Суворова: «Необычным является тот факт, что среди самых продаваемых и интересных для болгарской публики является писатель второго ряда для русской литературы Виктор Суворов <...> Его болгарский дебют состоялся в 1995 году, когда Torch Express опубликовал роман “Контроль”. Первое издание книги “разошлось” еще до того момента, как оно было выгружено из типографии. <...> В 1997 году выходит другой роман писателя, “Выбор”. В целом можно сказать, что Суворов, пожалуй, самый успешный автор 90-х годов в Болгарии» ([Кирова 2009]).

В 2000-х одним из наиболее востребованных писателей для болгарского читателя оказался Сергей Минаев, «автор с самым громким успехом в начале XXI века <...> Издательство “Персей” опубликовало обе части “MediaSapiens”, затем “The Телки” и книгу “Духless”, которая оставалась на вершине рейтинга бестселлеров в течение пяти месяцев. А “The Телки”, выпущенные в 2009 году, также могут считаться бестселлером на болгарском рынке с тиражом в 5000 экземпляров. С Сергеем Минаевым мы фактически перешли на новое тематическое направление: русская “массовая” литература и ее способность покорять болгарских читателей» ([Кирова 2009]).

Все возрастающее заметное присутствие на литературном поле «массовой» литературы становится одной из тенденций эпохи 2000-х гг. Диапазон «массовой» культуры в Болгарии расширяется благодаря авторам, известным жанрами детективной прозы: Александра Маринина, Дарья Донцова, Виктория Платова, Марина Юденич и др. При этом Кирова отмечает: «Несмотря на поразительное женское давление, в этом рейтинге все же есть мужчина — Андрей Воронин; только за последние два или три года четырнадцать его романов были переведены; для Воронина и Маринины впечатляет не только скорость их перевода, но и скорость написания самих книг» ([Кирова 2009]).

В конце 1990-х - начале 2000-х в Болгарии появляются переводы В. Сорокина, вскоре после того, как они были напечатаны по-русски: рассказ «Настенька» (2001), романы «Сердца четырех» (1995), «Тридцатая любовь Марины» (2003) и др. М. Кирова отмечает, что с 2005 года коллаборация издательств выпускает серию книг, объединенных под названием New Prose. Кирова отмечает, что оно опубликовало около тринадцати именно русских книг, что говорит о популярности российских авторов (например, «Остров Крым» В. Аксенова, «Заповедник» и «Иностранец» С. Довлатова, «Это я — Эдичка!» Э. Лимонова, «Монументальная пропаганда» В. Войновича, «Школа для дураков» Саши Соколова).

При этом в 2000-х, несмотря на то, что произошел некоторый спад в изучении русской литературы, Н.А.Луныкова констатирует, что ситуация с переводной русской литературой в Болгарии развивается положительно и в 2000-е, и в более позднее время (Луныкова анализирует ситуацию вплоть до 2015), исследовательница отмечает, что «некоторые переводы вышли почти сразу же после издания оригинальных текстов в России»²⁹. Выделены

---

²⁹ Игры гения, или жизнь Леонардо“ (2006) А. Королева, „Искренне ваш Шурик“ Л. Улицкой (2007), „Венерин волос“ М. Шишкина (2007) и др.; некоторые переводы появились значительно позже: „Жизнь и судьба“ В. Гроссмана (2009), „Энциклопедия русской души“ В. Ерофеева (2005), „Николай Николаевич“, „Кенгуру“ (2007) Ю. Алешковского, „Остров Крым“

авторы, которые пользуются особой популярностью у болгарской аудитории: например, Виктор Пелевин, «ставший известным в Болгарии в конце 1990х гг., продолжает переводиться и сейчас» ([Луныкова 2016: 93]).

В 2018–2022 годы вектор развития переводов прозы в Болгарии направлен в первую очередь на уже получивших известность авторов «новейшей» русской литературы, а также на творчество писателей, новых для книжного рынка Болгарии. При достаточно активном издании авторов русского постмодернизма, интересе к этому направлению у болгарской публики, авторы классической русской литературы XIX–XX вв. в настоящее время почти совсем не переиздаются, а на полках книжных магазинов все чаще можно увидеть западную литературу, заключает К. Момчилов ([Момчилов 2021: 183]).

Обсуждая переводную рецепцию «новейшей» прозы, А.Н. Манчев констатирует особенное внимание в современной Болгарии к ряду авторов (названы романы, вышедшие в переводах на болгарский до 2018 года): «Интересно, что самый переводимый современный русский автор – А. Маринина: переведены и изданы 38 романов. Затем следует Б. Акунин – 32 романа, далее С. Лукьяненко – 22 романа, В. Пелевин – 13 романов. Переведены также книги Д. Глуховского – 7, Л. Улицкой – 6, С. Минаева – 6, Д. Донцовой, Т. Поляковой, Т. Устиновой, Вик. Ерофеева, Л. Пучкова, М. Юденич – по 5-6» ([Манчев 2019:350]). Манчев рассматривает, какие авторы «новейшей» литературы включены в учебные университетские программы, связанные с подготовкой филологов-русистов (в качестве примера предлагается содержание программы Софийского университета имени Св. Климента Охридского): «Фактором рецепции новейшей русской прозы в Болгарии является содержание учебных программ филологических факультетов болгарских университетов. <...> Авторы, которых изучают

В. Аксенова (2005), „Это я – Эдичка“ и „У нас была великая эпоха“ Э. Лимонова (2005), „Школа для дураков“ Саши Соколова (2007), „Монументальная пропаганда“ В. Войновича (2005) и др.

студенты-филологи, — В. Пелевин, Б. Акунин, Л. Улицкая, О. Славникова, Д. Гуцко, Н. Искренко, Е. Исаева» ([Манчев 2019:356]).

Активно издаются и относительно новые для болгарской публики авторы: например, в 2019 г. выпущен роман писателя и сценариста Олега Роя «Фантомная боль». Выходит в переводах на болгарский «женская проза»: в 2021 г. И. Тотомановым были переведены роман Д. Рубиной «Белая голубка Кордовы», а в 2022 г. — триллер-антиутопия Я. Вагнер «К озеру», и др.

Среди относительно новых для болгарского читателя авторов выделяется Е. Водолазкин, один из наиболее обсуждаемых в России авторов, которого впервые перевели на болгарский язык только в 2020 г.: роман «Авиатор» издан в переводе З. Петровой, «Лавр» — в переводе А. Пенчевой. Важно отметить, что, несмотря на непростую политическую ситуацию, после февраля 2022 года в Болгарии все же появляются новые переводы произведений российских авторов. К примеру, роман Водолазкина «Оправдание Острова» издан на болгарском в марте 2022. Е. Крестева, редактор книги, в эфире радио «София» отмечает, что «Оправдание Острова» оказывается очень актуальным в настоящее время: «Евгений Водолазкин отправляет нас в другую эпоху, он рассказывает о Средневековье, но книга выходит сегодня, во время войны и тревог, и кажется, что она написана вчера. <...> В книге много отсылок к Библии, это роман о поисках праведников сегодня и о том, что путь преодоления кризисов, конфликтов и истребления — это в конечном счете любовь, прощение, путь поиска того, что нас объединяет» ([Крестева 2022]).

В ноябре 2022 г. в переводе Б. Даракчиевой издан роман А. Сальникова «Отдел», в июле 2022 г.— роман «Дебютант» сравнительно нового как для русской, так и болгарской культуры автора С. Лебедева. Лебедев заявил о себе в России в последнее десятилетие, но уже нашел своего читателя в Болгарии. Его дебютный роман «Предел забвения», переведенный на разные языки и представленный в разных номинациях литературных

премий, в 2016 году был включен «Wall Street Journal» в список 10 лучших переведенных книг года. В Болгарии этот роман переведен в 2020 г. российским переводчиком Д. Коробко, ставшим победителем престижного ежегодного конкурса Союза переводчиков Болгарии. Издательство «Круг» («Кръг») опубликовало интервью с переводчиком, где он отметил, что и в дальнейшем планирует работать над переводами произведений Лебедева на болгарский ([Коробко 2020]). Творчество Лебедева собрало многочисленные положительные отзывы в критике. А. Апостолова, например, отмечает, что писатель мог бы выбрать «острый» сюжет, понятный своему поколению, но идет другим путем: «Лебедев мог бы написать остросюжетный, почти детективный роман. Или драматически-трогательную историю, подробно раскрывающую будни в лагерях <...> Или создать русскую копию какого-нибудь из многочисленных недавних романов с тегом „Освенцим“. Но писатель выбирает другой подход» ([Апостолова 2020]). Апостолова называет рядом с именем Лебедева имя другого российского автора, М. Степановой, которая также является сравнительно новым именем для болгарской литературы: «Все время, читая роман, я проводила неизбежную параллель с масштабным произведением “Памяти памяти” Марии Степановой (издательство «Жанет 45», 2019 г.), в которой тоже, хотя и с другого ракурса и в другом ключе, рассматривается проблема памяти». Болгарская писательница Я. Радева дает свою оценку произведению Лебедева «Предел забвения» и констатирует, что «это не роман о ГУЛАГе, а роман о месте человека в мире, об ответе на вопрос, что мы забываем в пределе забвения, о будущем, которое не может произойти без прошлого. И прошлое может обрести покой не тогда, когда оно забыто, а тогда, когда оно встретит мертвых и живых в слове» Радева ([2021:6]).

Одним из направлений рецепции русской литературы XXI в. в Болгарии становится поиск наиболее подходящих стратегий при переводе постмодернистской литературы.

К примеру, А.И. Пенчева рассматривает труднопереводимые эпизоды романа Пелевина «Любовь к трем цукербринам»: интертекстуальность прозы писателя требует от переводчиков дополнительных знаний. Отмечается, что в определенных случаях переводчик может рассчитывать на осведомленность читателя: «Автор цитирует израильско-британского физика Д. Дойча – эксперта по квантовой информатике. Поскольку т. н. “эффект бабочки” широко известен, принадлежит к универсальным культурным знаниям, он не нуждается в пояснении ни в тексте оригинала, ни в тексте перевода» ([Пенчева 2020:78]). Напротив того, обращение к поэме В. Ерофеева «Москва-Петушки» в романе Пелевина, переведенном известным переводчиком Б. Мисирковым), без комментария для болгарского читателя может быть не опознано, хотя, видимо, вполне понятно для читателя российского (в связи с этим перевод сопровождается примечанием о Ерофееве). Понятно, конечно, что сопоставимые проблемы возникают при переводе отнюдь не только постмодернистских текстов, но последние особенно последовательно, «программно» цитатны.

Как отмечает Пенчева, перевод, к примеру, следующей фразы из романа Пелевина нуждается в дополнительных пояснениях: «Это и есть та самая нуль-транспортировка, о которой столько говорили шестидесятники, не понимая до конца, в чем дело». Современному болгарскому читателю, как считает ученый, в данном контексте будет не совсем ясна как аллюзия к братьям Стругацким (термин „нуль-транспортировка“ использован в цикле романов «Мир полудня»), так и отсылка к поколению авторов-шестидесятников: «<...> если для российского читателя вполне понятно, что шестидесятники – это выдающееся поколение советской интеллигенции (Б. Окуджава, Б. Ахмадулина, А. Вознесенский, В. Высоцкий), проявившее свои творческие возможности в 60-е годах XX в., то немногие из болгарских читателей <...> догадались бы об этом» ([Пенчева 2020:79]).

В другой статье, посвященной переводу романа Водолазкина «Лавр», Пенчева констатирует, что этнографические реалии, которые появляются

в тексте, (что в целом всегда представляло некоторую сложность для переводчика), необходимо адаптировать для болгарского читателя: «Специфические виды одежды (рубаша, порты) переводились методом генерализации <...>. Это, к сожалению, приводило к нейтрализации реалий и потери национального колорита. <...> Часть реалий, характерных для русского быта, вошли в болгарский язык и употребляются регулярно, поэтому не нуждаются в переводе: лапти, кафтан» ([Пенчева 2021: 77]). В некоторых случаях приходится искать эквиваленты, понятные болгарскому читателю: «Для ограниченного числа трав (ряска, баклан, трава сава, Енох) не удалось найти никакой информации в сборниках лечебных трав. Тогда переводчик ориентировался по описанию и подыскивал подходящий функциональный аналог (ряска — синкава люцерна; баклан — жълтурче; ефилия — живовляк). Всего в двух случаях был использован прием транскрибирования (трава сава – сава трева, Енох — бялата трева Енох). В данном случае транскрипция позволяет сохранить национальный колорит без потери смысловой нагрузки» ([Пенчева 2021: 78]).

Многие из уже упомянутых авторов как «массовой», так и «высокой» прозы продолжают активно издаваться в Болгарии и сейчас. Например, Б. Акунин как был, так и остается одним из самых переводимых российских писателей современности: в переводе российского переводчика Д. Коробко выходят на болгарском в 2021 г. его роман «Просто Маса» и книга «Сказки народов мира», а в 2022 г. — роман «Седмица Трехглазого». Произведения А. Марининой также продолжают активно переводиться: в 2020 г. выходит на болгарском её роман «Другая истина» (переводчик З. Петрова), а в 2022 г. — романы «Безупречная репутация» и «Личные мотивы». В 2019-м в Болгарии издан роман С. Лукьяненко «Линия грез». В 2021 г. в издательстве «Лист» выходит роман А. и Б. Стругацких «За миллиард лет до конца света» (издан в России еще в 1976-м). Одни из последних переведенных романов Пелевина изданы в 2017 г.: «Жизнь насекомых» (И. Тотоманов, переводчик нескольких романов писателя); «Любовь к трем

цукербринам» (переводчик А. Пенчева) и «Empire V» (переводчик Б. Станков).

Следует отметить, что одной из тенденций переводной литературы в последние годы становится формирование круга переводчиков и издательств, которые отдают предпочтение тому или иному писателю. «Русские детективы в основном печатаются в издательствах „Гермес“ („Хермес“) и „Труд“ („Труд“))» ([Луныкова 2016: 91]). Издательство «Лист» выпускает произведения Водолазкина, «Кръг» — романы С. Лебедева, «Гя-Либрис» издает некоторые произведения Пелевина, «Лабиринт» — романы Рубиной и др. В одном из интервью П. Тотев, известный болгарский издатель, литературовед и журналист, основатель издательского дома «Персей», специализирующегося на издании художественной литературы, отмечает, что зачастую «открывает» болгарской аудитории творчество новых писателей, книги которых в дальнейшем выпускаются огромными тиражами: «Я предпочитаю разную литературу, которая может быть не столь популярна на книжном рынке. Я получаю удовольствие от открытия новых авторов. <...> Так случилось и с русскими писателями Александром Бушковым и Сергеем Минаевым» ([Семерджиева 2022]). Издательство «Персей» сыграло большую роль в публикации произведений этих двух авторов: выпущено несколько романов С. Минаева (один из последних, «Р.Б.А.», вышел в 2015 году в переводе И. Николовой») и А. Бушкова, известного в Болгарии серией книг «Охота на Пиранью». В 2019 году издательство «Персей» выпустило еще один роман писателя, «Волчья стая». В разговоре с издателями А. Бушков отмечает, что Богомил Райнов («Господин Никто», 1967; «Большая скука», 1971 и др.), известный болгарский писатель, автор детективного цикла книг о суперагенте Эмиле Боеве, является «его любимым

писателем, у которого он учился»³⁰. Один из героев романа Бушкова «Волчья стая» носит имя «Эмил Боев» в честь «учителя».

Для полноты картины рецепции русской литературы в Болгарии в постсоветское время позволим себе, отклоняясь от нашей основной темы, кратко сказать о том, как обстоит дело с восприятием драматургии и поэзии.

Здесь также, разумеется, есть случаи рецепции, запаздывающей на несколько десятилетий по политическим причинам; так, только в 2014 г. на болгарском публикуется репрезентативное издание произведений Хармса, включившее, в частности, пьесу «Цирк Шардам».

Болгарские режиссеры активно ставят спектакли по мотивам произведений русских авторов. Предпочтение отдается классическим постановкам, хотя некоторые из них адаптированы под современного зрителя³¹. Что касается драматургии обсуждаемых нами десятилетий, то ставятся, в частности, Вампилов («Провинциальные анекдоты» в софийском Национальном театре сатиры „Алеко Константинов“), Шукшин («Энергичные люди» в Драматическом театре «Гео Милев» в Старой Загоре). Пользуются популярностью произведения современных российских авторов:

---

³⁰ Излезе новия роман на А. Бушков [Электронный ресурс]. URL: <https://sofiapress.com/culture/aleksandar-buchkov-bogomil-rainov-e-lubimiat-mi-pisatel-ot-kogoto-sam-se-uchil/>. Дата публикации: 17.11.2019.

³¹ Гоголевские «Ревизор», «Женитьба» (театр «София»), «Записки сумасшедшего» (театр «Возрождение» в Софии), повесть «Нос» (Театр 199 «Валентин Стойчев» в Софии), чеховские «Вишневый сад» (Национальный театр «Иван Вазов» в Софии и Драматический театр «Гео Милев» в Старой Загоре); «Иванов» (Молодежный театр «Николай Бинев» в Софии и Драматический театр «Невена Коканова» в Ямболе); инсценировка «Анны Карениной» Толстого (Театр «София»). Некоторые постановки интересны индивидуальным режиссерским подходом: например, спектакль «L» поставлен по мотивам произведений Чехова и Набокова (Театр «Ателье 313» в Софии). Заслуживает внимания современное прочтение пьесы Горького «Дачники» одного из самых известных болгарских режиссеров И. Пантелеева (Национальный театр «Иван Вазов», постановка 2018 года). В разных театрах идут спектакли по произведениям Булгакова: «Мастер и Маргарита» и «Морфий» (Молодежный театр «Николай Бинев» в Софии).

Что касается сценических переводов, то по большей части используются те, которые вышли еще в прошлом столетии и признаны «классическими». Например, одна из последних постановок «Вишневого сада» в Болгарии (2021) представлена в переводе 1978 г., выполненном одним из лучших переводчиков, Венцелом Райчевым (Драматический театр «Гео Милев»). Спектакль «Волшебное озеро» (по мотивам «Чайки») был поставлен Драматическим театром „Стоян Бачваров“ (Варна) в сценической редакции перевода пьесы 1906 г. Немила-Недрага (псевдоним писателя и переводчика Христо Герчева).

поставлены, например, пьесы А. Дьяченко «Мечта идиотки» (Театр „Болгарская армия“ в Софии) и П. Гладилина «Мотылек». Многочисленные отзывы собрала постановка «Особенность русской любви» по мотивам пьесы А. Галина «Сирена и Виктория» (Драматический театр «Стефан Киров» в Сливене).

Одно из главных событий в мире переводной русской поэзии в Болгарии — это публикация в 2012 году книги переводов, выполненных известным поэтом К. Кадийски³², — «Антология русской классической поэзии XII – XXI веков» («Антология на руската класическа поезия от XII — XXI век»). Такое масштабное издание (представлены стихотворения более 150 авторов) появилось в Болгарии впервые с 1983 года³³. В антологию Кадийски включены как уже переведенные на болгарский язык стихотворения, так и новые, не переводившиеся ранее. Русская поэзия второй половины XX века представлена здесь именами Берггольц, Шаламова, Симонова, Алигер, Рождественского, Ахмадулиной, Евтушенко, Окуджавы, В.Г. Куприянова, О.Н. Хлебникова, Ю. Мориц.

В 2015 году отдельной книгой «Цената на победата» («Цена победы») в переводе Христо Бондокова публикуются стихотворения о Великой Отечественной войне Симонова и Высоцкого (о связях Симонова с Болгарией было сказано выше, а Высоцкий в 1975 году приезжал в составе труппы Театра на Таганке) ([Раевская 2009]).

---

³² Заметим, что в 2014 году в переводе К. Кадийски выходит лирический сборник Лермонтова: «Кадийски объяснил принципы отбора лермонтовских стихотворений для переводов, а также свой замысел: помещать параллельно тексты на русском и на болгарском языках» ([Барковская 2015: 110]).

³³ Еще одна антология, «Реката на времето» («Река времен»), изданная в 2020 году, представляет русскую поэзию в переводах одной из самых известных переводчиц русской классической и современной поэзии на болгарский язык М. Шандурковой. Название книги «Река времен», как отмечается автором в предисловии, отсылает к первому стиху последней оды Державина «На тленность», строки которой складываются в акrostих «Руина чти», тем самым подчеркивается важность поэзии автора как для русской, так и болгарской культуры. В сборник включена не только философская лирика Державина, но и стихотворения Пушкина, три стихотворения Гоголя. Творчество Лермонтова представлено наиболее масштабно: в книге более 40 его стихотворений, а также поэма «Демон».

В Болгарии и в России проводятся различные мероприятия, связанные с поддержкой переводческой деятельности. Например, в 2018 г. в Москве прошел V Международный конгресс переводчиков художественной литературы, в котором приняли участие около 400 переводчиков со всего мира. В номинации «Поэзия» победителем стал К. Кадийски за перевод лирики Тютчева ([Сметанина 2018]).

В сентябре 2022 года в Болгарии на ежегодной национальной премии Союза переводчиков известному российскому переводчику И. Тотоманову, автору многочисленных изданий «постмодернистской» русской литературы на болгарском, была вручена «награда за вдохновенные переводы произведений русской и русскоязычной прозы XX и XXI веков, за долгую и самоотверженную работу редактора, профессионализм и обогащение болгарской культуры»³⁴.

---

³⁴ <https://www.bgtranslators.org/index.php/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D0%B8.html> (Дата обращения: 30.09.2022).

Заключение

Проведенное исследование восприятия, переводов и оценки русской прозы 1950-х – 2020-х гг. в Болгарии и обобщение результатов трудов болгарских ученых показывают, что их исследования внесли весомый вклад в осмысление художественных достижений отечественной литературы. Многочисленные примеры переводов, интерпретации, личных контактов между русскими и болгарскими писателями свидетельствуют о богатстве и многообразии русско-болгарских литературных связей на протяжении всего рассматриваемого периода, при всех резких поворотах исторических судеб наших народов на рубеже 1980-х – 1990-х гг. Болгарская русистика в течение второй половины XX в. превратилась в развитую область национальной науки, имеет богатую традицию, поддерживаемую в настоящее время в университетах страны.

Экскурс в историю болгарской русистики дает основание выделить в её формировании и развитии три основных периода, отразивших особенности исторического пути болгарского народа, его культуры, литературы и национального литературоведения: 1846-1946 гг.; 1946-1989 гг.; с 1990-х гг. по настоящее время.

В течение первого периода 1846 по 1946 гг. происходит зарождение и формирование русистики как академической научной дисциплины. Начало этапа связано с введением в 1846 г. преподавания русского языка в школе, окончание — с открытием кафедры русского языка и литературы в Софийском университете в 1946 г. В это время сложился систематический интерес к русской литературе, ее переводу и изучению. Одним из пионеров академической русистики был крупный ученый конца XIX — начала XX вв. И. Шишманов. В межвоенные годы на популяризацию и изучение русской литературы влияли разнонаправленные тенденции: представители левых сил обращали внимание на идейную направленность и отражение революционных событий (Г. Милев и др.), а русские ученые-эмигранты,

включившись в болгарскую академическую и научную среду, принесли в нее исследовательский опыт русской научной мысли (П.М. Бицилли и др.) при исследовании Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Чехова. Русские ученые (эмигранты и выходцы из эмигрантских семей) продолжили играть важную роль в исследованиях русской литературы и в дальнейшем (Н.М. Дылевский). Преподавание русской литературы в высшей школе имело место в Болгарии и во время Второй мировой войны, несмотря на присоединение страны к войне на стороне Германии.

Второй период болгарской литературоведческой русистики охватывает 1946-1989 гг., когда она развивалась в условиях Народной республики Болгария, выбравшей социалистический путь развития. Привилегированное положение русского языка, перевода и изучения русской литературы в это время было следствием идеологической близости наших стран, государственной поддержки переводческой деятельности, расширения сферы преподавания русского языка и литературы и изучения их в высшей школе. Болгарская наука о литературе опиралась на ту же, что и советская, методологическую исследовательскую базу — соцреализм. Либерализация общественной жизни в СССР и Болгарии во второй половине 1950-х-1960-е гг. способствовала отказу от прямолинейной и упрощенной трактовки литературы, в том числе русской. В этой обстановке зарождается интерес к творчеству русских писателей-деревенщиков, авторов «городской» прозы и новым произведениям о Великой Отечественной войне.

В 1960-е гг. наряду с Софийским университетом, крупными исследовательскими центрами стали Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского (основан в 1961 г.); Великотырновский университет Св. Кирилла и Мефодия (основан в 1963 г.) и др. Плодотворно работали такие крупные исследователи, как Н.М. Дылевский (основал кафедру русского языка и литературы в Софийском университете), Г. Германов, С. Русакиев, В. Велчев, М. Каназирская, Х. Дудевский и др. В болгарской высшей школе трудились также русские ученые, окончившие

российские вузы и переехавшие в Болгарию, Л. Боева и И. Захариева. В последующие годы изучением русской литературы занимались также ученые следующего поколения: П. Троев, Р. Евтимова, Р. Русев, И. Владова, Р. Божанкова. Основание «Болгарской ассоциации русистов» (1967) и специализированного научного журнала «Болгарская русистика» (1974) сыграли особую роль в дальнейшем обогащении научных исследований русской литературы.

Третий период начинается в 1989 г. и продолжается по настоящее время. Радикальные изменения в политической и общественной жизни в нашей стране и самой Болгарии обусловили поиски новых эстетических (критическое отношение к соцреализму и последующий отказ от него) и художественных ориентиров. На первый план сначала выходит изучение произведений, критически оценивающих советское прошлое (Пастернак, Солженицын, Синявский, Бродский), а затем появляется ряд исследований об авторах русской постмодернистской прозы (В. Пелевин, В. Сорокин и др.).

Интерпретация болгарскими учеными «деревенской», «городской», «военной» прозы, мужественного таланта Солженицына, авторов русской постмодернистской литературы является проявлением плодотворных межлитературных и межкультурных связей русской и болгарской литератур. Кроме того, интерес к авторам и произведениям русской литературы поддерживался вызреванием и обогащением типологически родственных явлений в болгарской прозе.

Анализ основных тенденций, тематики и проблематики русской «деревенской прозы» в Болгарии (этому посвящена вторая глава работы) показывает, что это явление рассматривалось болгарскими учеными наиболее подробно, что связано в первую очередь с тем, что для болгарской культуры это направление являлось ключевым для развития также национальной литературы (болгарские писатели, например, Николай Хаитов, Васил Попов, Ивайло Петров, Йордан Радичко, также обращались к мифопоэтике,

проблематике и другим аспектам «деревенской» прозы). При этом было отмечено влияние русской «деревенской прозы» на тематически близкую болгарскую, а также выделены некоторые общие социокультурные особенности, сближающие русский и болгарский народы (например, творчество В. Попова и В.Г. Распутина).

В этой главе отмечается также, что Распутин и Шукшин — авторы, которые на протяжении многих лет оставались самыми читаемыми в Болгарии, их творчество полноценно проанализировано учеными, а для болгарского читателя они остаются близкими по национальному сознанию и менталитету.

Среди наблюдений, сделанных болгарскими русистами и обнаруживающих плодотворные возможности взгляда «со стороны», отметим, что к «деревенской прозе» болгарские исследователи относят творчество Ч. Айтматова (здесь как определяющий фактор воспринимается мифопоэтическое начало).

Творчество Ю.В. Трифонова как главного представителя русской «городской» прозы являлось важным звеном болгарского литературного процесса 1960 – 1980 гг.: тема города занимает важное место и в болгарской литературе. Произведения некоторых болгарских писателей (Б. Райчев, С. Стратиев и др.) сопоставимы по идейному содержанию, проблематике и характерам героев с творчеством Трифонова. При этом «болгарский» период в жизни Трифонова оказал влияние и на творчество самого писателя (очерк «Самый маленький город»), став частью его личной истории. В настоящее время произведения автора нечасто упоминаются в критике, но тем не менее, как отмечают ученые, они представляют важность для культуры Болгарии.

Рассмотрение особенностей изучения т.н. «лагерной» прозы обнаружило, это явление не совсем знакомо филологам-студентам, но болгарская общественность все же прочно ассоциирует его с именем Солженицына. История обсуждения автора в болгарской публицистике

XX века и бытования его произведений в самиздате очевидно сопоставимы с тем, что происходило в СССР. Современные болгарские исследователи отмечают в его творчестве не только антисоветскую направленность, но и воспринимают писателя как одну из главных фигур литературного процесса XX века. В настоящий момент продолжают переводиться и издаваться произведения писателя (например, полный текст перевода «Архипелага» впервые вышел на болгарском языке только в 2015 году), что отражает явный интерес к творчеству автора.

Русская «военная» проза в Болгарии не стала для болгарского литературоведения таким же масштабным и значимым явлением, что обусловлено особенностями развития национальной литературы. Период Второй мировой войны стал не только эпохой сопротивления фашистскому режиму, но и временем сложного конфликта внутри страны. При этом русская «военная» проза стала знакома болгарскому читателю; переводы произведений появляются на болгарском после 1944 года, когда возобновились взаимоотношения России и Болгарии (М. Шолохов, И. Эренбург, К. Симонов и др.). Наблюдая значительный интерес, который вызвали в Болгарии произведения некоторых советских прозаиков, писавших о Великой Отечественной войне (прежде всего это Ю. Бондарев, В. Быков, К. Симонов, В. Гроссман и др.), приходится, тем не менее, констатировать, что восприятие в Болгарии произведений на эту тему имеет весьма выборочный характер, — это касается и переводов, и исследований.

Что касается «новейшей прозы» и литературы постмодернизма, то выявлено, что именно она определяет вектор изучения русской литературы как в 2000-е годы, так и в настоящее время. Одной из тенденций 2000-х годов становится присутствие на книжном рынке Болгарии переводов авторов «массовой» литературы (С. Минаев, Д. Донцова, А. Маринина и др.). При этом авторы «высокой» прозы все же составляют главный интерес болгарского читателя. Литература постмодернистского типа (В. Сорокин, В. Пелевин) является в Болгарии одним из самых изучаемых культурных

явлений, при этом интерес к писателям-постмодернистам возрастает с каждым годом (Р. Божанкова, А.Н. Манчев, М. Костова-Панайтова).

Таким образом, русская литература во всем многообразии ее художественного поиска привлекала и продолжает привлекать внимание болгарских исследователей и переводчиков на протяжении всего исследуемого периода. Политические процессы, происходящие в Болгарии и в России, охлаждение в отношениях двух государств не могли повлиять на взаимодействие двух близких культур, о чем свидетельствует интерес к русской литературе со стороны болгарских ученых, исследователей, переводчиков. Организуются конференции о русской литературе, продолжают функционировать журналы, освещающие литературные процессы в России («Факел», «Болгарская русистика» и др.), появляются новые онлайн-журналы («Русистика без границы» («Русистика без границ»)). Появляются работы молодых исследователей. Это позволяет надеяться, что будущее болгарской русистики будет достойным.

Библиография

Художественная литература на русском языке

1. *Астафьев В.П.* Собрание сочинений: В 4 томах. М.: Мол. гвардия, 1979–1980.
2. *Астафьев В.П.* Царь-рыба. М.: Художественная литература, 1984.
3. *Белов В.И.* Привычное дело. М.: Современник, 1987.
4. *Белов В.И.* Собрание сочинений: В 7 томах. М.: Ред.-изд. центр «Классика», 2011-2012.
5. *Бондарев Ю.В.* Собрание сочинений: В 4 томах. М.: Молодая гвардия, 1973.
6. *Быков В.* Болгария — Белоруссия // Быков В. Долгая дорога домой. М., 2005.
7. *Быков В.В.* Собрание сочинений: В 4 томах. М.: Молодая гвардия, 1985–1986.
8. *Гроссман В.С.* Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1988.
9. *Пастернак Б.Л.* Собрание сочинений: В 5 томах. Т. 3. Доктор Живаго. М.: Художественная литература, 1990.
10. *Пасков В.* Баллада о Георге Хениге. М.: Издательский дом «Известия», 1989.
11. *Паустовский К.Г.* Собрание сочинений: В 9 томах. Т. 8. Литературные портреты, очерки. М.: Художественная литература, 1986.
12. *Паустовский К.Г.* Собрание сочинений в 9 томах. Т. 9. Письма 1915–1968. М.: Художественная литература, 1986.
13. *Петров И.* Облава на волков. М.: Художественная литература, 1989.
14. *Полевой Б.* В конце концов. Нюрнбергские дневники. М.: Советская Россия, 1969.
15. *Распутин В.Г.* Остаться братьями, коими и сотворила нас природа. Когда дом горит, музыкой его не спасёшь. Не публиковавшаяся беседа Валентина Распутина и болгарского писателя Лучезара Еленкова. Дата публикации: 2017. URL: <https://www.rospisatel.ru/rumjanzev-rasputin-bolg.htm> (дата доступа: 01.01.2023)
16. *Распутин В.Г.* Повести и рассказы: В 2 томах. М.: Дрофа, 2007.
17. *Распутин В.Г.* Собрание сочинений: В 4 томах. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007.
18. *Распутин В.Г.* Что в слове, что за словом? Очерки, интервью, рецензии. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987.
19. *Синявский А.Д.* Собрание сочинений: В 2 томах. М.: СП «Старт», 1992.

20. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования. В 3 томах. М.: Советский писатель, 1989.
21. *Солженицын А.И.* Публицистика: В 3 томах. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1995–1997.
22. *Солженицын А.И.* Собрание сочинений: В 30 томах Т. 2. В круге первом. М.: Время, 2011.
23. *Солженицын А.И.* Собрание сочинений: В 30 томах. Т. 3. Раковый корпус. М.: Время, 2012.
24. *Солженицын А.И.* Собрание сочинений в 30 томах. Т. 7-8. Красное колесо. Узел 1. Август Четырнадцатого. М.: Время, 2007.
25. *Трифонов Ю.В.* Продолжительные уроки. М.: Советская Россия, 1975.
26. *Трифонов Ю.В.* Собрание сочинений: В 4 томах. М.: Худож. лит.: 1985–1987.
27. *Трифонов Ю.В.* Другая жизнь. М.: Советский писатель, 1979.
28. *Шукишин В.М.* Беседы при ясной луне. М.: Советская Россия, 1975.
29. *Шукишин В.М.* Сельские жители. М.: Молодая гвардия, 1963.
30. *Шукишин В.М.* Собрание сочинений: В 5 томах. Екатеринбург: Уральский рабочий, 1992.
31. *Шукишин В.М.* Там вдали. М.: Советский писатель, 1968.
32. *Шукишин В.М.* Характеры. М.: Современник, 1973.

Художественная литература на иностранных языках

33. *Гроссман В.* Живот и съдба. София: Факел експрес, Жанет 45, 2009.
34. *Биков В.* Избрани повести в два тома. Том 1. (Алпийска балада. Третата ракета. Сотников.) София: Партиздат, 1977.
35. *Биков В.* Избрани повести в два тома. Том 2. Глутницата. (Обелиск. Да доживеем до разсъмване. Неговият батальон.) София: Партиздат, 1977.
36. *Биков В.* Сотников. Повест. София: Държавно военно издателство, 1974.
37. *Паустовски К.* Живописна България. Разкази. София: Народна култура, 1963.
38. *Пелевин В.* Животът на насекомите. София: Факел експрес, Жанет 45, 2017.
39. *Пелевин В.* Generation “П”. София: Калиопа, 2002.
40. *Распутин В.Г.* Избрано в два тома. Том 1-2. София: Народна култура, 1983.

41. *Солженицин А.С.* Архипелаг ГУЛАГ. (1918–1956. Опыт за художествено изследване). София: Народна култура, 1994.
42. *Солженицин А.С.* Един ден на Иван Денисович. Повест. Разкази. София: Интерпринт, 1990.
43. *Солженицин А.С.* Раково отделение. Перник: ИК „Венисон“, 1993.
44. *Солженицин А.С.* Рекло телето дъба да мушка. Очерци от лит. живот. София: Факел експре, 1998.
45. *Трифонов Ю.В.* Градски повести. София: Отечествен фронт, 1980.
46. *Трифонов Ю.В.* Онзи дом на брега на реката. София: Народна култура, 1988.
47. *Трифонов Ю.В.* Продължителна раздяла. София: Отечествен фронт, 1977.
48. *Лебедев С.* Предел на забравата. София: Кръг, 2020.
49. *Лебедев С.* Дебютант. София: Кръг, 2022.
50. *Шукшин В.М.* В профил и анфас. София: Народна култура, 1980.
51. *Шукшин В.М.* Калина алена. София: Народна младеж, 1978.
52. *Шукшин В.М.* Дойдох свободата да ви дам. София: Народна култура, 1982.

Научная и критическая литература на русском языке

53. *Андреев В.Д.* История болгарской литературы. М.: Высшая школа, 1987.
54. *Аристов Д.В.* О природе реализма в современной русской прозе о войне (2000-е годы)// Вестник Пермского университета. № 2(14), 2011. С. 169-174.
55. *Багаева А.Ф.* Образ Болгарии в русской литературе до Освобождения: поэтика и проблематика. Дис. ... канд. филол. наук. М., МГУ им. М.В. Ломоносова, 2020.
56. *Бадрызлова О.В.* Восприятие творчества Валентина Распутина в Германии (1970–1980 гг.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2005.
57. *Бараков В.Н.* От «деревенской прозы» к прозе о деревне (Борис Екимов, Станислав Мишнев, Александр Киров). [Электронный ресурс] URL: <http://parus.ruspole.info/node/5901>. Дата публикации: 2014; дата обращения: 09.01.2024.

58. *Барковская Н.В.* Русская литература в восприятии зарубежных русистов (по материалам софийских конференций 2013–2014 гг.) // Филологический класс, № 1. Екатеринбург, 2015. С. 109–112.
59. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.
60. *Белая Г.А.* Литература в зеркале критики. М.: Сов. писатель, 1986.
61. *Белая Г.А.* Художественный мир современной прозы. М.: Наука, 1983.
62. *Берман Ф.И.* Сталинская родина: могущество смерти и музыки, Юрий Трифонов, Андрей Битов, Пер Гюнт, Менжинский // Сноб. Дата публикации: 05.05.2018. URL: <https://snob.ru/profile/30398/blog/137135> (дата обращения: 10.11.2020).
63. *Бицилли П.М.* Трагедия русской культуры. М.: Русский путь, 2000.
64. *Божанкова Р., Димитров Л.* «Академики» на Балканах. Болгарская литературоведческая русистика рубежа веков // Новое литературное обозрение, № 6, 2002. С. 386–392.
65. *Боров Т.* Русская литература XVIII в. в Болгарии в эпоху Возрождения (Итоги изучения) // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию чл.-корр. АН СССР П.Н. Беркова. XVIII век. М.: Наука, 1966. С. 409–414.
66. *Бочаров А.* Василий Гроссман. Жизнь, творчество и судьба. М.: Советский писатель, 1990.
67. *Большакова А.Ю.* Феномен деревенской прозы (вторая половина XX века). Автореф. ... д. филол. наук. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2002.
68. *Буханцов Н.С.* Русская проза второй половины XX века о Великой Отечественной войне: Эволюция нравственно-философских ориентиров, конфликтов, образов и поэтики. Автореф. ... д. филол. наук. М.: Моск. пед. ун-т, 1998.
69. *Быков В.* Болгария — Белоруссия // Быков В. Долгая дорога домой. 2005, Москва. С. 226.
70. В Болгарии Шукшина любят по-прежнему // Интернет-версия газеты «Известия». <https://iz.ru/news/351363>. Дата публикации: 31.07.2009. (Дата доступа: 20.05.2015).
71. Валентина Распутина вспоминают в Болгарии // Сайт издательства «Молодая гвардия». URL: <https://gvardiya.ru/pub/news/valentina-gasrutina-vsrominayut-v-bolgarii>. Дата публикации: 03.04.2017. (Дата доступа: 11.05.2020).

72. *Вертлиб Е.А.* Русское – от Загоскина до Шукшина. СПб.: Б-ка «Звезды», 1992.
73. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989.
74. *Виноградов В.В.* Некоторые научные итоги Софийского съезда славистов // Вестник АН СССР, 1964, № 2. С. 84–93.
75. *Владова И.М.* Диалог между русской и болгарской культурами посредством перевода // Болгарская русистика. 2017. № 2. С. 63–74.
76. *Владова И.М.* 50 лет Общества русистов Болгарии // Болгарская русистика. 2017, № 2. С. 5–10.
77. *Владова И.* Накануне XI конгресса МАПРЯЛ // Болгарская русистика, 2006, № 3–4. С. 7–10.
78. *Вылков И.* В мире героев Василия Белова // Болгарская русистика. 1989, № 2. С. 36–41.
79. *Гапон Е.К.* Художественная концепция личности в творчестве В.Г. Распутина 1990-х-2000-х годов. Автореф. канд. филол. наук. Армавир. гос. пед. ин-т, 2005.
80. *Гаспаров Б.М.* Литературные лейтмотивы: очерки по русской литературе XX века. М.: Наука: Издательская фирма «Восточная литература», 1993.
81. *Гачев Г.Д.* Андрей Синявский – Абрам Терц. М.: Вузовская книга, 2000.
82. *Гачев Г.Д.* Как и почему так воспринималась русская литература в Болгарии в середине XIX века? // Вопросы литературы. 1978. № 6. С. 195–217.
83. *Гачев Г.* Ускоренное развитие литературы (на материале болгарской литературы первой половины XIX в.). М.: Наука, 1964.
84. *Герчиньска Д.* Восприятие творчества Василия Белова и Валентина Распутина в Польше (60-80-е годы). Автореф. ... канд. филол. наук. М.: Моск. пед. гос. ун-т им. В.И. Ленина, 1997.
85. *Гилярова Е.Е.* Творчество Ивайло Петрова в контексте болгарской прозы 1960-1980-х годов. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2004.
86. *Глэд Дж.* Беседы в изгнании. М.: Книжная палата, 1991.
87. *Голубков М.М.* История русской литературной критики XX века 2-е изд., испр. и доп. Учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2016.
88. *Голубков М.М.* Научные принципы периодизации русской литературы XX века // Мир русскоговорящих стран. Ярославль, № 1, 2019. С. 79–86.

89. *Голубков М.М.* Творчество А.И. Солженицына как итог литературного столетия // А.И. Солженицын и русская культура: научные доклады. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004. С. 13–23.
90. *Голубков М.М.* Три образа войны: К. Симонов, В. Гроссман, Ю. Бондарев (к вопросу о творческой репутации писателя). // Филологическая наука в образовательном пространстве современного Казахстана. Серия «Филология». Казахстанский филиал МГУ, Т. 1. С. 33–42.
91. *Голубков М.М.* А.И. Солженицын // История русской литературы XX века (20-90-е годы). Основные имена – М.: Изд-во МГУ, 2008.
92. *Горн В.Ф.* Наш сын и брат: проблемы и герои прозы В. Шукшина. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1985.
93. *Горчева М.* У одесской лестницы: русский канон в цитатной стратегии популярной болгарской литературы // Политическая лингвистика, Кырджали, 2014. № 1(47). С. 222-229.
94. *Громова М.М.* Библиография исследований русской литературы в Болгарии (2000–2021) // Stephanos. 2022. Т. 56, № 6. С. 117-127.
95. *Гырдев Г.* Проблема «природа-человек-общество» в романе «Царь-рыба» В. Астафьева // Болгарская русистика. 1991, №2. С. 32–40.
96. *Дюришин Д.* Теория сравнительного изучения литературы. М.: Прогресс, 1979.
97. *Евтимова Р.* Нравственные императивы Распутина // Болгарская русистика. 1987, № 3. С. 28–33.
98. Ежегодная национальная премия СПб в области перевода — 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bgtranslators.org/index.php/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D0%B8.html> (Дата обращения: 30.11.2022). Дата публикации: 30.09.2022.
99. *Емельянов Л.И.* Василий Шукшин: Очерк творчества. Л.: Худож. лит.: Ленингр. отд-ние, 1983.
100. *Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение. М.: Наука, 1979.
101. *Захариева И.П.* Авторская модель действительности в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба» // Болгарская русистика. 1991. № 4. С. 10-17.
102. *Захариева И.П.* Аспекты формирования канона в русской литературе XX века. София: Heron Press, 2008.

103. *Захариева И.П.* Новеллистика В. Шукшина // Болгарская русистика. 1982. № 5. С. 3-12.
104. *Захариева И.П.* Пятая книга формирования литературной классики XX века: канонизированные формосмыслы, образы и сюжеты русской словесности. София: Мультипринт, 2016.
105. *Захариева И.П.* Русский роман XX века: авторские опыты спецификации жанра. София: Multiprint Ltd, 2014.
106. *Захариева И.П.* Символизм и своеобразие русского реализма XX века // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. 2002. Вып. 6. С. 3-13.
107. *Захариева И.П.* Художественный синтез в русской прозе XX века. София: Библиотека 48, 1994.
108. *Захаров В.Н.* О глубинных совпадениях Солженицына и Достоевского // Между двумя юбилеями. М., 2005. С. 409–413.
109. *Злыднев В.И.* Болгарская литература // История литератур западных и южных славян: В 3 т. Том третий: Литература конца XIX - первой половины XX века (1890-е годы – 1945). М.: Индрик, 2001.
110. *Злыднев В.И.* Литература 1944-1956 годов // Очерки истории болгарской литературы XIX–XX веков. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 465–505.
111. *Золотусский И.П.* Познание настоящего // Вопросы литературы. 1975, № 10. С. 12–17.
112. *Зубарева Е.Ю.* Андрей Донатович Синявский // История литературы русского зарубежья (1920-е – начало 1990-х гг): Учебник для вузов. М.: Академический проект–Альма Матер. 2011. С. 577–583.
113. *Зубарева Е.Ю.* А.П.Чехов в американском литературоведении и критике 1960-1980-х годов. Дис. канд. филол. наук. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 1989.
114. *Зыкова Г.В.* Всплывающие реминисценции: Достоевский о смерти и вечности в современной театральной интерпретации пьесы Т.Стоппарда "Розенкранц и Гильденстерн мертвы" // сборник Универсалии русской литературы, "Научная книга" Воронеж: Воронежский государственный университет, том 6, с. 260-266.
115. *Иванова И.И.* Деревенская проза в современной отечественной литературе: конец мифа или перезагрузка? // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 6(24). Часть 1. С. 88–94.

116. *Иванова Н.Б.* Проза Юрия Трифонова. М.: Советский писатель, 1984.
117. *Каминский П.П.* Время и бремя тревог. Публицистика Валентина Распутина. М.: Флинта, 2012.
118. *Карцева З.И.* Особенности развития болгарской прозы 1960–80-х годов. (К проблеме циклизации). М.: Изд-во МГУ, 1980.
119. *Карцева З.И.* Русская и болгарская литература XX века (Типология и связи). М.: Изд-во МГУ, 1982.
120. *Карцева З.И.* Постмодернизм в Болгарии (в общем контексте ее литературных связей) // Постмодернизм в славянских литературах. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. С. 65–81.
121. *Князькова В.С.* Творчество А.И. Солженицына в восприятии словацких читателей // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2013, № 3. С. 169–183.
122. *Колобаева Л.А.* Художественный мир В. Распутина // Очерки истории русской литературы XX века. Вып. 1. М.: Изд-во МГУ, 1995. С. 134-151.
123. *Конрад Н.И.* Избранные труды. Литература и театр. М.: Наука, 1978.
124. *Коробов В.И.* Шукшин: Вещее слово. М.: Молодая гвардия, 1999.
125. *Костова-Панайотова М.* Русский литературный модернизм и его влияние на болгарскую культуру // Вестник славянских культур. Т. 58. София, 2020. С. 203–224.
126. *Костова-Панайотова М.* Русская литература в Болгарии после 1989 г.: проблемы преподавания и перевода // Русский язык и культура в зеркале перевода. М., 2018. № 1. С. 597-603.
127. *Котенко Н.Н.* Валентин Распутин: Очерк творчества. М.: Современник, 1988.
128. *Кочетков А.Н.* Актуальные филологические исследования болгарских ученых // Филологический класс. № 1 (39), 2015. С. 113-120.
129. *Краснов В.Г.* Солженицын и Достоевский: Искусство полифонического романа (авторизованный перевод книги: Krasnov V. Solzhenitsyn and Dostoevsky: A Study in the Polyphonic Novel University of Georgia Press, Athens, 1979). М.: Вторая типография, 2012.
130. *Круглов В.А.* СССР и Болгария: социально-экономические и политические взаимоотношения (1944-1970 гг.). Автореф. дисс. ... д.

- историч. наук. Владикавказ: Северо-Осетинский гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова, 2009.
131. *Круглов В.А.* Сущность режима Т. Живкова и процессов десталинизации в некоторых странах Восточной Европы // *Общественные науки.* 2009. № 2. С. 74-79.
132. *Крупин В.Н.* Человек живет сейчас [предисловие] // Петров И. *Облава на волков.* М.: Художественная литература, 1989.
133. *Кузнецов Ф.Ф.* За все в ответе: Нравственные искания в современной прозе. М.: Советский писатель, 1981.
134. *Курбатов В.Я.* В. Распутин: личность и творчество. М.: Советский писатель, 1992.
135. *Лейдерман М.Л., Липовецкий М.Н.* Современная русская литература: 1950-1990-е годы. В 2 томах. Т. 2. М.: Издательский центр «Академия», 2003.
136. *Лесневска Д.С.* К истории становления болгарской русистики (1846 – 1946 гг.) // *Болгарская русистика.* 2017. № 2. С. 14-32.
137. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста, М.: Искусство, 1970.
138. *Луныкова Н.А.* Русская литература на болгарском книжном рынке в XXI в. // *Художественный перевод и его роль в литературном процессе Центральной и Юго-Восточной Европы.* М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 89–97.
139. *Малова Ю.В.* Становление и развитие «лагерной прозы» в русской литературе XIX — XX вв. Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Саранск, 2003.
140. *Манчев А.Н.* В XXI веке о войне: символы и образы романа «Степные боги» А. Геласимова // *Правда о войне в художественных интерпретациях. К юбилею Победы. Материалы XXV Шешуковских чтений.* Под общ. ред. Л.А. Трубиной. М., 2021. С. 104–111.
141. *Манчев А.Н.* К вопросу о языке художественного текста русского романа XXI века // *Обучение иностранным языкам.* 2019. Т. 46. № 5. С. 508-515.
142. *Манчев А.Н.* Метаморфозы реализма в русской прозе: А. Иванов // *Культурные коды русской литературы.* Сб. ст. III Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2019. С. 55–61.
143. *Манчев А.Н.* Мотив пацифизма в современных русских романах (В. Пелевин, Л. Юзефович, Е. Водолазкин) // *1920-е и 2020-е: взгляд*

- сквозь столетие. Материалы XXVI Шешуковских чтений. Под общ. ред. Л.А. Трубиной. М., 2022. С. 99–106.
144. *Манчев А.Н.* Новейшая русская проза в Болгарии // Языки. Культуры. Перевод. М., 2019. № 1. С. 348–358.
145. *Манчев А.Н.* Новый роман воспитания в современной русской прозе // Гуманитарное пространство Москва. Том 9, № 3, 2020. С. 343–351.
146. *Манчев А.Н.* Нравственный контекст романной прозы Е. Водолазкина // Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. XXVI Международная научно-практическая конференция. Будапешт, 2021. С. 69–74.
147. *Манчев А.Н.* Проблема самоидентификации героев русских романов XXI века: Е. Водолазкин, А. Иванов, А. Чудаков // Гуманитарное пространство. 2021 Т. 10, № 3. С. 421–427.
148. *Манчев А.Н.* Русский филологический роман XXI века: традиция, новаторство // Обучение иностранным языкам. 2020. Т. 47. № 6. С. 616–621.
149. *Марков Д.Ф.* Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. М.: Наука, 1983.
150. *Маркова Т.Н.* Русская военная проза 1990-2000-х годов // Филологический класс. 2015. №1 (39). С. 12-16.
151. *Методиева А.С.* Пушкин в сознании Марины Цветаевой и Андрея Битова // Болгарская русистика. 2018. №2. С. 15–20.
152. *Минчев Т.Х.* Первые шаги по дороге болгарской русистики (воспоминания первого секретаря Общества русистов Болгарии) // Болгарская русистика. София, 2017. № 2. С. 11–14.
153. *Недзвецкий В.А., В. В. Филиппов.* Русская деревенская проза. В помощь преподавателям, старшеклассникам и студентам. М.: Изд-во МГУ, 2002.
154. *Николов Э.* Расширение взгляда: кого из современных русских писателей переводят в мире Габриэлла Имполи (Италия), Елена Зейферт (Казахстан), Жорди Морильяс (Испания), Эмил Николов (Болгария) // Знамя. 2009, № 7. С. 187–199.
155. *Николова В.В.* Рецепция русской драматургии в болгарском книгоиздании. Часть первая: 1890–1940-е годы. М.: Академия медиаиндустрии, 2020.

156. *Николова М.С.* Издание и распространение переводов русской художественной литературы в Болгарии: 1878 – 1912. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: Московский гос. ун-т печати, 2007.
157. *Николова М. С., Николова В.В.* Трудности в процессе преподавания русского языка и русской литературы в нефилологическом вузе в Болгарии // сборник докладов Юбилейной международной научной конференции, посвященной 50-летию Общества русистов Болгарии и 50-летию Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (29 июня – 2 июля 2017 г.), София, 2018. С. 738–746.
158. *Ничипоров И.Б.* Вопросы психологии творчества в «Прогулках с Пушкиным» А. Синявского // Филологические науки. Научные доклады высшей школы, 2017. № 4. С. 68–73.
159. *Ничипоров И.Б.* Парадоксы памяти в современном русском романе: «Авиатор» Е. Водолазкина // Ученые записки Орловского гос. ун-та, 2019. № 1 (82). С. 127–130.
160. *Овчаренко А.И.* Художественный мир Василия Белова // Большая литература: основные тенденции развития советской художественной прозы, 1945–1985 гг. М.: Современник, 1985. С. 226–254.
161. *Октябрьская О.С.* Документ, авторский замысел и легенды в романе В.М. Шукшина «Я пришел дать вам волю» // Филологические науки. 1995. №2. С. 13-22.
162. *Панкин Б.Д.* Василий Шукшин и его «чудики» // Панкин Б.Д. Строгая литература. М.: Советский писатель, 1980. С. 180-186.
163. *Пенчева А.И.* Аспекты перевода лексики с национально-культурным компонентом в романе «Лавр» Евгения Водолазкина на болгарский язык // Болгарская русистика. 2021. № 1. С. 73–82.
164. *Пенчева А.И.* Интертекстуальность как переводческая проблема (на примере романа Виктора Пелевина «Любовь к трем цукербринам») // Болгарская русистика. 2020. № 1. С. 71–83.
165. *Петкова Г.* Болгарская академическая литературоведческая русистика: тенденции и интересы // Филологический класс. 2021. Т. 26. № 4. С. 34-36.
166. *Петкова С.А., Божанкова Р.В.* Русистика в Софийском университете – прошлое, настоящее, будущее // Болгарская русистика. София, 2022, № 1. С. 11–27.
167. *Петров И.* Повести Василия Шукшина // Болгарская русистика. 1984, № 6. С. 4–9.

168. *Петров И.* Проза Василия Шукшина. (Художественный мир писателя). Шумен: Аксиос, 1997.
169. *Петров И.* Праздник на улице болгарской русистики // *Болгарская русистика*, 2006, № 3–4. С. 130–132.
170. *Поль Д., Манчев А.* Универсальные смыслы в русских романах XXI века // *Обучение иностранным языкам*. 2021. Т. 48. № 4. С. 408–416.
171. *Поляков М.* Некоторые вопросы болгаро-русских литературных отношений // *Вопросы литературы*. № 4. 1959. С. 225–229.
172. *Пономарева Н.Н.* Болгарская литература // *История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны в двух томах*. Т. 2. / РАН, Ин-т славяноведения; редкол.: В.А. Хорев, С.А. Шерлаимова, Г.Я. Ильина. М.: Индрик, 2001.
173. *Раевская М.А.* Восприятие поэзии В.С. Высоцкого в Болгарии: переводы и критика (1972-2009). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2009.
174. *Ратькина Т.Э.* Литературная критика и эссеистика А.Д. Сиявского в оценках отечественной и зарубежной печати. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2009.
175. *Решетникова О.Н.* В самое тяжёлое время // *Литературная Россия*, 2018, № 14. С. 21.
176. *Решетникова О.Н.* Распутин в Болгарии // Интернет-газета «Столетие», 2017, 15 марта. URL: http://www.stoletie.ru/sozidатели/rasputin_v_bolgarii_573.htm. Дата обращения: 13.01.2024.
177. *Румянцев А.Г.* Валентин Распутин. М.: Молодая гвардия, 2016.
178. *Румянцев А.Г.* «Сзывая нас на общие труды...». Дата публикации: 2017. URL: <https://www.rospisatel.ru/rumjanzev-rasputin-bolg.htm> (дата доступа: 15.01.2024)
179. Сайт журнала «Болгарская русистика». URL: http://bgrusisty.com/?page_id=23. Дата доступа: 09.01.2024.
180. *Соколова Е.В.* Реферат книги: Божанкова Р. Диапазоны возможностей цифровой литературы // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература*. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал. 2015. С. 30-36.
181. *Сорокина В.В.* Творчество В. Распутина и Ю. Трифонова в критике ФРГ последнего десятилетия // *Русская литература*

- в зарубежных исследованиях 1980-х годов. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 138-153.
182. *Садовская Н.* «Живописная Болгария» Константина Паустовского. Кировец: газета Кировского райсовета. № 29, 2011. 21 июля. С. 3. URL: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/mesta/sadovskaya-zhivopisnaya-bolgariya.htm>.
183. *Сигов В.К.* Проза В.Г. Распутина: (Проблематика и поэтика): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 1984.
184. *Сигов В.К.* Проблема народного характера и национальной судьбы в прозе В.М. Шукшина. Автореф. дис. ... доктора филологических наук. М.: ИМЛИ РАН РАН, 2000.
185. *Свиленов А.* Разговор с писателем // Иностранная литература. 1979. № 8. С. 289–303.
186. *Семенова С.Г.* Валентин Распутин. М.: Советская Россия, 1987.
187. *Славникова О.А.* Деревенская проза ледникового периода // Новый мир. 1999, № 2. С. 88–94.
188. *Сметанина С.И.* «Читай Россию»: читайте классиков. [Электронный ресурс]. Информационный портал фонда «Русский мир». URL: <https://russkiymir.ru/publications/245578/> (Дата публикации: 10.09.2018; дата обращения: 13.01.2024).
189. *Старикова Е.В.* Ищущая душа // Новый мир. 1985, № 12. С. 232–236.
190. *Старикова Л.С.* «Лагерная проза» в контексте русской литературы XX века: понятие, границы, специфика // Вестник КемГУ. 2015. № 2–4 (62). С. 169–174.
191. *Стрыгина Е.Л.* Разин и «разинский тип» в прозе В.М. Шукшина. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2010.
192. *Стопченко Н.И.* Братское сердце из Сибири: Василий Шукшин в болгарской культуре (к 70-летию освобождения Болгарии от немецкого фашизма) // Культура и цивилизация. 2014, № 1–2. С. 102–138.
193. *Стопченко Н.И.* Художественное наследие В.М. Шукшина в диалоге России с зарубежными культурами. Автореф. ... д-ра культурологич. наук. Краснодар: Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств, 2006.

194. *Тангян О.Ю.* Испытания Юрия Трифонова // Дерibasовская – Ришельевская: Альманах. Одесса, 2010. № 41. С. 198–226.
195. *Тевекелян Д.В.* День забот: Размышления о городской прозе 1960–70-х годов. М.: Советский писатель, 1982.
196. *Тендитник Н.С.* Ответственность таланта. О творчестве Валентина Распутина. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978.
197. *Тодоров А.* Советская литература в Болгарии // Болгарская русистика. 1984, № 4. С. 3–8.
198. *Тодоров Ц.* Введение в фантастическую литературу. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
199. *Трущенко Е.Ф.* Рецензия на статью Л. Боевой «Постмодернизм в русской литературе» // Социальные и гуманитарные науки. Серия 7. Литературоведение, 1999. С. 79–83.
200. *Уваров И.В.* Типы художественного мифологизма в прозе Йордана Радичкова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2007.
201. *Узунколев Ф.А.* А.Т. Твардовский в Болгарии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1990.
202. *Федь Т.Н.* Малые жанровые формы современной русской прозы (В. Астафьев, Ф. Абрамов, В. Пикуль, Ю. Бондарев). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МПГУ, 1993.
203. *Федь Т.Н.* Переводная рецепция произведений Виктора Астафьева в Болгарии // К юбилею профессора Нэлли Михайловны Щедриной: международный сб. науч. трудов. М.: МГОУ, 2014. С. 319–325.
204. *Федь Т.Н.* Проза Василя Быкова в Болгарии: проблемы перевода и рецепции // Сб. ст. по итогам II Международной научной конференции. Под общ. ред. Л.Ф. Алексеевой, В.Н. Климчуковой, С.В. Крыловой. М.: МГОУ, 2016. С. 249 – 255.
205. *Федь Т.Н.* Переводная рецепция русской прозы о Великой Отечественной войне в Болгарии // Болгарская русистика. 2022. № 2. София. С. 30–42.
206. *Федь Т.Н.* Книга «Русский роман XX века: авторские опыты спецификации жанра» (София, 2014) в контексте творчества Ирины Захариевой // OPERA SLAVICA. Брно, XXV, 2015. № 1. С. 67–71.
207. *Федь Т. Н.* О новых книгах Ирины Захариевой // Болгарская русистика. 2008. № 3–4. С. 122-130.

208. *Филипов П.С.* Эмигрант и иммигрант Солженицын // Болгарская русистика. 2020, № 2. С. 43–49.
209. *Хализев В.Е.* Русское академическое литературоведение. История и методология (1900–1960-е годы). Учебное пособие. М., СПб.: Нестор-История, 2017.
210. *Цветкова Д.* Памяти Василия Макаровича Шукшина // Болгарская русистика. София, 1984. № 6. С. 10–16.
211. *Цыбенко О.В.* Польская деревенская проза 1960-80-х гг. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2006.
212. *Чеканникова И.М.* Русская «деревенская проза» в англо-американской славистике. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск: Том. гос. ун-т. 2005.
213. *Чеканникова И.М.* Стилистические особенности прозы Валентина Распутина // Образование на пороге XXI в.: Материалы Всерос. науч.-практической конф. Новокузнецк, 2001. С. 25–31.
214. *Шапошников В.Н.* Валентин Распутин. Новосибирск, 1978.
215. *Шешкен А.Г.* Цанов И. Шолохов и «Поднятая целина» в Болгарии // РЖ ИНИОН АН СССР. Общественные науки за рубежом. Серия 7. Литературоведение. М., 1990. С. 172–176.
216. *Шешкен А.Г.* «Слово о полку Игореве» в Болгарии: итоги и перспективы исследования // Новые советские и зарубежные исследования «Слова о полку Игореве». М.: Институт научной информации по общественным наукам Академии наук СССР, 1987. С. 79–92.
217. *Шешкен А.Г.* Проблемы русской литературы в журнале «Болгарская русистика» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 4, 1988. С. 108–111.
218. *Шешкен А.Г.* Творчество М.А. Шолохова и литература Югославии. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 1985.
219. *Экштут С.А.* Юрий Трифонов: Великая сила недосказанного. М.: Молодая гвардия, 2014.
220. *Эпштейн М.* Искусство авангарда и религиозное сознание // Новый мир. 1989. № 12. С. 222–235.

Научная и критическая литература на иностранных языках

222. *Аврейски Н.* Солженицын като идеолог на посткомунистическа Русия // Геополитика. № 1, 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.geopolitica.eu/2019/173-broy-1-2019/2972-solzhenitsin-kato-ideolog-na-postkomunisticheska-rusiya>.
223. *Апостолова А.* «Предел на забравата» на Сергей Лебедев — забравено или не, миналото никога не свършва. [Электронный ресурс]. URL: <https://literaturnirazgovori.com/bookreviews/2020/07/22/11-58-предел-на-забравата> (дата публикации: 22.07.2020; дата обращения: 14.01.2024).
224. *Крыстева Е.* «Оправданието на Острова» на Евгений Водолазкин излиза на нашия пазар. [Электронный ресурс]. URL: <https://bnr.bg/sofia/post/101621310/opravdaniето-na-ostrova-na-evgenii-vodolazkin-izliza-na-nashia-pazar> (Дата публикации: 24.03.2022; дата доступа: 14.01.2024).
225. Балкански център по русистика бе открит в «Камчия». [Электронный ресурс]. URL: <https://kamchia-corporate.com/балкански-център-по-русистика-ще-бъде/> (дата публикации: 15.09.2021; дата доступа: 14.01.2024).
226. *Балтова Р.* Уроци по... човечност. Размисли върху разказа на Валентин Распутин «Уроци по френски» // Тракия. Пловдив, 1994. № 4. С. 54–56.
227. *Беженару Л.* Концептът «малка родина» в диалога на националните литератури от ХХ–ХХІ век. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. София, 2015.
228. *Боева Л.* Постмодернизъмът в съвременната руска литература // Литературна мисъл, № 3, София, 1995-1996. С. 161–170.
229. *Божанкова Р.* Руска миниатюрна проза от ХХ век. Типология. Поетика. София, 1995.
230. *Божанкова Р.* Хоризонти на дигиталната литература. София: «Св. Климент Охридски», 2013.
231. *Божанкова Р.* Виктор Пелевин: сценарий за калейдоскоп // Култура [Электронный ресурс] URL: https://newspaper.kultura.bg/media/my_html/2192/pel-kalei.htm (дата публикации: 14.09.2001; дата обращения: 14.01.2024)
232. *Божанкова Р.* Постмодернистичният руски текст. София: Факел, 2001.

233. *Божанкова Р.* Постмодернистични азбуки // Литературен вестник, 2002, № 22. [Електронный ресурс] URL: 2002. <https://web.archive.org/web/20101221024749/http://www.slovo.bg/litvestnik/index.php?ar=100> (дата обращения: 09.01.2024)
234. *Божанкова Р.* Руска емигрантска и дисидентска литература // Преводна рецепция на европейските литератури в България. Т. 2. Руска литература. София: АИ «Проф. Марин Дринов», 2001. С. 419–421.
235. Ботевска награда за Александър Солженицин // News.bg. Дата публикации: 30.05.2008. [Електронный ресурс] URL: <https://news.bg/culture/botevska-nagrada-za-aleksandar-solzhenitsin.html>. (Дата обращения: 09.01.2024)
236. *Ваксберг Т.* Пълен превод на «Архипелаг Гулаг» // BNT News. Дата публикации: 23.02.2015. [Електронный ресурс] URL: <https://bntnews.bg/bg/a/pa-len-prevod-na-arhipelag-gulag-782542> (Дата обращения: 09.01.2024)
237. *Васева И. К.Г.* Паустовски // Преводна рецепция на Европейските литератури в България. Т. 2. Руска литература. София: АИ «Проф. Марин Дринов», 2001. С. 348–354.
238. *Вылов И.* И мъртъв, Василий Шукшин се бори със злото // Класа. 2011. [Електронный ресурс] URL: <http://www.classa.bg/en/component/k2/item/40079>. (Дата обращения: 09.01.2024).
239. *Вылчев Н.* Сбогуване с Васил Биков // Вестник «Култура», 2003, № 40, 31 октомври. [Електронный ресурс] URL: <https://newspaper.kultura.bg/bg/article/view/8932> (дата обращения: 03.10.2023).
240. *Гачев Г.* Съдържателност на художествените форми. Епос, лирика, театър. София, 1982.
241. *Георгиев Н.* Тревожно литературознание. София: Просвета, 2006.
242. *Георгиев Х.* Български писатели срещу Солженицин и срещу свои // Поглед.Инфо. Дата публикации: 26.11.2020. [Електронный ресурс] <https://pogled.info/avtorski/Hristo-Georgiev/balgarski-pisатели-sreshtu-solzhenitsin-i-sreshtu-svoi.123142> (Дата доступа: 09.01.2024)
243. *Германов Г.* Руската литература и духовното развитие на българина // Преводът и българската култура. София: Народна култура, 1981. С. 61–84.

244. *Гырдев Г.* «Литература въпреки модела» (Михаил Алексеев, Чингиз Айтматов, Валентин Распутин). Велико Търново: УИ «Св. св. Кирил и Методий», 1997.
245. *Гырдев Г.* «Руската «селска» проза и полемиките за нея // Проглас. Велико Търново, 1994, № 2 (III). С. 65–77.
246. *Гырдев Г.* Руската «селска» проза и свръхнормативната естетика // Проглас. 1995, № 1 (IV). С. 56–68.
247. *Гырдев Г.* Проблема «природа-человек-общество» в романе «Царь-рыба» В. Астафьева // Болгарская русистика. 1991, №2. С.32-40.
248. *Даскалова К.* Андрей Синявски и Юлий Даниел — двама съветски еретици // Годишник на Софийския университет, том: Философски факултет, Книга Библиотечно-информационни науки, брой: 7, Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2015, С. 53–70.
249. *Димитрова Д.* Гласът на нобелистите: Борис Пастернак // Архивен фонд БНР. Дата публикации: 10.02.2020. [Електронен ресурс] URL: <https://archives.bnr.bg/glasat-na-nobeliste-boris-pasternak/>. (Дата обращения: 09.01.2024).
250. *Димитрова М.Г.* Б.Л. Пастернак. Естетически поглед към лит. творчество. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1994.
251. *Димитрова Н.* Рецензия на книгата «Град и власт» // Социологически проблеми. София, 1992. № 2. С. 145–146.
252. *Димов Г.* Литературна критика и съвременен литературен процес // Болгарская русистика. 1987, № 3. С. 143–152.
253. *Донев В.* Александр Солженицин. Класика срещу канон. Велико Търново: Фабер, 2011.
254. *Донев В.* Александър Солженицин и оценката занеговото творчество в «Задочните репортажи» на Георги Марков // Електронно списание LiterNet, 11.11.2012, № 11. URL: <https://litenet.bg/publish10/vdonev/georgi-markov-solzhenicin.htm>. Дата доступа: 09.01.2024.
255. *Дудевски Х.* Б.Л. Пастернак // Преводна рецепция на Европейските литератури в България. Т. 2. Руска литература. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2001. С. 290–296.
256. *Евтимова Р.* Класиците в постмодерната ситуация // Болгарская русистика. 2010. №№ 1-2. С. 147–153.

257. *Загоров В.* Българското книгоиздаване и руската литература (1918–1944), София: УИ «Св. Климент Охридски», 2019.
258. *Иванов К.* Руската класическа литература в електронната ера – съдбата на литературния канон във виртуална реалност // Класика и канон в руската литература. София. Факел, 2012. С. 157–163.
259. Излезе новия роман на А. Бушков // Sofiapress. Дата публикации: 17.11.2019. [Електронный ресурс] URL: <https://sofiapress.com/culture/aleksandar-buchkov-bogomil-rainov-e-lubimiat-mi-pisatel-ot-kogoto-sam-se-uchil/>
260. *Игов С.* Българската литература след 1989 година // Електронно списание LiterNet, 24.06.2009, № 6 (115). URL: <https://litenet.bg/publish/sigov/1989.htm>. (Дата обращения: 09.01.2024)
261. *Илчева Р. В.М.* Шукшин // Преводна рецепция на европейските литератури в България. Том 2. Руска литература. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2001. С. 384–390.
262. *Казански Н.Р.* Солженицин в България: 100 години от рождението му // «Факел». [Електронный ресурс] URL: <https://fakel.bg/александър-исаевич-солженицин-в-бълг/> (Дата публикации: 22.05.2020; дата обращения: 09.01.2024).
263. *Касабов М.* Книга от нашето минало // Култура. 21.01.2019. [Електронный ресурс] URL: <https://kultura.bg/web/книга-от-нашето-минало/> (дата обращения: 09.01.2024).
264. *Кинов В., Узунова Р.* Разговор с Юрий Трифонов // Литературна мисъл. София, 1991. № 5–6. С. 155–163.
265. *Кирова М.* Руската литература в България след 1989 // Култура. 2009, № 40. [Електронный ресурс] URL: <http://newspaper.kultura.bg/bg/article/view/16285> (Дата обращения: 09.01.2024).
266. *Коробко Д.* В превода е важно да се потопиш в текста и да избереш правилния стил на плуване. [Електронный ресурс]. URL: <https://krug.eu/2020/10/01/denis-korobko-v-prevoda/> Дата публикации: 01.10.2020, дата обращения: 09.01.2024).
267. *Костова-Панайотова М.* Меч, наточен срещу нечистата сила. Почина Александър Исаевич Солженицин // LiterNet.bg. 05.08.2009. [Електронный ресурс] URL: https://litenet.bg/publish5/m_kostova/solzhenicin.htm (Дата обращения: 09.01.2024).

268. *Крыстева Е.* «Оправданието на Острова» на Евгений Водолазкин излиза на нашия пазар. [Електронен ресурс]. URL: <https://bnr.bg/sofia/post/101621310/opravdaniето-na-ostrova-na-evgenii-vodolazkin-izliza-na-nashia-pazar> (Дата публикации: 24.03.2022; дата обращения: 15.01.2024).
269. *Кюранов Д., Дойнов П.* Писане с тялото, Солженицын и България // Култура, София, 2018. № 4. С. 7–13.
270. *Кьосева Ц.* Руската емиграция в България. София. 2002; *Косик В.И.* Русские изгнанники в Болгарии в 1920-1950-х годах // Весник ПСТГУ. II. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 1 (22). С. 27-28.
271. *Марков Г.* Есета – част 2: Гражданската доблест на Юрий Трифонов // Ненаписаната българска харта. София, 2016. С. 269–276.
272. *Марков Г.* Когато часовниците са спрели. Нови задочни репортажи за България. София: Изд. къща П.К. Яворов, 1991.
273. *Метева Е.* Руската литература в Българското ù преводно битие // Преводна рецепция на Европейските литератури в България. Т. 2. Руска литература. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2001. С. 5–24.
274. *Милев Н.* Жалони на екрана: «Калина алена» // Работническо дело. София, 1975. 4 сент. С. 3–9.
275. *Митовска М.* За вас, бѣдни хора. София: Военно издателство, 1982.
276. *Мичева Ив.* За «простотата» в стила на Василий Шукшин в разказа «Космос, нервна система и парче сланина» // Научни трудове. Русе, 2001. Т. 38. Серия 8. С. 73–75.
277. *Момчилов К.* Любими руски писатели и България. От Александър Пушкин до Александър Руденко. София: ВНИИ – 1837, 2021.
278. *Наков М.* Какво четем от Ал. Солженицын на български? // Болгарская русистика. 2003. № 3–4. С. 53–38.
279. *Неделчева Т.* Град и власт. София: Сигма Н, 1991.
280. *Нейкова А.* Интервю с Л. Шукшина. Лидия Федосеева-Шукшина: И без да давам интервюта, зрителите ме обичат // Дума, 25.11.2010. [Електронен ресурс] URL: <https://duma.bg/?go=news&p=detail&nodeId=7696> (Дата обращения: 09.01.2024).
281. *Николов Т.* В кръга на Солженицын. Бележки по полетата на романа «В първия кръг» (Фондация «Комунитас», 2021 г.) // Култура,

- 2021, 09.12. [Електронен ресурс] URL: <https://kultura.bg/web/в-кръга-на-солженицин/> (Дата на обращение: 09.01.2024).
282. *Новков М.* Литературните събития на 90-те // Литературен вестник, 1999, № 22. С. 32–38.
283. *Пенчев Г.* Литературен процес и съвременност. Партиздат: София, 1980.
284. *Пенчев Г.* Литературата в борба за идеала. Български писател: София, 1989.
285. *Пенчев Г.* Разговори за съветска литература. София: Български писател, 1984.
286. *Пенчев П.* Неслучайна среща с Александър Солженицин или два нюанса политическа некоректност // Екип. 28.12.2021. [Електронен ресурс] URL: <https://ekipbg.com/solzhenitsyn/> (Дата на обращение: 09.01.2024)
287. *Пехливанов И.* Прощално за Валентин Распутин. <https://iliyapehlivanov.blogspot.com/2015/12/blog-post.html>. (Дата на публикация: 18.12.2015; дата на обращение: 09.01.2024).
288. *Попов И.* Хакери на човешките души (литературоведски вариант) // Liternet. 26.07.2000. [Електронен ресурс] URL: <https://litenet.bg/publish/ipopov/pelevin.htm> (Дата на обращение: 09.01.2024).
289. *Радев Н.* Когато Господ ходеше по земята. София: Димитър Благоев, 1999.
290. *Радева Я.* Какво забравяме, когато преминаем предела на забравата // Литературен вестник (Литературна газета). София, 2021. № 4. С. 6.
291. *Радинова В.* Проблемът Солженицин – на 80 години // Liternet. 16.04.2002. [Електронен ресурс] URL: <https://litenet.bg/publish5/vradinova/solzhenicin.htm> (Дата на обращение: 09.01.2024).
292. *Райчев А.* Венцел Райчев свърза Желев с Елцин // Вестник «24 часа». 02.06.2009. [Електронен ресурс] URL: <https://www.24chasa.bg/Article/146439> (дата на достъп: 03.10.2023).
293. *Русев Р.* Реализмът, модернизмът и постмодернизмът в художествената панорама на столетието // Западноевропейският модернизъм и славянските литератури. Велико Търново, 1999. С. 325–336.

294. *Русев Р.* Руски отражения върху българската литература през ХХ век // SESDiva. Дата публикации: 2019. [Електронный ресурс] URL: <https://sesdiva.eu/virtualni-stai/kulturen-obmen/item/94-russian-reflections-bulgarian-literature> (Дата обращения: 09.01.2024)
295. *Русев Р.* С маска и няколко лица (Валентин Распутин и руската «селска проза»). София: ДИОС, 2000.
296. Руска литература от ХХ век // Руска литература на ХІХ и ХХ век. Пловдив: Хермес, 2002.
297. *Свиленов А.* Василий Шукшин отблизо // Пламък. 1975. № 6. С. 90–95.
298. *Семерджиева В.* Интервю с П. Тотев: Тръпка ми е да откривам и налагам нови автори // Дума. 05.08.2022. [Електронный ресурс] URL: <https://duma.bg/plamen-totev-trapka-mi-e-da-otkrivam-i-nalagam-novi-avtori-n261618> (Дата обращения: 09.01.2024).
299. *Стефанова Л.* Моят луд век. София: Enthusiast, 2016.
300. *Темпест Р.* Ботевска награда за Александър Солженицин // News.bg. 30.05.2008 [Електронный ресурс] <https://news.bg/culture/botevska-nagrada-za-aleksandar-solzhenitsin.html> (Дата обращения: 29.09.2020)
301. *Топчиева К.* Правдива и човечна. Партиздат: София, 1977.
302. *Топчиева К.* Руската литература за Отечествената война // Преводна рецепция на Европейските литератури в България. Том 2. Руска литература. Составители Илиана Владова, Евдокия Метева, Любен Любенов. София, АИ «Проф. Марин Дринов», 2001. С. 366–379.
303. *Хаджишванов Г.* Без граници, нов свят ще сътвориме, свят на любов, на правда, свобода. Благоевград: Корект, 2007.
304. *Хаджишванов И., Колев Т.* Без граници нов свят ще съворим. София: Multiprint LTD, 2019.
305. *Хартомацидис Х.* 50 години от второто издание на романа «Живи и мъртви» от Константин Симонов // Факел. 03.10.2012. [Електронный ресурс] URL: <https://old.fakel.bg/index.php?t=2190> (Дата обращения: 09.01.2024).
306. *Христова Н.* Българският скандал. Солженицин (1970–1974 г.). София: Издателско ателие Аб, 2000.
307. Центърът за руски език и култура отпразнува 10 години. [Електронный ресурс] URL: <https://uni-plovdiv.bg/news/news/834/> (Дата публикации: 06.03.2020, дата обращения: 09.01.2024).

308. *Цветков И.* Съдбата на поета // Литературен фронт. 1981. № 2. С. 15–18.
309. *Цветков И.* Погледи към две литератури. София: Български писател, 1988.
310. *Цветков И.* Литература на човешкия подвиг (статии и очерци за съветската литература). София: Партиздат, 1980.
311. *Цветков И.* В години на изпитания. София: Христо Ботев, 2000.
312. *Цонева А.* Записки по руска съветска литература. Варна: Висш. Институт за народно стопанство «Д.Благов», 1985.
313. *Чавдарова Д.* Какво означава «българска» русистика? // Класика и канон в руската литература. София: Факел, 2012. С. 163–164.
314. *Шейтанов Т.* Проза на Василий Шукшин и традициите на руската класическа литература // Лит. мисъл. 1982, № 9. С. 55–68.